

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

Е. И. Шабалина

ПРИМОРСКИЕ РЕГИОНЫ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ОБЪЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
СТРАТЕГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ
В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ

Монография

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2014

УДК 005(470)
ББК 65.050(2)
Ш122

Рецензент

А. В. Сербулов, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой менеджмента
Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота

Рекомендовано к печати кафедрой менеджмента экономического факультета БФУ им. И. Канта.

Шабалина, Е. И.

Ш122 Приморские регионы: функционально-объектное управление стратегическим развитием в условиях интеграции : монография / Е. И. Шабалина. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. — 161 с.
ISBN 978-5-9971-0302-6

Предложены концептуальные подходы к реализации функционально-объектного управления стратегическим развитием интегрированных систем приморских регионов в условиях возрастающего влияния факторов нестабильности среды.

Представленная монография будет полезной как для исследователей, так и практиков, занятых в сфере формирования и реализации соответствующих решений региональной экономической политики.

УДК 005(470)
ББК 65.050(2)

ISBN 978-5-9971-0302-6

© Шабалина Е. И., 2014
© БФУ им. И. Канта, 2014

== ВВЕДЕНИЕ ==

Современные процессы трансформации рыночного пространства, обусловленные глобализацией и посткризисным состоянием мировой экономической системы, а также изменения, произошедшие за последние годы в экономике России в связи с расширением взаимодействия региональных экономических систем на различных уровнях управления, все больше требуют от руководителей умения видеть перспективы и принимать обоснованные управленческие решения. Необходимо учитывать воздействие объективных факторов и закономерностей развития, с одной стороны, а с другой — использовать возможности формирования мотивирующей предпринимательской среды, позволяющей управлять развитием социально-экономических систем, обеспечивая процессы устойчивого экономического роста.

При этом следует подчеркнуть, что классической основой устойчивого развития общества является реальный сектор экономики. Однако в сложившихся условиях интеграции и своего рода сращивания хозяйственных систем национального и межнационального уровней наряду с положительными моментами расширения связей и экономических отношений создаются предпосылки формирования более масштабных признаков глобализации, что в свою очередь определяет неизбежность расширения кризисных ситуаций, проявления отрицательных их последствий и усиления нестабильности среды. Такое положение обуславливает необходимость своевременной реакции в целях стабилизации процессов развития регионов и предупреждения указанных негативных тенденций, что выдвигает новые требования к управлению экономической деятельностью интегрированных региональных образований.

В современной отечественной научной литературе данным вопросам уделяется значительное внимание. Отмечается усиление роли регионов в процессах развития как национальной

экономики, так и международных экономических отношений. При этом особенно возрастает роль регионов, выступающих центрами сотрудничества и интеграции в связи с их географическим положением и экономической ролью.

В Российской Федерации к таким регионам относятся приморские, приграничные, а также экспортно ориентированные территориальные системы. В то же время, характеризуя современное участие РФ в международных процессах интеграции и отмечая все возрастающий уровень экономического взаимодействия с иностранными партнерами, следует подчеркнуть, что масштабы российской торговли с зарубежными странами все еще не соответствуют потребностям и имеющимся возможностям, а ее товарная структура формируется в основном в рамках экспортной направленности. Существует ряд проблем в развитии торгового сотрудничества России с Евросоюзом, а также другими объединениями за рубежом.

Что касается процессов интеграции в рамках отечественной экономики, то здесь нужно отметить продолжающуюся дифференциацию регионов и наличие существенных диспропорций межрегиональных, а также внутрирегиональных связей.

При этом для регионов, участвующих в интеграции, происходит расширение воспроизводственного процесса с выходом за пределы региональных и государственных границ. Чаще всего такое расширение начинается уже на стадии производства, в связи с чем экономическая и хозяйственная деятельность отдельных регионов становится объектом влияния разнородных и противоречивых факторов, формируемых на уровнях региональной, национальной и международной экономической политики как своего государства, так и государств — экономических партнеров. Объективная недостаточность влияния на данные процессы каждой отдельной страны требует формирования интеграции как специфической функции саморегулирования и территориального саморазвития. Однако усиление значимости факторов, связанных с условиями интеграции, определяющими особенности экономической деятельно-

сти конкретных регионов и проблемы их взаимодействия, а также недостаток механизмов регулирования, особенно саморегулирования, функции интеграции обуславливают снижение эффективности хозяйствования и отставание темпов роста, углубляют процессы региональной дифференциации и диктуют необходимость формирования особых подходов к современному территориальному развитию.

В настоящей монографии предложены концептуальные подходы к реализации управления развитием интегрированных систем приморских регионов на основе функционально-объектного подхода.

В первой главе рассмотрены основные теоретические подходы к исследованию регионального развития в условиях интеграции, представлены ведущие гипотезы и концепции устойчивого роста, раскрыта специфика стратегических подходов к управлению развитием регионов в условиях современной экономики.

Во второй главе исследованы современные характеристики взаимодействия регионов приморского расположения, обоснована необходимость и целесообразность особого подхода к управлению экономическим ростом таких территорий и предложена концепция управления пропорциональным развитием интегрированных экономических систем на основе функционально-объектного моделирования.

Третья глава посвящена вопросам практической реализации предложенного подхода на примере Калининградской области как приморской территории, являющейся одним из центров российской региональной интеграции. Глава включает исследование особенностей формирования и использования регионального экономического потенциала, рекомендации по созданию условий и предпосылок развития стратегических направлений деятельности, а также по реализации функционально-объектной модели развития в системе стратегического регионального управления.

Выражаю искреннюю благодарность рецензенту — профессору, доктору экономических наук А. В. Сербулову, а также глубокую признательность профессорам, докторам экономических наук В. С. Бильчаку, В. В. Ивченко, Л. И. Сергееву, Г. М. Фёдорову за консультации и помощь в подборе отдельных материалов. Особо хочу поблагодарить коллектив Издательства БФУ им. И. Канта за большую творческую работу по подготовке книги к изданию.

Надеюсь, что содержание представленной монографии будет полезным как для исследователей, так и практиков, занятых в сфере формирования и реализации региональной экономической политики.

== Глава 1 ==

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ СТРАТЕГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

1.1. Развитие региональных исследований экономического пространства. Теории и концепции региональной интеграции

Истоки теоретических исследований, связанных с процессами регионального развития, принято относить к концу XVIII в., когда некоторые ученые предпринимали попытки определить экономическое пространство. В этот период возникла и начала развиваться такая наука, как региональная экономика, формировались теории и концепции размещения производительных сил, послужившие в дальнейшем основой создания ряда школ и направлений, связанных с изучением процессов экономического роста. При этом экономическое пространство как объект исследования интересовало ученых с позиций анализа закономерной основы влияния факторов, определяющих развитие предпринимательства в контексте его эффективности и функциональности.

Основываясь на постулатах классической политической экономики и взглядах А. Смитта (1723—1790) и А. Риккардо (1772—1823), исследователи рассматривали экономическое пространство как некоторую дистанцию, создающую издержки. Приоритет же в открытии влияния пространственного фактора на прибыль и издержки производства принято отдавать немецкому экономисту, теоретику в области экономики сельского хозяйства И. Г. Тюнену.

В своей книге «Изолированное государство...» (1826) И. Г. Тюнен акцентирует влияние местоположения земельных участков (расстояние их от рынка) на их доходность и специа-

лизацию. Сельскохозяйственное пространство было поделено им на «концентрические круги» в соответствии с действием расстояния, цены и земельной ренты. В дальнейшем аналогичные концентрические круги использовались в конце XIX в. и другими учеными, в частности для обоснования размещения промышленности при учете таких факторов, как численность населения, природные ресурсы и наличие источников энергии.

Однако наиболее значительное развитие указанная теория получила только в начале XX столетия в трудах немецкого экономиста и социолога А. Вебера. В своей работе «О шпандорте промышленности» (1909) он попытался разработать «общую теорию» оптимального размещения всех предприятий в совокупности, для чего им были определены и проанализированы основные факторы, оказывающие влияние на размещение промышленного предприятия. По мнению Вебера, главную роль при этом играет стремление к минимизации транспортных издержек и затрат на оплату труда. При этом учитывался также агломерационный эффект [66].

Нельзя не отметить, что указанные исследования имели ряд допущений. Транспортная ориентация учитывала только два фактора, по которым рассчитываются издержки: вес перевозимых грузов и расстояние их транспортного перемещения. Не принимался во внимание фактор мобильности трудовых ресурсов. Что касается эффекта агломерации, то данный аспект автоматически включал в себя указанные неточности, так как агломерационная ориентация, по мысли А. Вебера, возникает в тех случаях, когда экономия от концентрации производства покрывает дополнительные издержки на транспорт и рабочую силу.

В то же время данные теории размещения предприятий сформировали представление о влиянии различных факторов на размещение производства и стали основой для принципиальной оценки зависимостей между факторами и размещением.

В 30—40-е гг. XX столетия в Германии были продолжены исследования пространственной организации производства.

Немецкие экономисты В. Кристаллер и А. Леш сформулировали так называемую теорию центральных мест. В. Кристаллер в своей диссертационной работе «Центральные места Южной Германии» (1933) обосновал «центральность» места по соотношению обеспечиваемых им услуг, а также пространственную иерархию сферы обслуживания. Он пришел к выводу, что центральные места и обслуживаемые ими районы могут быть изображены геометрически в виде плотно соприкасающихся шестиугольников. Развитие данной теории нашло свое отражение в книге А. Леша «Пространственный порядок хозяйства» (1940), в которой было представлено более точное объяснение процессов формирования рыночных зон и соподчиненных иерархий, с распространением данной теории на любые виды производства.

Но главной заслугой А. Леша стало продолжение его исследований на основе обобщения частных теорий И.Г. Тюнена, А. Вебера и В. Кристаллера путем расширения предмета теории размещения от отдельного предприятия до уровня экономических районов. При этом он увеличил число учитываемых факторов размещения производства, а также представил экономический район в виде рынка, который обусловлен межрегиональной конкуренцией.

Примененный А. Лешем метод абстрактно-теоретического анализа размещения производства на однородной территории позволил обосновать принципиальные моменты теории пространственного экономического равновесия, поэтому она стала базой для создания в дальнейшем общей теории пространственной экономики и межрегионального развития. Кроме того, метод эмпирического анализа позже был применен и для исследования более сложных пространственных экономических явлений, таких как диффузия нововведений и формирование полюсов роста.

Таким образом, разработка подходов к изучению пространственной экономики в ранних исследованиях сформировала представление о влиянии определенных факторов на процессы размещения производительных сил и базировалась

на анализе зависимостей параметров от сложившихся условий. При этом была создана определенная методологическая основа для дальнейшего исследования влияния факторов и закономерностей их проявления.

На основе указанных теорий в середине XX в. были разработаны более поздние концепции, направленные на изучение закономерностей территориального размещения производства. С точки зрения исследования закономерностей в них особое место занимают так называемые физические региональные концепции, объясняющие процессы размещения производства с помощью законов естественных наук, прежде всего физики и химии, при соответствующем математическом описании функциональных зависимостей. Это теория Рейли, теории равновесия Куэнна и ряд других. Основой для такого рода исследований послужило признание общности процессов, происходящих в различных явлениях материального мира и открытие всеобщих законов эволюции.

Заложенная в основе указанных теорий идея функциональных зависимостей параметров хозяйственной деятельности от сложившихся факторов дала начало исследованиям экономического пространства с точки зрения проявления закономерностей развития. Здесь нужно отметить исследования экономического пространства Вальраса и теорию размещения М. Гринхута и Л. Лефевра. Опираясь на физические концепции, эти ученые попытались объяснить пространственные процессы размещения производства с использованием схемы общего равновесия.

Хотелось бы подчеркнуть, что развитие данных теорий происходило под влиянием нарастающего воздействия факторов научно-технического прогресса, и это определило направленность и содержание основных концепций региональных исследований. Так, широко распространенной стала теория «диффузии нововведений», начало разработки которой было положено в еще в 1912 г. Дж. Шумпетером, впервые рассмотревшим вопросы возникновения и распространения нововведений. В основе данной теории лежит представление об эко-

номическом развитии как результате диффузии (растекания) между странами и регионами нововведений — технических усовершенствований, новых источников сырья и энергии и научно-технического прогресса в целом. Более детально влияние нововведений было представлено в виде моделей, позволяющих использовать количественные и качественные оценки, в трудах Хэгерстренда, Берри, Петерсона и ряда других ученых. В современных условиях в свете данной теории можно говорить о диффузии инноваций — распространении новшеств в самом широком смысле, тогда как первые теоретические модели диффузии Т. Хагерстрандта касались нововведений в сельском хозяйстве, а позже его последователями были распространены на другие виды хозяйственной деятельности.

Развивая теорию диффузии нововведений, крупный французский экономист, представитель социологической школы в политической экономии Ф. Перру разработал теорию полюсов, или центров, роста, которая стала одной из главных региональных теорий развития. Достоинство ее заключается в значительном продвижении к созданию комплексного направления в региональной науке. Ф. Перру обосновал структурное выделение быстро развивающихся отраслей хозяйства. Центры сосредоточения таких отраслей он назвал географически агломерированным полюсом развития и разработал модель взаимодействия полюса и его окружения. Согласно концепции Ф. Перру, процесс распространения нововведений определяется экономическим прогрессом, а экономическое пространство представляет собой некое силовое поле, напряженность которого неравномерна. При этом, по мнению Перру, нововведения группируются вокруг лидирующей отрасли и образуют концентрацию экономического потенциала. В данной теории французский ученый делает ряд фундаментальных выводов в отношении исследования экономического пространства. Во-первых, отмечается неоднородность территорий с позиций влияния факторов и условий, создавшегося экономического потенциала, а также других признаков формирования экономического пространства, что было предложено оценивать по

аналогии с напряжением силового поля. Во-вторых, на основании законов тяготения объяснялись явления закономерного формирования предприятий и отраслей, выступающих центрами экономического роста. Кроме того, в данной теории сделан важный вывод о влиянии пропульсивных отраслей, то есть таких, которые способны дать толчок для развития смежных направлений и сформировать положительный мультипликативный эффект [212]. Следует особо отметить, что в своей концепции Ф. Перру ввел такое понятие, как «комплекс отраслей», аналогичное территориально-производственному комплексу, обоснование которого было сделано ранее Н. Н. Колосовским — выдающимся русским ученым-экономистом.

Представленные выводы теории полюсов роста стали основой для определения главной функциональной роли пропульсивных отраслей, наличия объективных взаимозависимостей смежных отраслей, составляющих производственный комплекс, а также закономерного формирования связей с другими сферами экономики. Это позволило существенно продвинуть научные разработки пространственной экономической теории. При этом была сформирована база для изучения закономерностей экономического пространства с позиций обоснования и выбора приоритетных направлений развития и анализа влияния тех или иных факторов на производство.

Следует также отметить, что с указанной теорией полюсов роста тесно связана концепция осей развития французского экономиста П. Потье и исследования испанского ученого Х. Р. Ласуэна, предпринявшего попытку разработать теорию урбанизации, основываясь на учениях о полюсах роста и диффузии нововведений.

Представленная ими комплексная структура полюсов роста в дальнейшем исследовалась в трудах известных американских ученых А. Блэкберна, В. Леонтьева, Р. Стефенсона, Т. Хартшорна на базе совмещения матриц отраслевого баланса, инвестиций и инфраструктуры. В развитие данной теории в США в 1956 г. вышла монография У. Айзарда «Размещение и экономика пространства», в которой он ставил задачу преодо-

ления расхождений между классическими теориями размещения и общей экономической теорией наряду с формирующейся региональной экономикой [34]. Преодолевая упрощения классических теорий размещения, У. Айзард формулирует закон, согласно которому фирмы с максимальной прибылью будут располагаться там, где предельные нормы замещения транспортных затрат на доставку товаров из двух разных пунктов (регионов) были бы равны величине, обратной отношению их транспортных тарифов. В своих трудах Айзард также адаптирует методы макроэкономики для исследований регионов и межрегиональных связей.

Таким образом, сформированное к середине XX столетия достаточно комплексное видение экономического пространства с учетом закономерностей и факторов позволило ученым подойти вплотную к созданию общей пространственной экономической теории. Первоначально такая концепция была сформулирована французским экономистом П. Мораном в 1966 г. Экономическое пространство представлялось им как совокупность расстояния, пространства и группы мест. Соавтором указанной теории считают французского экономиста Ж. Будвиля, который дополнил ее важными понятийными представлениями, разделив смысловое содержание таких понятий, как «экономическое пространство» и «регион»: суть последнего заключалась в том, что регион прерывен, ограничен — в отличие от непрерывного экономического пространства. Значимость данного вывода заключается в том, что в процессе размещения производительных сил происходит наложение плоскости региона при субъективном характере его создания и экономического пространства, имеющего объективные закономерные основы своего формирования. Такой вывод предопределял необходимость поиска научно обоснованных границ региона и механизмов регулирования экономической деятельности в рамках территориальных образований с учетом вышеуказанных закономерностей, определяющих размещение и, соответственно, формирование производственных комплексов.

Данные разработки послужили основой для ряда важных исследований в региональной теории, которые под влиянием ускоряющегося научно-технического прогресса второй половины XX столетия сформировали новый этап в изучении экономического пространства.

Переход к массовому производству и углубление территориального разделения труда обусловили рост масштабов торговли и формирование процессов региональной интеграции, что повлекло за собой качественные изменения экономического пространства.

Наращение явлений поляризации в ходе научно-технического прогресса усилили контрастность в процессах территориальной специализации, что, в свою очередь, вызвало активизацию торговых отношений, с одной стороны, и усиление хозяйственных и экономических связей, то есть формирование процессов интеграции, — с другой. Однако усиление указанного взаимодействия пришло в противоречие с процессами международной торговли в рамках сложившихся к тому времени механизмов протекционистской политики отдельных государств. Возникновение соответствующих тенденций обусловило пристальное внимание ученых к вопросам международной торговли и интеграции как факторов, формирующих экономическое пространство. Получили развитие исследования, направленные на модернизацию международных отношений, в ходе которых сформировался ряд школ и прикладных теорий, ориентированных на особенности сложившейся практики по международной торговле и вопросам международного сотрудничества. При этом основной направленностью теоретических исследований данного периода стал поиск оптимальных механизмов регулирования как торговых отношений, так и процессов интеграции.

В то же время следует отметить, что многолетний опыт развития торговых отношений и появившиеся механизмы их регулирования, включающие три основных подхода (рыночный, частномонополистический и государственный), а также

различные варианты их комбинирования, оказали определяющее влияние на формирование теорий и школ экономической интеграции.

Рассматривая указанные школы в хронологической последовательности, следует признать, что наиболее ранняя из них — рыночная школа (либерализм). К ее представителям относятся Людвиг фон Мозес, Вильгельм Репке, Жак Рюэфф, которые одними из первых попытались дать теоретическое объяснение региональной интеграции. Для представителей рыночной школы идеал интеграции — это полная свобода конкуренции и действия рыночных сил. Приверженцы данных взглядов полагают, что рынок — лучший регулятор экономики, который не могут заменить никакие другие «искусственные» механизмы регулирования со стороны государства.

Однако нарастание нестабильности и проявление кризисных процессов в ходе начинающейся интеграции, особенно первый масштабный кризис мировой экономической системы (1929—1933) выявили несоответствие идей рыночной школы реальной практике, что потребовало более глубоких исследований по данному вопросу.

Это обусловило развитие такого направления, как рыночно-институциональное. Представители данной школы — Жан Вайлер, Морис Аллэ, Бэл Балаша, Ганс Крамер, Клаус Мэйер и другие, — не отвергая рыночных механизмов региональной интеграции, отмечают важную роль координации экономической политики различных государств, входящих в интеграционную систему. При этом многие теоретики, стоящие на позициях экономического неолиберализма, стремились в своих моделях интеграции найти компромисс между рыночными и государственными регулирующими механизмами.

Следует подчеркнуть, что развитие рыночно-институциональной концепции региональной экономической интеграции столкнулось с проблемой определения границ государственного вмешательства в экономические функции стран, участвующих в процессе интеграции. При решении этой проблемы

в своих теориях представители данной концепции рассматривали только мероприятий по устранению дискриминации («негативной» интеграции) участников хозяйственной деятельности и не касались вопросов стимулирования «позитивной» интеграции, понятие которой было введено несколько позднее представителями дирижистской школы Я. Тинбергеном и Дж. Пиндером.

Отмеченные противоречия обусловили необходимость дальнейшего научного поиска, и уже в середине 1960-х гг. некоторые французские, английские и итальянские экономисты попытались выявить более глубокие процессы, лежащие в основе как «негативной», так и «позитивной» интеграции, и предложили структурную модель интеграции.

Для представителей данного направления (Г. Мюрдаль, А. Маршал, П. Уайлз, Ч. Киндлебергер, П. Стритен, Ф. Перру и другие) характерно критическое отношение к двум предыдущим школам и стремление осветить структурную сторону интеграционного процесса. В то же время указанную составляющую они рассматривали уже как более глубокий процесс преобразований в экономике интегрирующихся стран. По их мнению, интеграционное пространство должно не состоять из суммы интегрирующихся хозяйств, а представлять собой качественно новое взаимодействие регионов, которое отличается синергетическим эффектом. При этом обращалось внимание и на внутреннюю противоречивость данного явления, связанную с неравномерностью экономического развития различных государств и регионов как частей интегрирующегося пространства и вызываемую этим социально-конфликтную ситуацию. Однако в данной концепции не были представлены положения, связанные с формированием адекватного механизма регулирования для такой качественно новой системы. Из всех известных способов регулирования предлагалось комплексное использование имеющихся рычагов: рыночных, монополистических и институциональных; хотя приоритет все-таки отдавался частномонополистическому регулированию.

Еще одной известной концепцией рассматриваемого направления исследований стало неокейсианство, получившее название «дирижизм». Представителями данной школы стали А. Филип, Р. Купер, Дж. Пиндер и др. В своих трудах они, как и их предшественники, критикуют чисто рыночный механизм интеграции и предлагают формирование некой оптимальной международной экономической структуры, которая, по сути, становится тем механизмом регулирования, который не был до конца проработан представителями структурной школы. В рамках дирижистской концепции данный вопрос решается более конкретно, так как делается упор не на частный монополистический бизнес, а на институционально-политический государственный механизм как движущую силу интеграции. Здесь государственный механизм изначально имеет более четко обозначенные формы своего проявления — в отличие от еще не вполне ясной международной структуры, о которой говорили сторонники структурной школы. В связи с этим государственное взаимодействие, предложенное дирижистами, было понятнее с точки зрения его организации, нежели простое взаимодействие частных структур.

Представители данной школы исходили из того, что экономика в условиях усложнившейся институциональной среды нуждается в постоянном регулирующем воздействии государства. Но, взяв такой уклон, дирижисты, к сожалению, сводят весь процесс интеграции, в сущности, к согласованию тех или иных областей экономической и социальной политики на уровне правительств участвующих стран. Их больше интересует не экономика, а национальная и наднациональная политика ведения хозяйства; субъектами интеграции они считают сами государства, а не представителей экономической деятельности. Такой подход является упрощением, которое практически отрывает предлагаемый механизм от экономики и бизнеса как объекта управления. Поэтому, исходя из постулатов дирижистской школы, трудно определить, как будет выглядеть экономическое пространство и процесс региональной интеграции в рамках согласования экономических интересов

всех ее участников. Соответственно вопрос о поиске компромисса между экономическими, политическими и социальными подходами в рамках механизмов регулирования интеграционных процессов оставался открытым.

Происходившие в мире, особенно в Западной Европе, процессы интеграции, активизация которых произошла после Второй мировой войны в связи со стремлением европейских стран противостоять военной угрозе в будущем, предопределили максимально прикладной характер поиска механизмов интеграции. Такой школой, ориентированной на происходящую интеграцию, стал функционализм. Следует отметить, что приоритет в концепции этой школы был отдан экономике, затем социальной сфере и, наконец, политике. По мнению функционалистов, институты и организации, способные регулировать экономические процессы, должны формироваться исходя из потребностей экономики и социальной сферы.

Основные положения функционализма как классической теории региональной интеграции изложены в фундаментальных трудах Дэвида Митрани «Система действующего мира» (1944) и «Перспектива интеграции: федерализм или функционализм» (1965). Исходный тезис теории Д. Митрани — утверждение, что развитие современной промышленности, системы коммуникаций и других сфер экономики определяет повышение благосостояния населения, а это в дальнейшем создает ряд экономических, экологических и социальных потребностей как регионального, так и всемирного масштаба, которые неизбежно требуют международного сотрудничества при посредничестве функциональных (специализированных) международных организаций.

Функционализм был подвергнут критике, и самым весомым аргументом не в пользу данной теории стало обвинение в излишней технократичности. Функционалисты полностью отрицали полезность международных политических органов. Они считали, что технический прогресс представляет лучшую сторону человеческой деятельности, а необходимые организации должны состояться как некие наднациональные структу-

ры, ориентированные на продвижение экономики на основе научно-технического прогресса. Такое утверждение выносило предложенный механизм за пределы реально существующих контуров управления экономическими системами интегрирующих государств, что, безусловно, лишало выдвинутую идею возможности ее практической реализации. Однако Митрани нельзя отказать в стремлении объяснить динамику текущих международных отношений, что и позволяло функционализму претендовать на фундаментальность. В то же время критическое переосмысление основных положений данной теории и потребности практики предопределили появление неофункционализма как ревизионистского варианта функционализма.

Неофункционализм, разработанный группой американских исследователей во главе с Э. Хаасом, к 1960-м гг. стал ведущей теорией европейской интеграции. Сильной стороной неофункционализма было стремление к управляемой интеграции на региональном уровне. А наиболее существенное отличие от классического функционализма состояло в том, что на первый план выдвигалась политическая инициатива, то есть стремление к политическому сотрудничеству, но через сотрудничество экономическое. При этом формирование организационных механизмов предлагалось начинать с экономики. Идеи неофункционализма явно переплетались с практическими планами формирования Европейских сообществ. Прослеживалась прямая связь между «методом интеграции» Монне (бывшего в то время министром иностранных дел в Бельгии): сначала объединение экономических структур, а затем политических — и основными положениями неофункционализма, изложенными Э. Хаасом в работе «Объединение Европы: политические, экономические и социальные силы 1950—1957», изданной в 1968 г. Успех этой книги был обеспечен тем, что основные положения теории здесь подкреплялись десятилетним периодом практики интеграционных процессов в Европе. К тому же теория корректировалась в зависимости от потребностей и реалий европейского международного сотрудничества и интеграции, а процессы объединения и интеграции сле-

довали за основными положениями развивающейся теории. Реализация интеграции в угольной и сталелитейной промышленности, объединение в области атомной энергетики, введение общей аграрной политики (1966), создание таможенного союза (1968), утверждение единой европейской валютной системы (1979) — все это были вехи на пути создания действительно объединенной Европы. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) стало первой наднациональной структурой, чья компетенция охватывала всю экономику стран-членов.

Следует подчеркнуть, что представленные периоды объединения Европы принято относить к начальному этапу европейской интеграции в русле неофункционализма, который демонстрирует пример продуктивного сотрудничества. Поэтому опыт Европы может быть применен к другим региональным сообществам. В данном отношении неофункционализм универсален, так как за основу интеграции принимается экономический фактор. Одним из наиболее важных положений теории неофункционализма стала идея «перетекания», которая использовалась для обозначения движущих механизмов интеграции. В оригинальной трактовке Хааса, «перетекание» — это создание и углубление интеграции в одном секторе экономики, что обеспечивает давление на смежные сектора. И если рассматривать данное положение на примере Европейских сообществ, то фактически оно будет означать, что полная интеграция, например в сфере угля и стали, не завершится без интеграции родственных сфер. Такой вывод оказался полезен для выявления наличия зависимости между различными сферами экономики и необходимости комплексного подхода к этим сферам в процессе поэтапной интеграции. На данном примере понятна также недоработка представленной концепции, заключающаяся в отсутствии механизмов влияния на взаимодействие смежных отраслей.

Поэтому, несмотря на то что теория неофункционализма не только проявила себя на практике в качестве «руководства к действию», но и показала свою состоятельность в объяснении процессов, происходящих на европейской международной

арене, она не была лишена недостатков, что вызвало определенную критику в адрес соответствующих теоретических подходов.

Особый интерес к неофункционализму возник в 1960-е гг., когда происходила интеграция разных направлений деятельности; но этого нельзя сказать о последующих этапах европейской интеграции, относящихся к более масштабным и разноплановым объединительным процессам. При этом основная критика неофункционализма была направлена на неясность целей. Последний этап стратегии неофункционального объединения Хааса заключался в установлении «долгосрочной системы мира в Европе», однако данное положение не вносило ясности в вопрос о конкретных современных путях достижения этой цели и поддержании уверенности в развитии дальнейшей интеграции. Первоначальный тезис о примате экономики в смысле экономической зависимости стран — участник интеграции, основанный на предположении, что такая зависимость становится барьером для политических разногласий, не был доработан до механизмов достижения согласия, что стало существенным недостатком теории. Кроме того, отсутствие механизмов согласования межотраслевого взаимодействия уже интегрированных и не интегрированных, но связанных отраслей обусловило то обстоятельство, что эффект перетекания был оставлен на уровне «самопроизвольного» процесса. В то же время в рамках интеграции за этим должна следовать политика создания условий для дальнейшего развития экономики в рамках межотраслевого хозяйственного взаимодействия, однако без понятного инструментария воздействия на данные процессы реализация этой политики невозможна.

Следует отметить, что применение основных положений концепций неофункционализма позволило обосновать потребность в осуществлении согласованной в масштабе Европы региональной экономической политики, а также в форсировании ряда направлений социальной политики и международного сотрудничества. Нужно также признать, что сегодня Западная Европа является одним из самых передовых и наиболее про-

двинутых интегрируемых регионов. Это связано с тем, что в рамках европейской интеграции основное внимание было уделено региональному уровню взаимодействия — как между регионами стран-участниц, так и стран, граничащих с Европейским союзом. При этом происходящая в ходе интеграционных процессов деформация внешних и внутренних связей национальных экономических систем обусловила ряд проблем внутреннего и внешнего сотрудничества, связанных с пропорциональностью развития, и их решение потребовало более детальных исследований взаимодействия сторон.

Говоря о данных проблемах, следует отметить взгляды приверженцев неоллиберализма (термин был введен Джеффри Александером в 1985 г.). Другое название этого направления — либеральный институализм. Суть теоретических подходов сторонников неоллиберализма заключается в том, что поведение государств невозможно объяснять исключительно их национальными интересами. Это означает, что следует включать в анализ ситуации сотрудничество стран в рамках международных институтов, способных гармонизировать анархическую среду международных отношений и определяющим образом влиять на поведение самих государств. Данная теория отвергает сложившееся представление об автономии политики и экономики, уделяя особое внимание роли хозяйственных взаимодействий как фактора сотрудничества в международных отношениях. Нужно подчеркнуть, что такое представление позволяет ближе всего подойти к размещению производства на основе закономерностей использования территориальных преимуществ и, соответственно, управлению этим процессом с использованием результатов изучения и анализа складывающихся тенденций, с учетом факторов и закономерностей, определяющих производственное размещение.

Ярким примером современного использования указанной теории в экономическом и хозяйственном взаимодействии можно признать опыт проведения реформ в Китае, где все морские порты были объявлены зонами свободной торговли в целях активизации торговых связей, а формирование локаль-

ных свободных зон внутри государства позволило обеспечить интеграцию с европейскими государствами в рамках производственных технологий и экономического сотрудничества с дальнейшим выходом готовой продукции на мировой рынок. Такой подход демонстрирует возможность управления интеграционными процессами на стыке интересов субъектов хозяйствования различных государств, что в конечном итоге обеспечивает экономический рост взаимосвязанных экономических систем.

В условиях современных масштабов интеграционных процессов, ускорения научно-технического прогресса и все большего его влияния на формирование экономических связей (экспорт технологий, распространение ноу-хау и т.п.) характерной чертой территориального взаимодействия стало проявление неравномерности развития и функциональных особенностей регионов как в масштабах отдельных государств, так и на международном уровне.

Необходимо отметить и высокий уровень сложности происходящих процессов взаимодействия, интегрированность и сопутствующую международную «регионализацию» в связи с расширением границ действия закономерностей размещения, что можно назвать своего рода трансформацией экономической системы. Сложилась крупномасштабные межгосударственные союзные объединения, определяющие единые правила формирования хозяйственной специализации входящих в данные союзы государств. При этом в рамках интеграционных процессов сформировалась определенная функциональная роль отдельных государств и макрорегионов.

Указанный уровень и характер интеграции, связанный с функциональной ролью конкретных территориальных систем, в свою очередь, формирует определенный характер и содержание процессов трансформации экономического пространства. Например, в мировой экономической системе сегодня можно выделить наиболее продвинутые регионы, с одной стороны, и так называемые страны «третьего мира» — с другой; экономика последних в соответствии со сложившейся функ-

циональной ролью подчинена интересам более развитых государств. Поэтому в рыночных условиях хозяйствования государства заинтересованы в формировании конкурентоспособной функциональной роли своей национальной экономической системы. В то же время понятно, что национальная конкурентоспособность сейчас не может быть изолированной. Развитие национальной экономики должно учитывать также интеграционные процессы и внешние факторы, поскольку современная трансформация экономики происходит под воздействием закономерностей размещения и заключается, прежде всего, в пересечении пространственных плоскостей внешних и внутренних экономических систем.

Произошедшие процессы реформирования российской экономики обусловили возрастающий интерес к региональным исследованиям экономики в условиях рыночных отношений. Поэтому сегодня большое внимание уделяется тем работам, в которых осуществляется поиск национального пути хозяйствования и развития России в мировой экономической системе.

О развитии экономики, основанном на «русском грунте», писал еще С. Ю. Витте. Аналогичные суждения мы находим у А. Н. Миклашевского, П. Б. Струве, Н. С. Мордвинова, М. И. Туган-Барановского и других известных исследователей.

Изучение региональной тематики в Советском Союзе носило преимущественно прикладной характер и определялось потребностями плановой экономики и централизованного регулирования хозяйственной деятельности.

В отношении развития государственной хозяйственной системы это были прежде всего идеи, заложенные в плане ГОЭЛРО 1920 г. Позже, в 1940-х гг. Н. Н. Колосовский разработал теорию производственно-территориальных комплексов, ставшую основой крупных целевых проектов освоения природных территориальных ресурсов. На базе данной теории были реализованы крупномасштабные национальные проекты, такие как развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, освоение зоны Севера, строительство Байкало-Амурской магистрали, а также программы формирования террито-

риально-производственных комплексов (ТПК), ориентированных на использование больших энергетических и природных ресурсов (Тимано-Печорский, Саянский, Южно-Якутский экономические районы, группа Ангаро-Енисейских районов и ряд других).

Следует отметить, что названные ТПК являлись крупными интегрированными хозяйственно-территориальными системами. При этом в рамках плановой экономической системы существовало объективное преимущество в развитии государственных механизмов регулирования таких систем.

Методы планирования и регулирования территориального и регионального развития разрабатывались отечественными учеными начиная с 1915 г., когда был создан общероссийский научный центр региональных исследований — Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС) под руководством академика В. И. Вернадского. Головной научной организацией по региональным исследованиям с 1930 г. стал Совет по изучению производительных сил (СОПС), входивший тогда в систему Академии наук СССР, а затем Госплана СССР.

Взаимодействие указанных научных организаций и структур, ответственных за плановое развитие территориального хозяйства в масштабе государственной системы, представляло собой механизм регулирования развития экономики с позиций формирования отраслевой пропорциональности и территориальной взаимодополняемости производственных комплексов.

С 1960-х гг. СОПСом разрабатывалась Генеральная схема развития и размещения производительных сил СССР — предплановый и прогнозный (на 10—15 лет вперед) научный документ, включающий важнейший региональный раздел, где определялись направления необходимых структурных преобразований в регионах. В 1970-е гг. параллельно с Генеральной схемой стала разрабатываться Комплексная программа научно-технического прогресса — стратегический документ, содержащий научное обоснование технического перевооружения

страны, союзных республик и крупных экономических районов на 20 лет вперед. Последняя Генеральная схема была рассчитана до 2005 г., а Комплексная программа — до 2010-го.

Однако преимущества данного механизма и представленных долгосрочных разработок не были реализованы, так как применяемые инструменты тотального планирования в совокупности с полным бюджетным финансированием обуславливали нежизнеспособность экономической системы, поскольку порождали иждивенческие настроения, отсутствие конкуренции и соответствующих стимулов к труду, что, как известно, привело к застою и отсутствию экономического роста.

В условиях перехода экономики к открытым рыночным отношениям национальная экономическая система российского государства претерпела существенные изменения, потребовавшие принципиально новых подходов к изучению процессов развития.

Исключительно важные исследования по проблемам современной трансформируемой экономики, интеграционным процессам и региональному развитию в России нашли отражение в трудах Л. И. Абалкина, Е. Т. Гайдара, А. Г. Гранберга и других. Учеными признается тот факт, что усиление влияния и усложнение мировых экономических и политических взаимосвязей на российскую экономику приводит к тому, что международное обобществление производства достигает в некоторых регионах России такого уровня, при котором национальные процессы воспроизводства уже не могут осуществляться автономно, изолированно друг от друга. Соответственно международные экономические отношения, как и внутренние связи, превращаются в неотъемлемый элемент функционирования национального хозяйства, определяющий процессы формирования экономического пространства и регионального развития.

В то же время имеющиеся исследования и разработки по регулированию экономических пространственных отношений для развитых капиталистических стран не могут быть однозначно применены для российской экономики, которой на мо-

мент проведения реформ предстояло войти в уже сформировавшуюся интегрированную систему международных отношений. При этом отмеченная ранее недостаточность механизмов регулирования между интегрированными и неинтегрированными сферами взаимодействия стран — участниц интеграционных союзов, а также отсутствие таких механизмов с сопредельными странами обусловили ряд проблем регионального развития, связанных с диспропорциями, региональной дифференциацией и другими факторами, препятствующими процессам экономического роста. Необходимость же решения этих проблем потребовала более детального анализа причин сложившейся ситуации и поиска путей стабилизации экономики и устойчивого развития регионов.

1.2. Современные аспекты управления развитием интегрированных территориальных образований. Проблемы идентификации стратегических направлений

Развитие производственных отношений в России в ходе перестроечных процессов и реформирование экономики сопровождались значительными изменениями как внутренней национальной экономической системы, так и зарубежных связей.

В результате распада СССР и выхода ряда территорий за пределы российского государства произошел разрыв внутренних хозяйственных связей, обусловивший разрушение значительной части территориально-производственных комплексов и соответствующее ослабление национальной экономической системы. Однако при одновременной либерализации экономики, а также внешнеэкономической деятельности резко усилились тенденции внутренней и внешней интеграции. На фоне наблюдающегося спада экономики, центрами развития сотрудничества становятся регионы, обладающие соответствующими природными преимуществами. Для России таковыми выступают: приморские регионы, имеющие выход к относительно более выгодным (с точки зрения затрат) морским

транспортным магистралям; приграничные регионы, чье географическое расположение удобно для развития приграничной экономики, прежде всего торговли; и экспортно ориентированные регионы, располагающие запасами полезных ископаемых и других природных ресурсов. Основой внешних экономических связей стал экспорт российского сырья и других природных ресурсов, в том числе при значительном использовании морского транспорта, позволяющего минимизировать транспортные издержки. Получили развитие и внутренние отрасли, обеспечивающие данный процесс (например, транспортная инфраструктура), а также сферы деятельности, связанные с подготовкой и транспортировкой товаров. Так, при экспорте леса это первичная его обработка, сортировка, транспортировка по территории своей страны и т.п. Что касается приграничной торговли, то здесь преобладал теневой, так называемый челночный бизнес.

Такая направленность внешнеэкономических отношений в России сложилась в связи с объективно недостаточным уровнем конкурентоспособности на международном рынке, что было обусловлено экономическим кризисом на ранних этапах перестройки и отсутствием механизмов вхождения в мировое рыночное пространство, учитывающих специфику национальной системы. Развитие интеграционных отношений в данных условиях, наряду с продолжающимся снижением эффективности внутренних связей и региональной дифференциацией, стало одним из факторов, определивших затяжной характер проводимых преобразований и кризисное состояние российской экономики. Опора только на природные ресурсы при недостаточных темпах восстановления территориально-производственных комплексов и отсутствии новых национальных ТПК не способствовала формированию экономической самостоятельности интегрированных регионов и предопределила зависимость российской экономики от внешних экономических связей. Кроме того, преимущественно сырьевая направленность экспорта создавала угрозу разрушения системы воспроизводства национальных природных ресурсов.

В сложившихся условиях возросла роль не контролируемых со стороны государства факторов риска и возможного усиления нестабильности. Необходимость противодействия этим негативным процессам и поиск путей стабилизации экономики, а также ее ресурсного обеспечения обусловили активизацию соответствующих теоретических разработок и обращение к теориям и гипотезам устойчивого экономического роста.

Рассматривая историю исследования факторов и условий устойчивого развития, следует отметить, что первые научно-технические разработки в данном направлении были связаны с экологией и необходимостью сохранения природных ресурсов. Однако впоследствии предмет исследования расширился на области экономики и социальной политики.

Термин «устойчивое развитие» (sustainable development), имеющий английское происхождение, первоначально появился в природопользовании, в частности в рыбном и лесном хозяйстве, применительно к локальным экосистемам. Позже данный термин был перенесен в глобальную экологию, экономику, а также социальную сферу.

Развитие массового производства, техногенный характер преобразований в промышленности и масштабная интеграция обусловили во второй половине XX столетия интенсивное использование природных ресурсов, что привело в ряде регионов мира к реальной угрозе их истощения. Наблюдалось также значительное загрязнение окружающей среды. Эти процессы вызвали озабоченность общественности, и возник научный интерес к вопросам истощения ресурсов и загрязнения природной среды как результатам промышленной деятельности.

В период конца 1960-х — начала 1970-х гг. были созданы международные неправительственные научные организации по исследованию глобальных процессов в мире. Это Международная федерация институтов перспективных исследований (ИФИАС), Римский клуб (с его известным докладом «Пределы роста» 1972 г.), Международный институт системного анализа, в СССР — Всесоюзный институт системных исследова-

ний. Перечисленные структуры стали центрами исследования и обсуждения проблем влияния экономики на экологию и природные ресурсы.

Получили широкое распространение взгляды об экоразвитии, развитии без разрушения и необходимости устойчивого развития. Всемирная стратегия охраны природы (ВСОП), принятая в 1980 г., впервые в международном документе содержала упоминание устойчивого развития. Предпринятые шаги стимулировали соответствующие научные разработки.

Первыми научными концепциями данного направления исследований стали такие, как *пределы роста* (the limits of growth), *устойчивый рост* (sustainable growth) и *устойчивое общество* (sustainable society), содержащие основы теоретических взглядов относительно устойчивого развития системы «человек — природа».

Переломным же моментом в развитии научных взглядов по данному вопросу принято считать модель Месаровича и Пестеля, опубликованную в книге «Человечество на перепутье», где впервые была проведена регионализация экологической проблемы глобальной системы: моделировался не мир в целом, а система взаимосвязанных стран и регионов. Такой подход позволил взглянуть на проблемы территориально-системного развития через призму непосредственного их происхождения — интенсификацию производства, с одной стороны, и недостаточность механизмов контроля со стороны государств — участников интеграции (в силу изолированности полномочий государственных органов отдельных национальных систем в отношении процессов международной интеграции) — с другой. Данная теория оказала существенное влияние на развитие научных взглядов в отношении исследования проблем интегрированных хозяйственных систем, что послужило началом формирования теории, объединяющей экологические, экономические и социальные аспекты и получившей в дальнейшем название *триединой концепции устойчивого развития*.

Рассматривая экономический подход к концепции устойчивости развития, следует отметить, что данные взгляды основывались на теории максимального потока совокупного дохода Хикса-Линдаля. Эта концепция подразумевает оптимальное использование ограниченных ресурсов и внедрение экологически чистых и сберегающих технологий.

Социальная составляющая устойчивости развития ориентировалась на человека и была направлена на сохранение стабильности социальных и культурных систем. Важный аспект этого подхода — справедливое распределение благ. При этом обращается внимание и на необходимость справедливого распределения ресурсов между поколениями. Важно и то обстоятельство, что в рамках данной концепции человек рассматривается не как объект, а как субъект развития. Опираясь на расширение вариантов выбора для людей как главную ценность, концепция устойчивого развития подразумевает, что человек должен участвовать в процессах, которые формируют сферу его жизнедеятельности, содействовать принятию и реализации решений и контролировать их исполнение.

И, наконец, с экологической точки зрения устойчивое развитие должно обеспечивать целостность биологических и физических природных систем. Особое значение придается жизнеспособности экосистем, от которых зависит глобальная стабильность всей биосферы, включающей в себя кроме природных факторов также объекты окружающей среды, созданные человеком.

В 1987 г. в русле указанной концепции в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) «Наше общее будущее» основное внимание уделялось необходимости «устойчивого развития», при котором удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [146]. Эта формулировка понятия «устойчивое развитие» стала использоваться в качестве базовой.

Вторая редакция ВСОП, получившая название «Забота о планете Земля — стратегия устойчивой жизни» (1991), сфор-

мировала определенные качественные изменения в подходах к устойчивому развитию. В частности, отличительной особенностью этого стратегического документа стало внимание к вопросам сохранения живой природы, защиты структуры, функций и разнообразия природных систем как основы жизнеобеспечения и социально-экономического роста. Появились исследования по экологической безопасности в совокупности с экономикой и социальной сферой как частью национальной и глобальной безопасности.

Следует подчеркнуть, что появление триединой концепции устойчивого развития имело большое значение для формирования новой парадигмы в исследованиях проблем экономики. На смену взглядам традиционной экономики, основанной на утверждении, что максимизация прибыли и удовлетворение потребителей в рыночной системе совместимо с максимизацией благополучия людей и возможностью регулирования и ликвидации недостатков рыночного механизма за счет государственной политики, пришло понимание краткосрочности названных задач и связанного с их решением ущерба природным и социальным ресурсам. Такой подход поставил проблему поиска механизмов развития, основанных на компромиссе между стремлением предпринимателей к максимизации прибыли, с одной стороны, и общественными интересами, направленными на сохранение окружающей среды при повышении общего уровня благосостояния, — с другой.

Проведенные Организацией Объединенных Наций (ООН) конференции по проблемам устойчивого роста в Рио-де-Жанейро 1992 г. и в Йоханнесбурге в 2002 г., а также Всемирный саммит ООН в 2002 г. подтвердили приверженность всего мирового сообщества идеям устойчивого развития [172].

Следует отметить, что идея устойчивого развития во многом перекликается с концепцией ноосферы, выдвинутой академиком В. И. Вернадским в России еще в середине XX в. [67]. Его заслуга заключалась в том, что русский ученый, по существу, вводит в анализ связей системы «человек — природа» новое измерение — «человечество как единое целое» — и пе-

реводит социальный аспект в глобальную плоскость, что позволяет иначе взглянуть на проблему оценки социальных интересов, которые, как правило, противоречивы из-за их различий в разных слоях общества. Однако с позиций эволюции человечества и его выживания приоритетом становится нахождение компромисса, позволяющего гарантировать обществу устойчивый экономический рост при сохранении и воспроизводстве биосферы.

Рассматривая обоснование воспроизводственного подхода к процессу управления региональным развитием, следует подчеркнуть значительную роль ученых Института экономики и организации промышленности СО АН СССР, особенно труды Р. А. Шнипера «Экономическая реформа и территориальное планирование», «Региональные предплановые исследования», «Экономические методы управления» и другие. В своих исследованиях он выдвигает идею расширения экономической самостоятельности регионов в соответствии с объективными процессами воспроизводства. Но востребованным данный подход стал только в период проведения российских реформ, в 1990-х гг., когда формировался пристальный интерес к управлению процессами устойчивого развития в Российской Федерации в связи с проблемами перестроечного периода и необходимостью создания условий для обеспечения экономического роста. В исследованиях тех лет ученые обращаются к соответствующим современным теориям и практике развития в условиях рыночных отношений и интеграции. Здесь следует отметить, во-первых, теории, объясняющие причины и факторы проблемного формирования экономики регионов, сдерживающие уровень территориального развития, и, во-вторых, теории экономического роста. К первому направлению исследований относят теорию обострения региональных диспропорций (1960-е гг.), объясняющую различия в экономическом развитии территорий воздействием различных поведенческих факторов на деловую активность в рамках модели «центр — периферия»; теорию регионального развития и исторического анализа С. Полларда (1981 г.), в которой рассматривается влияние ряда факторов экономико-географического, технологиче-

ского и демографического характера на уровень развития территории; неоклассическую теорию, утверждающую, что дифференциация регионов обусловлена недостаточной мобильностью ресурсов; теорию кумулятивных причинных связей (Г. Мюрдаль), где, напротив, усугубление территориальной дифференциации связывается со свободным перемещением ресурсов (рабочей силы, капитала и т. д.), и ряд других.

Что касается второго направления, связанного с изучением вопросов управления экономическим ростом, то здесь интерес был проявлен к теориям, объясняющим взаимосвязь закономерностей и факторов территориального развития. Это теория экономической базы, увязывающая уровень специализации и вывоза готовой продукции с темпами территориального роста; теория местного роста, в рамках которой выделены такие факторы экономического развития территории, как способность использовать местный экономический потенциал и финансовые ресурсы, стимулировать предпринимательство и адаптировать свое развитие к местным условиям. Значительное внимание было уделено также теориям, рассматривающим влияние на экономику научно-технического прогресса и связанного с ним роста уровня нестабильности. Здесь следует отметить теорию создания благоприятной среды для нововведений и теорию адаптированности к условиям постиндустриального общества, в которых перспективы территориального развития связываются с необходимостью акцентировать внимание на использовании приоритетов постиндустриального общества. В числе таких приоритетов — развитие образовательного уровня, инновации, поддержка предпринимательства и создание предпринимательских зон, развитие коммуникационных систем, повышение роли региональных властей в решении вопросов местного развития и некоторые другие.

В ходе развития указанных теорий во второй половине 1990-х гг. в России сложились два подхода к экономическому росту региона. Первый из них базировался на теории занятости и предполагал необходимость стимулирования процессов развития в направлении полного использования имеющихся

ресурсов и регионального потенциала. Подход был ориентирован на депрессивные и окраинные регионы, в которых наблюдались недостаточное использование имеющегося потенциала и экономическая стагнация. Программы развития таких региональных систем предполагали необходимость бюджетного финансирования. Второй подход предусматривал развитие региональной конкурентоспособности для регионов, использующих свой потенциал, а также возможности поиска и использования ресурсов повышения данного потенциала за счет структурной перестройки, инноваций и других факторов эффективности в целях обеспечения соответствующего роста. Данный подход был выдвинут в рамках теории экономического развития, предполагающей частное финансирование территориального развития за счет предприятий — «точек роста».

Сложившаяся дифференциация территорий и продолжающееся углубление разрыва между количественными показателями уровней экономического и социального состояния регионов обусловили расслоение экономического пространства России по принципу деления на регионы-доноры и регионы-реципиенты. Необходимость проведения политики выравнивания и соответствующей бюджетной поддержки регионов-реципиентов объективно сдерживала процессы развития регионов-доноров, что препятствовало реализации второго подхода для повышения региональной конкурентоспособности. Данное обстоятельство потребовало одновременного применения двух подходов (в зависимости от типа региона), а также комбинирования их элементов в зависимости от имеющегося потенциала.

Развитие внешнеэкономических связей в ходе проведения рыночных реформ привело к усилению процессов внешней интеграции, что обусловило повышение роли регионов, выступающих центрами такой интеграции, которая определяет национальную конкурентоспособность в мировой экономической системе. При этом в рамках применения вышеуказанных подходов проблема конкурентоспособности становится ключевой темой в развитии российской экономики.

В данной связи внимание российских исследователей привлекла модель «национального ромба» М. Портера [145]. В предложенной модели Портер вводит четыре основополагающих понятия, на основе анализа которых предлагает оценивать конкурентные преимущества отраслей, закономерности их возникновения, развития и упадка. Это параметры факторов, то есть условий самого производственного процесса; параметры спроса, то есть условия рынка; стратегии конкурирующих организаций и взаимозависимости смежных и поддерживающих отраслей. Кроме того, в своей модели Портер рекомендует учитывать еще два фактора: случайные события и действия правительства. Под случайными событиями он подразумевает инновации, скачки цен на ресурсы, изменения на мировых финансовых рынках, резкие колебания локального и международного спроса, неожиданные политические решения местных и зарубежных правительств, а также различные форс-мажорные обстоятельства. Под действиями правительства Портер понимает влияние законодательной и исполнительной власти на кредитно-денежную, налоговую, таможенную политику в стране. Правительство также формирует различные нормы и стандарты, которые влияют на процессы отраслевого развития, и выступает крупнейшим заказчиком для многих отраслей и сфер экономической деятельности.

Проведенный Портером анализ особенно эффективных отраслей показал, что процесс их формирования и развития подчиняется определенным закономерным связям. Ученый ввел такое понятие, как «отраслевой кластер», под которым подразумевает неформальное объединение отраслевых и смежных компаний, характеризующихся способностью взаимного усиления конкурентных преимуществ. При этом Портером формулируется важнейший вывод о том, что устойчивые конкурентные преимущества страны могут базироваться только на прочных конкурентных преимуществах ее отдельных кластеров. При изменении же детерминантов конкурентных преимуществ, в частности при их ухудшении, происходит утрата этих преимуществ и возможен распад отдельных кластеров. Понят-

но, что для устойчивости национальной экономической системы необходимо формирование политики, направленной на поддержание определенных кластеров. Следует отметить, что кластерный подход нашел широкое применение в исследованиях по проблемам развития российской экономической системы; отечественные ученые стремились максимально учесть весь комплекс факторов, влияющих на развитие экономики.

Конец XX и начало XXI в. характеризуются качественными изменениями в сфере научно-технического прогресса. Информатизация, нанотехнологии, последние достижения в ядерной физике и космических исследованиях, а также в ряде других областей сказались на развитии теории и практики во всех отраслях науки, что не только определило ключевую роль инноваций в формировании уровня конкурентоспособности, но и обусловило гипертрофированные темпы скачков и высокую степень нестабильности. Для интегрированных хозяйственных комплексов это означало нестабильность как внешней среды, так и внутренней; при этом внутренняя среда таких систем охватывает пространственные сферы различных государств. Кроме того, данная ситуация обуславливает воздействие государственных механизмов регулирования как факторов противоречивого влияния на указанные системы. Поэтому выбор наиболее эффективных направлений деятельности, адаптируемых к факторным изменениям, становится крайне проблематичным.

В рамках интегрированных комплексов сформировалась необходимость адаптации и принятия решений на различных уровнях взаимодействия в условиях повышающейся нестабильности и существования нестандартных форм проявления неопределенности. В связи этим при расширении интеграции задача формирования функциональной роли регионов в едином трансформируемом экономическом пространстве в целях повышения территориальной конкурентоспособности приобрела особое значение.

Однако отсутствие эффективных механизмов регулирования данных процессов не позволило сформировать единую

государственную политику по отношению к регионам, поэтому наблюдалось усугубление определенных проблем, связанных с недостаточным управлением пространственным развитием. Из-за нарастающего влияния факторов нестабильности и соответствующими сложностями управления неопределенными процессами в рамках концепции устойчивого развития центр внимания переместился на механизмы саморегулирования и мотивацию принятия решений, связанных с региональным ростом, самими хозяйствующими субъектами.

Вопросам повышения трудовой активности при реализации целей территориального роста посвящены работы многих авторов. Основываясь на концепции Э. Фромма о социальном характере [176], ученые исследовали роль данного фактора, а также границы его использования в процессах управления региональным развитием. При этом отмечалось, что регион обладает особенностями проявления трудовой активности, которая становится также предпосылкой самостоятельности и способности к системному саморегулированию.

В качестве организационной формы механизма реализации данных процессов выступила система стратегического управления, позволяющая в рамках диалога между бизнес-сообществом и властью приходиться к консенсусу относительно перспектив регионального роста. Но следует подчеркнуть, что в условиях постиндустриального развития, характеризующегося разнородностью экономических элементов, сформировались неоднозначные подходы к идентификации наиболее эффективных с позиций конкурентоспособности и, соответственно, устойчивости региональных связей стратегических направлений. Глобализация и сопутствующие проявления нестабильности, определившие изменение качества интеграционных зависимостей и внутренних элементов хозяйственных систем, обусловили поиск необходимых стратегических решений, направленных на преодоление сложившихся противоречий, и сформировали предпосылки для смены парадигмы управления и системных взглядов на процессы регионального роста.

1.3. Трансформация подходов к стратегическому региональному управлению. Системная парадигма в исследованиях

Глобальный кризис финансовой системы 2008 г. и последовавший за ним спад производства и экономики, обусловившие усиление социальной и политической напряженности в различных регионах мира, возвращают исследователей к вопросам изучения закономерностей, определяющих неравномерность социально-экономического развития. На основе известной теории циклов Н.Д. Кондратьева, волнообразующей динамики нововведений Дж. Шумпетера, а также ряда других классических представлений, объясняющих причины возникновения подъемов и спадов в развитии экономики, современные ученые пытаются рассматривать сложившийся нелинейный характер территориального развития [42; 43; 61; 82; 86; 129; 141]. Необходимость таких исследований связана с потребностью изучения и объяснения факторов, определяющих сложность и неоднозначность хозяйственных связей, формирующих современные пространственные процессы экономических систем различного масштаба. В результате исследования указанных проблем в целях регулирования процессов развития и для достижения системной адаптации регионов к изменяющимся условиям сформировались теории и концепции системы стратегического управления.

Рассматривая развитие этих теорий, следует подчеркнуть, что сначала данная система возникла применительно к предприятию как необходимая реакция на изменения среды и упреждающее действие при возможной угрозе возникновения кризисов, появлении новых конкурентов, изменений в законодательстве и других неблагоприятных факторов. Однако позже основные положения теорий стратегического управления были распространены и на другие социально-экономические системы мезо- и макроуровней. При этом в рамках современных взглядов к числу социально-экономических систем тра-

диционно относят предприятия, организации, рынки, страны и другие виды экономических объектов, а также в расширенном представлении рассматривают субъект управления в различных контурах при стратификации объекта управления и управленческих процессов. В частности, в качестве систем предлагается рассматривать институты и институциональные совокупности, процессы, проекты и т. д.

Основы соответствующих теорий стратегического управления начали формироваться со второй половины XX в. Значительный вклад в этот раздел науки управления внесли такие ученые, как И. Ансофф, П. Друкер, Б. Карлоф, Дж. Куинн, Г. Минцберг, М. Портер и др. Их работы положили начало классической теории стратегического планирования, а затем и стратегического управления. Основной особенностью данных теорий стало участие практиков в разработке методологических аспектов реализации стратегических подходов. Здесь следует назвать достаточно крупные консалтинговые компании, прежде всего «Бостон Консалтинг Групп», «Мак Кинзи» и «Артур Д. Литл», которые стали известными благодаря разработанным и используемым в них новым инструментам стратегического планирования и управления. В целом система стратегического управления приобрела характер прикладного научного направления, по сути являющегося практическим механизмом реализации разработанных теоретических концепций.

Идеи стратегического управления были восприняты в среде ученых и достаточно быстро получили развитие. В 1960—1970-х гг. сформировался ряд школ стратегического управления. Наиболее известной и признанной концепцией того периода стала теория стратегического управления, предложенная американским ученым И. Ансоффом, который предложил использовать комплексный подход к разработке стратегии — исходя из анализа текущей ситуации и тенденций развития внешней среды, с ориентиром на повышение эффективности и конкурентоспособности фирмы в изменяющихся условиях функционирования организации [39; 40].

Однако в условиях расширяющейся интеграции, когда взаимодействующие предприятия находятся в различных регионах или государствах, все большее влияние на управление стал оказывать тот факт, что увеличение неопределенности внешней среды происходит при ослаблении сигналов о происходящих изменениях. В такой ситуации решения нужно готовить уже тогда, когда из внешней среды появляются даже слабые сигналы, под которыми понимаются ранние и неточные признаки наступления важных событий. Известно, что управление по слабым сигналам используется в сочетании с традиционными вариантами управления по сильным сигналам или на основе регулярного планирования. Именно такое сочетание позволяет более адекватно реагировать на изменения, которые могут возникать достаточно часто (при смене технологий, появлении новых сегментов рынка, новых каналов распределения, переориентации спроса, нового законодательства и при внешних потрясениях). В таких случаях происходит смена парадигм и открываются так называемые «стратегические окна» [56; 70]. В соответствии с указанными особенностями распространение теорий и взглядов стратегического управления обусловило смену управленческой парадигмы, в рамках которой произошло смещение приоритетов менеджмента на внешнюю среду. Другими словами, в условиях роста нестабильности внешние факторы и рынок все в большей степени стали оказывать влияние на результаты деятельности компаний и отраслей, поэтому в системе стратегического управления сформировался подход, направленный на упреждение возможного влияния внешней ситуации. При этом важнейшими инструментами менеджмента стали стратегический анализ среды и выработка целей компании, ориентированных на потребности рынка, в то время как при традиционном подходе к управлению естественной целью была прибыль, а стремление к достижению этой цели формировалось за счет рационального распределения внутренних элементов, что должно было

обеспечивать повышение производительности труда и экономии ресурсов. В условиях новой парадигмы к указанным резервам роста прибыли добавлялись внешние условия, причем с большей степенью значимости.

Поскольку концепция стратегического управления в целом была построена на принципах системного подхода, то указанные изменения взглядов на управление компаниями автоматически повлекли за собой смену системной парадигмы. Прежде всего это нашло отражение в эволюции самого понятия системы, а также основных системных концепций.

В данной связи следует отметить, что первые определения системы были ориентированы на ее внутреннее содержание. Согласно первоначальному определению одного из основоположников теории систем Л. фон Берталанфи, система выступает «комплексом взаимодействующих компонентов» [56, с. 20—37]. Однако позже Берталанфи вводит в это определение понятие среды и уже описывает систему как «совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом и со средой» [57, с. 23—82]. Кроме того, существенным дополнением, которое и принято считать сменой парадигмы, стало введение в определение системы понятия цели. Это было сделано в исследовательских работах В.И. Вернадского, У.Р. Гибсона, П. К. Анохина, М. Г. Гаазе-Рапопорта и др.

Данное расширение понятия системы произошло в 1970-е гг. параллельно с развитием концепций стратегического менеджмента, когда практически было выявлено существенное влияние внешней среды на формирование и достижение целей. Стало очевидным, что трактовка цели компании как получение прибыли представляет собой упрощенный подход, и ее нельзя достичь без выявления потребностей рынка.

Следует также подчеркнуть, что новый подход к цели в дальнейшем повлек за собой и более глубокие изменения понятия системы, когда в ее определение, наряду с элементами, связями и целями, начинают включать еще и наблюдателя, то

есть лицо или группу лиц, принимающих решения в отношении соответствующего системного развития. Впервые такое понятие ввел Ю.И. Черняк, указав, что система есть отражение в сознании субъекта (исследователя, наблюдателя) свойств объектов и их отношений в решении задачи исследования, познания [182]. Несколько позже этот автор вводит существенное уточнение в данное определение и указывает на наличие зависимости представления о системе от того, на каком «языке» она сформирована наблюдателем, то есть от способа описания или моделирования системы. Системное моделирование становится ключевым инструментом исследований, связанных со структурными и процессными представлениями в условиях неопределенности [41; 50; 161; 168].

Таким образом, в соответствии с изменениями управленческой парадигмы произошла смена системной парадигмы, что повлияло на методологические аспекты применения системного подхода как базового инструментария исследования как в отношении систем вообще, так и социально-экономических систем в частности. Данное обстоятельство повлекло за собой изменение основных подходов в рамках фундаментальных исследований различных уровней управления экономикой.

Нужно отметить, что в нашей стране, отличающейся огромным разнообразием природных, экономических и социальных условий, применение методов стратегического управления потребовало дополнительных изменений с учетом особенностей перехода на рыночные механизмы ведения хозяйственной деятельности. В условиях перестроечного периода, когда внешние сигналы среды были достаточно хаотичны и не имели аналогии с прошлым, выбор стратегии становился весьма сложной задачей. Теоретические модели стратегического регионального управления менялись в ответ на ускорение изменений во внешней среде и усложнение возникающих проблем, что отражало стремление предприятий усилить свое влияние на рынки.

В связи с этим в качестве основополагающих концепций наибольшее распространение получили четыре парадигмы региона: регион-квазигосударство, регион-квазикорпорация, регион-рынок (рыночный ареал), регион-социум [79; 81]. Указанные парадигмы в теории региона включали проблему соотношения рыночного саморегулирования, государственного регулирования и социального контроля, а также соответствующих механизмов управления. При этом значимость сформированных региональных моделей развития заключалась в выборе оптимального соотношения методологических подходов в рамках той или иной парадигмы.

Однако следует подчеркнуть, что каждый конкретный регион, как правило, отличается сочетанием различных характеристик вышеуказанных моделей и его трудно отнести в чистом виде к той или иной категории. Поэтому в целях адекватного моделирования процессов регионального развития становятся актуальными выбор наиболее характерных черт и исследование определенных региональных особенностей.

С учетом данного обстоятельства в теории региональной экономики стали развиваться специализированные подходы. Например, в условиях расширения возможностей информационных технологий регион рассматривают как подсистему информационного общества или — в рамках инновационных направлений — как подсистему инновационного развития и т. п. Такая специализация подходов обусловлена, с одной стороны, необходимостью изучения региональной специфики, имеющей существенное влияние на экономику региона, а с другой — возможностями методологии в рамках современной системной и управленческой парадигмы, позволяющей стратифицировать систему и выделять связи как внутри определенного страта, так и со смежными стратами.

Кроме того, в условиях экономической интеграции проблемы территориального роста формировались преимущественно в процессе регионального сотрудничества. Соответ-

ственно нельзя было исследовать данные вопросы в рамках представленных региональных парадигм либо на основе их простого комбинирования. Интеграционные региональные процессы представляют собой сложную систему «сращивания» экономики на различных уровнях воспроизводства, что обуславливает качественные отличия такой системы от обычного регионального взаимодействия при торговом сотрудничестве.

Поэтому к 1970—1980-м гг. сформировались концепции на стыке региональных моделей и соответствующих взглядов. При этом множество теоретических «оттенков» проводимых региональных исследований сводилось в основном к поддержке модели «социальное рыночное хозяйство». Значительное внимание уделялось межрегиональному сотрудничеству на основе преодоления сложностей рынка как регулятора экономики, принципам развития нерыночной сферы, пропорциональному производству и справедливому потреблению общественных благ, регулированию естественных монополий и т. п.

В рамках исследования указанных проблем для условий российского интегрированного развития наибольшее распространение получила теория межрегионального взаимодействия [79, с. 88—91]. Она позволяет рассмотреть систему территориального сотрудничества в целях определения возможных вариантов взаимовыгодных региональных связей с позиций развития экономики регионов и учета социальных интересов согласно Парето-оптимуму. Но следует отметить, что разные — оптимальные, по Парето — варианты не одинаково выгодны для отдельных регионов. Существуют возможности того, что какие-либо регионы, действуя самостоятельно или в коалиции с другими, могут достичь более выгодных для себя состояний. Это связано с тем, что нет гарантии сохранения области пересечения тех или иных интересов в будущем и, соответственно, существует возможность разрушения сложившихся связей. Следовательно, при опоре на основные постулаты

названной теории представляется необходимой более детальная проработка перспективного взгляда на межрегиональное развитие с учетом закономерностей формирования интересов и, главное, сохранения единой мотивационной основы принятия стратегических решений в условиях непредсказуемых изменений среды.

Характеризуя общую направленность исследований данного периода, можно отметить, что эволюция региональных теорий отражала повышение роли нематериальных целей и факторов экономического развития, определяющих возможности перехода регионов на модель устойчивого экономического роста. В рамках представленных концепций, содержательная часть которых во многом определялась влиянием противоречивых процессов глобализации и регионализации, ученые видели свою главную научную задачу в создании целостной теории пространственной экономики.

В то же время поиск общих подходов к региональному развитию большинством ученых признается достаточно сложной задачей, и до настоящего времени ее нельзя признать решенной. Дилемма заключается в том, что трудно сформулировать определенную общую теорию размещения без принятия концепции равновесия. Если концепция равновесия все же будет принята, то возникнут трудности, связанные с тем, что равновесие, возможно, несовместимо с общей идеей развития и возможностями моделирования пространственных экономических систем. При этом необходимо отметить: связь функционирования и развития имеет диалектический характер, что отражает закономерность неравномерного развития и наступления кризисов. Функционирование сдерживает развитие, но одновременно формирует предпосылки для эволюции; развитие разрушает многие процессы функционирования, но создает условия для его будущего и более устойчивого осуществления. Возникновение кризисных тенденций различного масштаба подтверждает данные результаты исследований глу-

бинной природы и закономерностей развития социально-экономических систем, на формирование которых все в большей мере, наряду с экономическими факторами, влияют интересы различных уровней управления и социальные условия.

Таким образом, в современных условиях разнородности экономических элементов, количественных и качественных изменений факторов производства, научно-технического прогресса и развития процессов глобализации возрастает необходимость решения описанной выше дилеммы и, соответственно, значимость более детальной и углубленной проработки вопросов стратегического управления в условиях факторной неопределенности. В рамках произошедшей смены управленческой и системной парадигмы возможна реализация соответствующей исследовательской направленности в целях формирования регионального моделирования, позволяющего оптимизировать развитие регионов с учетом специфики воспроизводства и функционирования конкретных территориальных систем.

== Глава 2 ==

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ОБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ СТРАТЕГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ПРИМОРСКИХ РЕГИОНОВ КАК ЦЕНТРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

2.1. Регион как объект стратегического управления. Особенности интегрированных региональных систем приморского расположения

Рассматривая вопросы территориального развития в контексте закономерностей формирования региональных функций в рыночных условиях ведения хозяйственной деятельности, прежде всего необходимо понять современные особенности регионов как элементов экономического пространства. В данной связи сегодня в исследованиях вопросов регионального развития и управления в трудах отечественных и зарубежных авторов уделяется особое внимание самому понятию «регион». Всего насчитывается около ста различных толкований понятий «регион» и «район», которые расцениваются многими исследователями как синонимы. Следует отметить, что такое множество подходов объясняется разнообразием факторной специфики проявления объективных закономерностей регионального роста. Учеными, безусловно, выделяются общие черты таких территорий, и в соответствии с этим наиболее часто употребляемыми критериями для формирования понятия региона являются производственно-функциональные, социологические и территориально-административные признаки.

В российской экономической и политической практике в большинстве случаев под регионами понимают субъекты Федерации, реже — административно-экономические районы, муниципальные округа, отдельные города и территории граничащих областей. Официальное определение данного термина приведено в указе Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации», где под регионом понимается часть терри-

тории государства, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Следует отметить, что данное определение ориентировано на практику административного территориального деления. В то же время в условиях трансформации экономического пространства, когда границы региональной системы (с точки зрения ее хозяйственного и экономического содержания) определяются рыночными факторами и зависимостями, имеющими неустойчивый характер, появилась необходимость детализации и изучения региональных границ в контексте их функциональности. Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что именно указанные взаимосвязи выступают функциями региональной специализации и, соответственно, ключевым фактором, определяющим специфику региона как пространственного элемента национальной и международной экономической системы.

Рассматривая вопрос формирования понятия, нужно подчеркнуть, что региональная система отличается сложным характером структурного функционального взаимодействия, что обусловлено промежуточным уровнем ее положения в системе государственной экономики. Регион — это не государство (макроуровень), и не предприятие (микроуровень). Соответствующий региону мезоуровень призван обеспечивать как вертикальные, так и горизонтальные связи в национальной экономической системе. Поэтому на уровне региона как раз и образуются предпосылки формирования целостности воспроизводственной базы, в основе которой находятся объективные процессы общественного разделения труда и специализации — как в отраслевом, так и в территориальном аспекте. Следовательно, региональное управление должно взять на себя ключевую связующую роль и ответственность за целостность региона, а значит, и всей национальной экономической системы.

В связи с этим важным моментом становится комплексное изучение специфических свойств указанных функций в современных условиях неустойчивости и соответствующей системной неопределенности. В отечественной научной литературе появились работы, направленные на поиск новых путей соци-

ально-экономического развития регионов; в публикациях подчеркивается необходимость системного подхода наряду с учетом региональных особенностей, определяемых факторами пространственного экономического содержания.

Существенный вклад в развитие соответствующих методов системного анализа и моделирования экономических процессов внесли такие ученые, как И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин, Ю. И. Черняк, А. И. Пригожин и др. Исследованию развития российских регионов как сложных экономических систем на основе комплексного подхода, математического моделирования и прогнозирования посвящены работы экономистов Л. И. Абалкина, Е. Т. Гайдара, А. Г. Гранберга и др. На основе системных и экономических подходов к процессам территориального развития ими была сформирована теоретическая база, позволяющая учитывать неоднозначность и многофакторность регионального развития.

Нужно также подчеркнуть, что большое внимание уделяется исследованиям, направленным на комплексное изучение специфических проблемных регионов, являющихся отдаленными и депрессивными территориальными системами. Современным проблемам развития приграничных и приморских регионов посвящены работы Г. М. Фёдорова, В. С. Бильчака, В. В. Ивченко и других ученых, которые отмечают приоритетность подхода к вопросам развития с позиций выравнивания территориальных условий и необходимость учета специфических особенностей в целях повышения региональной эффективности [58; 59; 61; 100; 102; 111; 113; 174].

В большинстве публикаций, посвященных системному рассмотрению элементов региона и их специфике, ученые, исследователи и специалисты акцентируют внимание на таких характерных чертах региона, как целостность, комплексность, специализация и управляемость. В целом регион относят к социально-экономическим системам, объединяющим экономические, социальные и политические процессы, в основе которых находится воспроизводственный процесс и общественное разделение труда.

Отмечается, что сочетание отраслевого и территориально-го аспектов разделения труда создает предпосылки формирования конкретной функциональной роли отдельного региона в национальной экономической системе. Определение экономической функции региона приведено в работе В.С. Бильчака и В.Ф. Захарова: «В приложении к региональной экономике функцией является служебная роль (назначение) экономики региона по отношению к другим регионам, экономике страны в целом и элементам, составляющим региональную экономику. Причем для всей этой системы характерна такая взаимозависимость, при которой изменения на одном уровне являются производными (функциями) от изменения в другой» [58, с. 37]. Выделяется и роль человека как особого элемента системы, который обеспечивает связь между существующими элементами региона и региональной экономикой, что выступает важнейшей функцией, от которой во многом зависит результативность системной реализации. Данную функцию определяют как проявление трудовой активности, являющейся также предпосылкой самостоятельности региона, способности к адаптации и системному функциональному саморегулированию [58].

Следует отметить, что значение функционального рассмотрения региональных процессов существенно возрастает в современных условиях развития рыночных отношений, сопутствующей этому интеграции и трансформации экономического пространства, при которых происходит значительное усиление отмеченного ранее влияния на экономику неконтролируемых факторов среды и системной нестабильности. Это вызывает необходимость постоянного повышения уровня региональной адаптивности и поиска соответствующих подходов к управлению на основе изучения причин и особенностей происходящих изменений.

Нужно подчеркнуть, что системная неопределенность регионов в значительной степени связана со сложившимися особенностями их развития, обусловленными значительной разнородностью влияющих факторов и форм проявления региональной специфики. Существуют динамично развивающиеся

экспортно ориентированные регионы; особая направленность развития сложилась у столичных регионов. Наряду с ними имеются отдаленные и депрессивные регионы, снижение темпов развития которых объясняется различными территориальными условиями. Есть регионы со своими особыми отличительными чертами. При этом в относительно одинаковых условиях среды могут оказаться как лидирующие, так и отстающие регионы. Следовательно, особенности территориального развития и проявления факторов регионального развития и роста невозможно однозначно связать с закономерностями размещения производительных сил и эффективностью их функционирования. Другими словами, можно констатировать тот факт, что высокий уровень нестабильности среды и непредсказуемость поведения экономических систем обусловили сложившуюся к настоящему времени дифференциацию регионов «без закономерностей». Это привело ученых и исследователей к выводу, что в современных условиях территориального развития экономических систем, которые определяются действием противоречивых и непредсказуемых факторов, невозможно однозначно объяснить процессы регионального роста на основе закономерностей размещения производительных сил. В связи с этим в последних исследованиях ученые обращают внимание на вероятностные формы проявления таких закономерностей и полагают, что выделение жестко детерминированных зависимостей (закономерностей) в размещении производства — задача трудная, а скорее всего, невозможная [124; 127; 129; 130].

Однако именно указанные выше закономерности объективно определяют процессы развития территорий путем формирования определенного уровня проявления функциональности и соответствующей региональной специализации. Поэтому с позиций обеспечения эффективности регионального управления в современных условиях неустойчивости можно утверждать, что четкость и обоснованность в понимании влияния системных и экономических закономерностей на формирование

региональной специфики и ее функционального проявления имеет определяющее значение в процессах регулирования системной адаптации и развития конкретных территорий.

Поскольку регион является социально-экономической системой, то рассмотрение региональных функций целесообразно в разрезе системного, экономического и социального аспектов (рис. 2.1.1), на которые распространяются соответствующие закономерности.

Рис. 2.1.1. Структура функций региональной экономики

При рассмотрении взаимодействия представленных аспектов проявления региональных функций следует подчеркнуть наличие зависимости экономических процессов как от общесистемных функций, так и социальных интересов и наоборот. При этом, отмечая взаимное влияние и неразрывность указанных аспектов региональной функциональности, необходимо выделить доминирующее значение внешних функций специализации при подчиненном, то есть направленном на обеспечение специализации региона, значении внутренних функций. Данное обстоятельство объясняется всеобщим законом эволюции, в соответствии с которым существование и развитие любой системы обусловлено целесообразностью. Регион может развиваться в рыночной системе хозяйствования, будучи полезным для этой системы, то есть при условии выполнения конкретной функции, определяющей место и роль данного региона в экономике государства, а также международной экономической системе. Точно так же внутренние элементы региональной системы выполняют соответствующие функции, направленные на обеспечение потребностей региона и его развития. Здесь определяющая роль принадлежит хозяйственным и экономическим функциям обеспечения, непосредственно формирующим структуру и инфраструктуру воспроизводственного процесса региональной специализации.

На уровне экономических отношений закон всеобщей эволюции проявляется в закономерностях размещения производительных сил, на основе которых формируется специализация и целостность производственной базы. Чаще всего к таким закономерностям относят: рациональное, наиболее эффективное размещение производства; комплексное развитие хозяйства экономических районов и всех субъектов федерации; рациональное территориальное разделение труда между регионами и в пределах их территории; выравнивание уровней экономического и социального развития регионов.

Однако следует отметить, что реальные условия, а также факторы размещения производительных сил в различных регионах зачастую имеют настолько существенные отличия, что названные закономерности при сохранении их общего харак-

тера приобретают специфику своего проявления. При этом наличие указанных специфических особенностей и процессов формирования особых факторов развития различных регионов тоже, в свою очередь, имеют объективную основу в связи с особенностями проявления системных закономерностей, к главным из которых принято относить закономерности целостности, интегративности, коммуникативности, иерархичности, потенциальной эффективности, эквивинальности, историчности, а также закон необходимого разнообразия У. Эшби [194].

Поэтому важным моментом в вопросах изучения и управления региональным развитием является соотнесение взаимного влияния закономерностей системного и экономического содержания, с одной стороны, и факторов экономического развития — с другой. Исследование этого имеет значение в связи с тем, что указанное взаимное влияние закономерностей и условий развития определяет региональные особенности и проблемный характер проявления функций соответствующих регионов, и в первую очередь функции специализации, а также обеспечивающие условия целостности воспроизводственной базы.

Следовательно, рассматривая функции специализации интегрированных регионов в современных условиях трансформации экономики, необходимо отметить высокую степень зависимости формирования и эффективности реализации данных функции от внешних по отношению к каждому региону факторов, которые сами по себе неустойчивы и зачастую зависят от противоречивой экономической политики взаимодействующих сторон. В то же время направленность интегрированных зависимостей в контексте конкретной специализации определяется указанными закономерностями, что обуславливает устойчивый характер стремления к наиболее эффективным связям — в явном или латентном виде.

Например, для приморских регионов, выступающих центрами интеграции национальной экономической системы, место и роль их территорий определяются, прежде всего, интегрирующей функцией в процессе выполнения транспортного обслуживания внешней торговли, а также реализации других

экономических связей. Кроме того, исторически сложившейся специализацией данных регионов становятся различные виды деятельности, связанные с использованием морских ресурсов. Это, как правило, ведение морского промысла и снабжение населения своей территории и других регионов морепродуктами, добыча полезных ископаемых на шельфе и в прибрежной зоне и др. Структурной и инфраструктурной основой такой специализации выступает морехозяйственный комплекс, включающий портовое хозяйство, рыбодобывающий и рыбообработывающий флот, транспортные суда, складское хозяйство с соответствующими морозильными мощностями, судостроительные и судоремонтные предприятия, береговые рыбообработывающие предприятия, предприятия, ведущие добычу полезных ископаемых (например, нефть, янтарь, соль и т.п.), производство тары, энергии и другие сопутствующие производства. Соответствующая схема функционального структурного и инфраструктурного обеспечения территориальной специализации приморского региона представлена на рисунке 2.1.2.

Функционирование территориальной системы и эффективное выполнение своей роли, выражающееся в региональной специализации, определяется как функциями — отношениями внутри системы, так и отношениями с внешней средой. Соответственно возможны различные структурные варианты связей между элементами.

Кроме того, следует отметить, что важным условием экономического развития является создание хозяйственных комплексов на основе формирования внешней и внутренней территориальной специализации, базирующейся, соответственно, на внешнем и внутрирегиональном разделении труда. При этом отношения — связи находятся на пересечении различных уровней стратификации рыночного пространства (внутренний рынок, международные торговые связи, связи с отечественными торговыми партнерами, рыночная инфраструктура). Здесь предполагается наличие структурных связей между различными по сложности слоями системы — стратами.

Рис. 2.1.2. Схема функционального обеспечения территориальной специализации приморского региона

Подход к такому разделению был предложен в работе В. С. Бильчака и В. Ф. Захарова [58, с. 29—34], где при стратификации рыночного пространства выделены основные критерии, позволяющие оценивать те или иные территориальные преимущества (которые могут быть как природными, так и приобретенными) при конкретном размещении производства в отдельных регионах.

В отношении российских приморских регионов справедливым будет отметить наличие существенных природных преимуществ, к которым следует отнести доступ к богатым сырьевым ресурсам и развитую транспортную систему. Приобретенными преимуществами данных территорий можно назвать наличие квалифицированной рабочей силы, инфраструктуру и сформированную систему образования, готовящую специалистов для отраслей морехозяйственного комплекса. Все перечисленные преимущества выражаются в потенциальной возможности существенного снижения средних производственных затрат, что является условием создания региональных хозяйственных комплексов и, соответственно, специализации как ключевой функции развития. В то же время исследователями отмечается тот факт, что в современных условиях существующие результаты деятельности приморских регионов характеризуются низким уровнем эффективности и не связаны с использованием их приморского расположения и наличием морских ресурсов [60; 76; 100].

Данное обстоятельство можно объяснить сложившимися особенностями взаимодействия закономерностей и факторов регионального развития. Специфика проявления указанных закономерностей оказывает влияние на формирование особых региональных черт, которые, в свою очередь, определяют функциональные особенности приморских регионов, а также обуславливают характер и содержание региональных проблем функционального развития. Здесь прежде всего необходимо отметить, что в условиях перестроечных процессов для российской экономики произошло заметное относительное снижение потенциала приморских региональных систем в момент разрушения традиционных хозяйственных связей. При этом в связи с действием закономерностей размещения усилилось стремление данных регионов к внешней интеграции — в качестве компенсации нестабильного состояния внутренних коммуникаций и в целях поддержания системной целостности. То есть в соответствии с экономическими закономерностями размещения производительных сил стремление системы к интеграции сформировало комплексное развитие хозяйства за счет

контактов и хозяйственной кооперации с другими регионами и зарубежными странами. Но одновременно острее проявилась недостаточность внутрирегиональных связей и, соответственно, внутреннего комплексного развития. Особенностью таких региональных черт, как целостность и комплексность, для приморских регионов стало значительное повышение роли внешних коммуникаций в сочетании со стремлением системы к интеграции, что отразилось на формировании региональных функций усилением зависимости функции специализации от условий внешней интеграции и соответствующей среды взаимодействия. Следует подчеркнуть, что подобное состояние зависимости от внешних факторов характерно для приморских регионов любой национальной экономической системы, так как это обусловлено их ролью в качестве центров коммуникаций, и прежде всего транспортных узлов, расположенных на пересечении магистралей различных направлений и назначения. Однако вопрос заключается в том, с каким уровнем потенциала данные регионы окажутся в конкретные периоды времени по сравнению с регионами смежных государств. Менее или более выигрышное их положение будет закономерно определять перспективы взаимодействия. К тому же в соответствии с действием закона поляризации ресурсов разрыв может увеличиваться, что становится «миной замедленного действия» и причиной будущих кризисов.

Кроме того, подчеркивая современное действие указанного закона в условиях приморских интегрированных систем, необходимо наряду с внешней интеграцией, включающей связи с другими регионами, обратить внимание на особенности процессов внутрирегиональной интеграции, ключевым моментом которой также становится поляризация ресурсов. Данная ситуация связана с тем, что приморские регионы, помимо того, что сами являются участниками интеграции в рамках внешнеэкономической деятельности, также способствуют обеспечению интеграционных процессов для других региональных систем. Наличие морских портов, реализующих перевалку грузов с морских видов транспорта на сухопутные и наоборот, формирует естественные условия для развития транспортной инф-

раструктуры, что создает экономическую основу для концентрации (притягивания) различных видов деятельности, необходимых для этого ресурсов и соответствующего относительного роста региональных центров по отношению к периферии приморских регионов. Соответственно на приморских территориях происходит формирование крупных городов (чаще всего это областные центры) как относительных полюсов роста внутренней региональной структуры. При этом активизация внешних интеграционных процессов и одновременное усиление реализации транспортной функции в больших приморских городах обуславливают возрастание роли последних в экономике региона и порождают такое противоречивое явление, как внутренняя поляризация ресурсов наряду с внешней.

Выступая центрами интеграционного взаимодействия, приморские регионы испытывают на себе гипертрофированное действие закона поляризации, когда происходит наложение друг на друга неравномерностей внешнего и внутреннего ресурсного распределения. Влияние этого закона на экономический потенциал территории выражается в формировании соответствующих диспропорций, что также закономерно становится тормозом для дальнейшего развития и включает в себе угрозу возникновения кризисов с возможным системным разрушением.

Понятно, что в таких случаях, как правило, начинают работать регуляторы государственного вмешательства в экономику и принимаются соответствующие протекционистские меры. Однако возникшие внешние диспропорции и уже произошедшее ослабление внутренних функциональных взаимозависимостей, формирующих хозяйственные функции, обуславливают нарушение целостности воспроизводственной базы и негативно влияют на экономическую самодостаточность региона. То есть наблюдается парадокс системного состояния, когда усиление стремления к внешним интеграционным функциям и соответствующей специализации региона подрывает основу этой специализации, ослабляя ее обеспечение в рамках внутренних хозяйственных функций в подсистеме воспроизводства.

Данные обстоятельства начинают определять воздействие и других системных закономерностей. Например, проявление эквивиальности для приморских регионов формируется как снижение возможностей в отношении доходности внутренней предпринимательской деятельности. Следует отметить, что для соответствующих интегрированных региональных связей свойственна высокая подвижность границ производственных процессов. Особый характер организации добычи морских ресурсов обуславливает необходимость доставки грузов снабжения на промысел и сырья с промысла на береговые перерабатывающие предприятия. Все задействованные производственные фонды при этом подвижны и требуют особого управления и координации расстановки судов на промысле, формирования графиков их заходов в порт, постановки на ремонт и т.п. Указанные факторы повышают относительный уровень внутрирегиональных затрат на производственный процесс. Нередко поэтому становится эффективнее фактический экспорт выловленной рыбы-сырца и других ресурсов без промышленной переработки.

Наблюдается и противоречивое проявление такой закономерности, как историчность, когда исторически сложившееся разделение труда, основанное на ведении морского промысла, становится неэффективным и происходит перераспределение технологического цикла предприятий и отраслей морехозяйственного комплекса с усилением стремления к внешней интеграции и смещением производственного процесса за пределы национальной экономической системы. При этом фактическое снижение эквивиальности и эффективности внутренних связей при относительно более высокой рентабельности внешних отношений (например, экспорта сырья) создает также предпосылки для развития латентных (скрытых) функций специализации.

Взаимосвязь указанных региональных особенностей со спецификой проявления закономерностей размещения производства и системного развития для приморских систем интегрированного взаимодействия представлена в таблице 2.1.1.

Специфика региональных черт и функциональных особенностей интегрированных регионов

Системные свойства и закономерности развития регионов	Проявление закономерностей размещения производительных сил	Специфика региональных черт интегрированных территориальных систем	Функциональные особенности развития интегрированных регионов
Высокий уровень стохастичности. Усиление роли коммуникаций в процессе самоорганизации. Стремление к целостности за счет усиления интеграции	Формирование производственного процесса в соответствии с минимизацией затрат в рамках внешней интеграции	Формирование целостности и комплексности за счет специализации в условиях усиления внешней интеграции и повышения роли коммуникаций	Усиление зависимости функции региональной специализации от условий интеграции и факторов внешней среды
Снижение уровня эквивалентности	Усиление дифференциации уровней территориального и внутритерриториального развития и появления необходимости их выравнивания	Недостаточное внутреннее комплексное развитие хозяйства	Ослабление функциональных внутритерриториальных зависимостей, формирующих хозяйственные функции и целостность воспроизводственной базы
Недостаточная эффективность. Противоречивое проявление закономерности историчности. Усиление стремления к аддитивности (самостоятельности)	Недостаточное закономерное стремление к исторически сложившемуся рациональному разделению труда	Неэффективность исторически сложившегося территориального разделения труда на основе использования природных преимуществ. Необходимость усиления региональной управляемости на основе саморегулирования	Развитие латентных функций региональной специализации. Особенности функции регионального управления, в том числе: а) необходимость усиления влияния факторов внутренней среды; б) использование возможности усиления трудовой активности

Следует отметить, что представленное проявление системных закономерностей обуславливает стохастичный характер изменения параметров регионального экономического поведения при одновременном снижении возможностей государственного влияния на данный процесс. В то же время дифференциация уровней экономического развития интегрированных регионов формирует потребность в их выравнивании с другими территориальными системами, а в отдельных случаях приводит к необходимости соответствующей государственной поддержки в отношении формирования внешних связей.

Формирование региональных черт и функциональных особенностей интегрированных регионов.

Происходит снижение уровня управляемости при необходимости усиления государственного вмешательства в происходящие процессы. Неоднородность функций и сложный структурный состав указанных региональных систем вызывает необходимость поиска таких подходов к управлению, которые позволят учитывать специфику проявления закономерностей регионального развития и компенсировать недостаток возможностей государственного регулирования на основе системного саморегулирования.

В рассматриваемом случае — для региональных систем приморского расположения — целесообразно учитывать специфику влияния закономерности аддитивности, определяющей стремление хозяйствующих субъектов к самостоятельности и, соответственно, возможность сочетания указанных принципов регулирования и саморегулирования. Усиление такого стремления для приморских территорий формирует предпосылки повышения региональной трудовой активности [59] и применения принципов региональной мотивации [60; 63], дающих возможность формировать направленное экономическое поведение хозяйствующих субъектов. При этом для указанных территориальных систем в условиях диспропорциональности и угрозы возможного дальнейшего снижения потенциала реального сектора экономики возникает необходимость усиления влияния факторов внутренней среды пропорцио-

нально внешнему влиянию в целях формирования комплексной функциональности, повышения эффективности функций специализации и их обеспечения, снижения рисков участия в процессах интеграции и достижения сбалансированного регионального роста.

Таким образом, в современных условиях развития интеграционных зависимостей и трансформации рыночного пространства, обуславливающих возникновение диспропорций и кризисного состояния экономической системы, ключевым переломным моментом в переходе к устойчивому экономическому росту становится обеспечение сбалансированного развития региональных связей различного масштаба. Здесь следует подчеркнуть, что основой экономических отношений любого характера являются объекты реального сектора экономики, формирующие развитие функций региональной специализации, которые, в свою очередь, определяются действием закономерностей размещения производительных сил. В то же время процессы территориального разделения труда и эффективность их развития в значительной мере зависят от специфики проявления указанных закономерностей и сложившихся факторов, имеющих противоречивый характер в условиях экономической интеграции. Поэтому поиск таких подходов к процессу управления развитием регионов, которые позволят обеспечить пропорциональность роста путем формирования оптимального межрегионального сотрудничества в рамках реализации региональных функций специализации и соответствующих связей объектов экономического взаимодействия, становится одной из основных задач управления развитием систем интегрированного регионального взаимодействия. Для приморских регионов, выступающих связующими звеньями и основными участниками процессов интеграции в силу сложившихся условий и имеющихся природных факторов, особенно возрастает роль адаптационного территориального управления, нацеленного на развитие наиболее эффективных стратегических направлений деятельности.

2.2. Основные понятия и принципы функционально-объектного подхода к стратегическому развитию приморских региональных систем

Рассматривая подходы к управлению развитием интегрированных систем приморского регионального сотрудничества, следует отметить, что в обобщенном представлении под развитием системы понимается изменение ее состояния, направленное на адаптацию к изменениям среды. Данный процесс принято считать поведением системы [168]. При этом к адаптационному поведению относят проявления системного изменения в условиях нестабильной среды, направленные на поддержание и улучшение существенных переменных в определенных границах, позволяющих сохранять и развивать основные свойства системы или ее структуру. Соответственно организация управления региональным развитием предполагает формирование определенного экономического поведения региона путем воздействия на параметры управляемой системы в целях ее адаптации. Необходимо учитывать и то, что существующие формы адаптационного поведения социально-экономических систем весьма разнообразны и зависят от особенностей системы.

Отмечая специфику приморского регионального развития как процесса экономического поведения в условиях интеграции, следует выделить доминирующую роль внешних коммуникаций, определяющих специализацию региона, а также пропорции ее структурного и инфраструктурного обеспечения. В приморских регионах именно внешние связи берут на себя системные структурно-образующие функции, но поскольку данные связи имеют высокий уровень неопределенности из-за подвижности границ и неустойчивости функциональности экономических объектов в процессе межрегионального и международного сотрудничества, они обуславливают неопределенность и неустойчивость экономической системы региона в целом. Такая ситуация вызывает сложности опреде-

ления системы как объекта управления, что означает, по сути, невозможность адекватного влияния на системные параметры в процессе управления ее развитием.

Поскольку в любой системе наблюдается закономерное стремление обеспечить приспособление к возникающим изменениям, то для неопределенных систем в условиях недостатка управляемости проявление процессов адаптации приобретает спонтанный характер. Кроме того, следует подчеркнуть, что исследования развивающихся систем показали, что каждая из них проходит через максимум адаптационных возможностей, после чего начинается реструктуризация или распад системы. Данный феномен был определен как адаптационный максимум [168, с. 68], наступление которого означает неизбежное формирование структурного кризиса. Таким образом, интегрированные системы в силу своей неопределенности становятся объектами потенциального формирования кризисного состояния экономики взаимодействующих региональных систем. И указанные процессы непредсказуемы и неуправляемы.

Отсюда следует, что решение данной проблемы предполагает, в первую очередь, повышение уровня системной определенности, что означает необходимость идентификации внешних экономических связей с одновременным обеспечением их устойчивости. В условиях же развития интеграции указанная проблема приобретает расширенное толкование и включает, помимо определения самих функций региональной специализации, формирование соответствующей идентификации объектов с пропорциональным инфраструктурным обеспечением, а также определение условий и механизмов реализации деятельности. Это связано с тем, что в ходе развития интегрированных связей складывается тесное межрегиональное взаимодействие на уровне непрерывного производственного процесса, что предполагает создание экономических производственных и хозяйственных систем, обладающих функционально-объектной структурой. Но поскольку данная структура является неопределенной, то автоматически возникает неопределенность условий и механизмов, так как неизвестно, какие

условия могут быть оптимальными для данных территориальных структур в будущем и какие механизмы системной адаптации потребуются. Непонятным также остается соотношение существующей неопределенной (или не вполне определенной) структуры и действующих условий.

Рассматривая данную проблему с позиций региональной управляемости, нужно отметить, что существующую картину межрегионального и межнационального взаимодействия интегрированных систем гипотетически можно определить при наличии соответствующего информационного обеспечения, например путем систематизации валютных контрактов, договоров сотрудничества внутри государственной системы и других организационных мер. Что же касается будущего состояния экономической системы региона, то здесь всё зависит от воли хозяйствующих субъектов, решения которых, связанные с внешними коммуникациями, определяются закономерностями и факторами размещения ресурсов со стремлением к минимизации затрат и росту прибыли в ориентире на потребности рынка и на основе взаимных коммерческих интересов. Поэтому прогноз изменения данных зависимостей представляется затруднительным. В то же время под указанные потребности должна быть сформирована соответствующая система внутреннего структурного и инфраструктурного обеспечения. Данный процесс — достаточно долговременный и капиталоемкий. И следует подчеркнуть, что, согласно Парето-оптимуму, структура сложившихся внешних связей далеко не всегда совпадает с точками равновесного развития, определяющими уровень региональных параметров в соответствии с принципами справедливого и пропорционального распределения как экономических, так и социальных интересов взаимодействующих сторон. И со временем со стороны государства, чьи интересы окажутся ущемленными, как правило, формируются протекционистские меры, что обуславливает изменения заинтересованности хозяйственников и неустойчивость системы коммерческих и производственных связей либо, при отсутст-

вии таких мер, развиваются межрегиональные диспропорции, а это приводит к отрицательным изменениям экономической структуры, снижению эффективности хозяйственной деятельности и развитию кризисов. Сформировавшееся в такой ситуации стремление государств к объединению экономических систем на основе установления единых условий и «правил игры» в рамках межрегионального и межнационального взаимодействия путем создания различных союзных объединений и ассоциаций сталкивается с нерешенной проблемой оптимизации границ этих образований.

При этом в процессе расширения интегрированных связей за пределы указанных структур может происходить разнонаправленное воздействие экономической политики смежных сторон, определяющей противоположные и противоречивые условия ведения хозяйственной деятельности для взаимодействующих субъектов, либо, наоборот, могут устанавливаться неоправданно уравнивательные условия для регионов, имеющих неравные стартовые состояния и потенциалы для развития, что создает почву для неравновесного развития и предопределяет дальнейшие кризисные состояния. Кроме того, складывающиеся условия взаимодействия между более масштабными структурными системами включают в себе угрозу и более серьезных последствий возникновения системных кризисов.

В этой связи формируется потребность в согласовании функционально-структурных изменений межрегионального взаимодействия, а также условий и механизмов их реализации. Для каждого региона возникает необходимость в гибком механизме встраивания своей региональной политики в общую межрегиональную и межнациональную политику — в целях формирования специализации регионов и создания условий для ее развития с учетом интересов различных уровней управления как своего региона, так и смежных региональных систем.

Нужно подчеркнуть, что решение такой задачи не может быть однозначным, так как неопределенность интегрированных структур и неустойчивость отношений связана с ролью

коммерческих интересов и противоречивым влиянием условий структурной политики смежных сторон. И влияние этих факторов носит взаимозависимый и взаимообратный характер. Коммерческие интересы определяют структуру связей и соответствующую политику регионов, и наоборот: политика влияет на интересы и изменяет структурные зависимости. Следовательно, решение проблемы управления устойчивым развитием неопределенных и неустойчивых интегрированных структурных объектов и их связями находится в плоскости пересечения коммерческих интересов и условий региональной политики, которые должны быть ориентированы на структурные пропорции и общественные интересы. То есть от субъектов хозяйствования требуется согласование решений, определяемых корпоративными интересами коммерческой выгоды, с целевой установкой на будущую функциональную структуру объектов экономической системы в параметрах и критериях, связанных с интересами общества. И поскольку достижение таких требований находится в области пересечения частных, государственных и общественных интересов, имеющих противоречивый характер своего проявления, то данное обстоятельство предполагает необходимость гибкого и целенаправленного сочетания механизмов регулирования и саморегулирования, позволяющего в целях системной адаптации обеспечить своевременное и адекватное воздействие на указанные интересы.

Вышесказанное требует формирования в рамках механизмов регулирования определенных условий мотивационной среды для реализации интегрированных структур на основе регулирования хозяйственной деятельности, включающего в себя тарифные и нетарифные меры, создание льготных режимов, предоставление налоговых преференций и т. п. Что же касается стимулирования хозяйственников к активности в том или ином направлении, то здесь наряду с мотивационной средой необходимы меры непосредственной мотивации, формирующие желание предпринимателей реализовать функцио-

нальные связи в процессе конкретной деятельности на основе заинтересованности и механизмов саморегулирования. Соответствующая единая мотивационная основа сочетания указанных механизмов необходима, так как в противном случае из-за отсутствия согласованного воздействия на интересы будет сохраняться структурная неопределенность, а значит, и неуправляемость интегрированной системы в целом.

Таким образом, обеспечение адаптации интегрированных регионов предполагает идентификацию внешних связей, определяющих стратегическое видение развития функций региональной специализации в параметрах оптимизации и формирующих сочетание частных и общественных интересов при достижении региональных пропорций. Кроме того, необходимо также предвидение возможного изменения указанных связей и обеспечение адекватной реакции системы на основе сочетания механизмов регулирования и саморегулирования с позиций комплексного создания функционально-объектных структур и реализации процесса управления в контексте формирования благоприятных условий и мотивации хозяйствующих субъектов.

Следует подчеркнуть, что постановка такой задачи принципиально отличается от традиционного подхода к стратегическому региональному управлению, направленного на обеспечение адаптации системы к изменениям среды, и означает адаптивное формирование процесса регионального развития, предполагающего оптимизацию взаимной адаптации системы и среды в процессе функционирования и развития этой системы.

Для решения указанной задачи мы предлагаем применение функционально-объектного подхода. При этом в целях формирования соответствующего понятийного аппарата необходимо ввести ряд понятий. Под *интегрированной региональной системой* в данной работе будем понимать систему экономических региональных объектов, взаимодействующих в рамках межрегиональных функциональных связей, сформированных на длительную перспективу и на основе взаимных интересов в

целях удовлетворения определенных потребностей рынка. В данном определении *экономической региональной объект* — это структурная единица региональной активности, созданная в целях реализации определенной экономической функции или функций, выступающих региональной специализацией. В свою очередь экономическая функция может быть определена как проявление региональной активности объекта или группы объектов, направленной на удовлетворение потребностей рынка и получение прибыли.

В соответствии с данными определениями под *стратегическим направлением экономической деятельности* будем понимать функционально-объектную структуру интегрированной экономической системы, реализующей специализацию региона в области пересечения интересов различных уровней управления при мотивационных условиях ведения деятельности и с использованием соответствующих механизмов регулирования и саморегулирования.

Функционально-объектный подход определим как подход к управлению территориальным развитием на основе выделения и учета особенностей региональных функций и объектов их реализации при определенных условиях и механизмах в рамках стратегических направлений деятельности региональной специализации.

Из представленного содержания функционально-объектного подхода можно определить, что основные его *задачи* заключаются в следующем:

— обеспечение адекватного структурного отображения существующего состояния интегрированных региональных систем, а также его изменений (моделирование развития как системного поведения) с учетом специфики формирования условий и механизмов реализации интегрированного регионально-го взаимодействия;

— идентификация функционально-объектных связей региональной специализации как стратегических направлений дея-

тельности в комплексе с условиями и механизмами их реализации в области пересечения интересов в точках равновесного и пропорционального системного развития;

— создание системы обеспечения принятия и согласования решений по стратегическим направлениям деятельности на основе механизмов региональной адаптации, включающих сочетание рычагов регулирования, определяющих создание мотивационных условий, и саморегулирования, формирующих мотивацию к деятельности.

Для решения названных задач могут быть использованы следующие основные принципы:

— системного исследования функциональных и объектных особенностей неопределенного поведения экономических структур, а также условий и механизмов реализации этих структур в процессе интеграции;

— комплексной идентификации функционально-объектных интегрированных структур одновременно с условиями и механизмами их реализации в области пересечения частных, государственных и общественных интересов;

— оптимизация взаимной адаптации системы и среды, то есть интегрированных региональных структур и условий их функционирования и развития, на основе мотивации при сочетании механизмов регулирования и саморегулирования;

— обеспечение реализации стратегических функционально-объектных изменений интегрированных структур и мер региональной политики, затрагивающих интересы корпоративного, регионального, национального и межнационального уровней управления;

— создания ресурсного «запаса надежности» как интегрированных региональных систем, так и среды их функционирования в целях обеспечения системной устойчивости в условиях форс-мажора и кризисных ситуаций.

Реализация перечисленных принципов на основе функционально-объектного подхода к управлению стратегическим региональным развитием схематично представлена на рисунке 2.2.1.

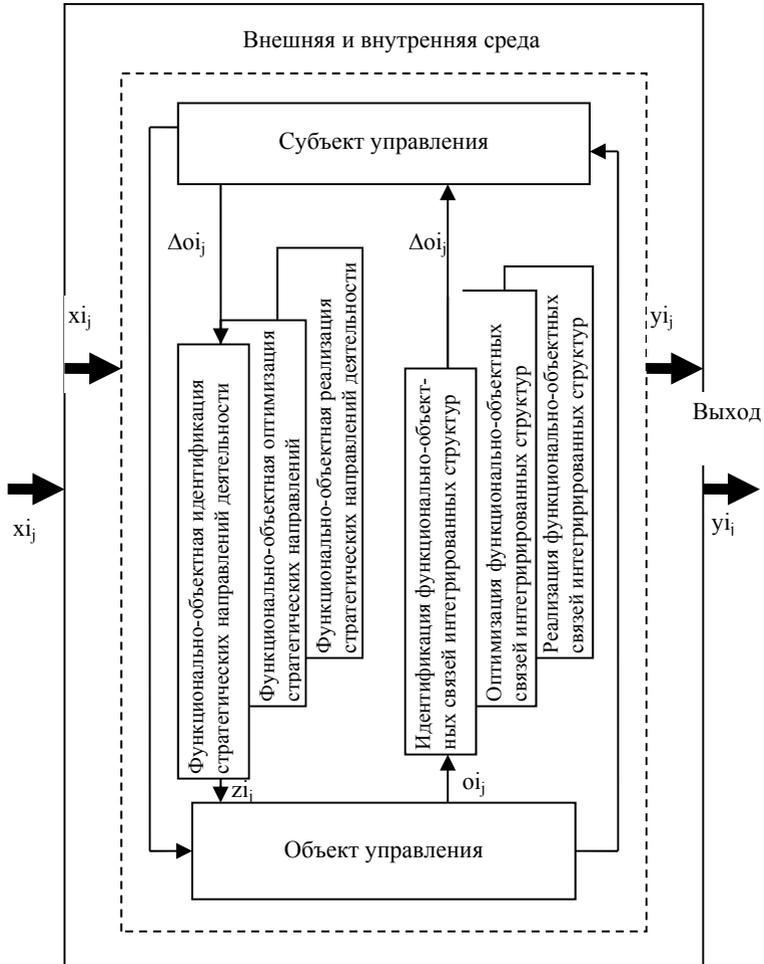

Рис. 2.2.1. Функционально-объектный подход к управлению приморским региональным развитием в условиях интеграции:
 x_{ij} — входные параметры; y_{ij} — выходные параметры;
 o_{ij} — параметры функциональности объектов; Δo_{ij} — корректировка параметров функциональности;
 z_{ij} — регулирующие параметры и целевые установки

Объектом управления здесь являются интегрированные региональные системы, а субъектом управления — координирующий орган регионального стратегического управления. Следует подчеркнуть, что в компетенции объекта управления находятся вопросы формирования интегрированных региональных связей и объектов обеспечения их деятельности на основе взаимных коммерческих интересов. В то же время необходимость согласования данных интересов с целями регионального и общественного развития предполагает идентификацию интегрированных связей в поле пересечения указанных интересов в комплексе с условиями и механизмами их реализации, что обеспечивает совместное решение данной задачи как субъектом, так и объектом управления. При этом объект управления формирует идентификацию функционально-объектных связей в рамках своих интересов и формулирует для субъекта управления предложения по созданию соответствующих условий и механизмов. В свою очередь субъект управления согласует данные предложения со смежными уровнями управления с позиций обеспечения региональных и общественных интересов и формирует комплексную идентификацию функционально-объектных структур, условий и механизмов их реализации, определяя тем самым указанный комплекс как стратегическое направление регионального роста.

В системе управления данной модели предусмотрены три контура реализации управления развитием интегрированных экономических систем региона: перспективный, текущий и оперативный, которые относятся (соответственно) к следующему:

- обеспечению идентификации интегрированных структур как стратегических направлений деятельности в целях принятия перспективных решений в отношении межрегиональных связей, условий реализации функциональности и механизмов, стимулирующих хозяйственную деятельность в точках равновесного и сбалансированного взаимодействия;

- оптимизации принятия решений в режиме текущей корректировки в реально складывающихся ограничениях среды и вновь возникающих факторов проявления функциональной

специфики интегрированной региональной системы в целях обеспечения достижения заданных параметров сбалансированного и равновесного роста;

— обеспечение координации и согласования действий по реализации функционально-объектной структуры, условий и механизмов в ходе оперативной деятельности, формированию мониторинга и оценки результатов.

Рассматривая задачи указанных контуров, следует подчеркнуть, что решения, принимаемые в рамках перспективного контура, преимущественно направлены на обеспечение адаптации условий и механизмов к требованиям интегрированных структур, то есть на приспособление среды к системе, что соответствует логике доминирующего значения структурных функциональных связей для интегрированных регионов. В то же время предполагается возможность обратной адаптации в случае возникновения соответствующих требований со стороны смежных регионов или субъектов других уровней взаимодействия.

Что касается контура текущего управления, то здесь управленческие решения, направленные на взаимную адаптацию системы и среды, могут приниматься итерационно, по мере формирования той или иной ситуации. При этом в ходе реализации интегрированных связей возможны изменения интересов взаимодействующих сторон, что приводит к необходимости структурных изменений и дополнительной адаптации среды к данным изменениям. Возможно также появление непрогнозируемых тенденций, определяющих изменения среды, при которых потребуются структурная адаптация, поскольку в процессе эксплуатации и функционирования уже созданных структур необходимо приспособление последних к среде и формирование плавного перехода к новому структурному состоянию. Это позволит решать проблему адаптационного максимума. Соответственно в рамках текущего контура управления обеспечивается гибкий процесс взаимной адаптации интегрированных систем и среды их функционирования.

И, наконец, оперативный контур предполагает обеспечение координации действий в ходе предусмотренного ранее развития событий для текущего системного состояния, а также принятие решений в условиях резких, скачкообразных изменений, относящихся к форс-мажорным обстоятельствам. Для этого предусматривается заблаговременное формирование внутренних ресурсных запасов систем интегрированного взаимодействия в целях их адаптации к среде. В случаях же возникновения непредвиденных ситуаций возможна реализация взаимной адаптации за счет создания дополнительных ресурсных запасов внешней среды с оптимизацией их перераспределения, что делает систему более устойчивой, чем в обычных условиях, и обеспечивает безопасность интегрированного взаимодействия.

Взаимосвязь трех контуров управления формируется на основе сочетания механизмов регулирования в рамках прямой связи и саморегулирования в обратной связи, что обеспечивает преемственность управленческих решений, связанных с региональной функциональностью и взаимной системной адаптацией.

Таким образом, реализация вышеуказанных принципов к предлагаемому подходу создает систему управления региональным развитием как инструмент для принятия решений стратегического характера, а также текущей и оперативной управленческой деятельности в отношении идентификации функционально-объектных структур интегрированных систем в комплексе с условиями и механизмами их реализации. Формируемые при этом возможности оптимизации соответствующих условий и механизмов в трех контурах управления становятся основой преодоления диспропорций и обеспечения сбалансированного роста путем реализации наиболее эффективных стратегических направлений региональной специализации, определяющих адаптивное региональное поведение и соответствующую стабильность экономического взаимодействия.

2.3. Концептуальные основы формирования функционально-объектной модели идентификации стратегических направлений приморского регионального сотрудничества

Рассматривая пути решения проблем современного регионального развития, следует отметить, что понятие экономического роста закономерно связано с обеспечением баланса показателей взаимодействующих и смежных отраслей. Соответственно антагонизм понятия «устойчивое развитие» имеет свое разрешение в координации и согласованности действий субъектов экономической деятельности путем формирования динамично развивающегося баланса производственных отношений. Поэтому в рамках системы управления региональным развитием следует обеспечить необходимые аспекты для решения задачи достижения указанного баланса как в ближайшей, так и более отдаленной перспективе. Для этого уже на этапе идентификации региональной специализации в качестве стратегических направлений деятельности необходимо сформировать модель реализации адаптивного поведения региональной системы и обеспечить направленное воздействие на соответствующие процессы развития.

Однако в условиях неопределенности интегрированного взаимодействия возникают ограничения возможностей определения и соответствующего моделирования таких систем, что снижает обоснованность принимаемых решений по выбору стратегических направлений деятельности в сложившейся ситуации, а также вероятность их реализации в предполагаемых условиях на будущий период. Это приводит к потерям в уровне эффективности и структурным диспропорциям. Кроме того, как реакция смежных регионов на негативные явления межрегионального взаимодействия возникает логический разрыв между управленческими действиями в региональном менеджменте, с одной стороны, и потребностями обеспечения функционально-объектных структурных зависимостей интегрированных связей, определяющих региональную специализацию, — с другой, что практически не позволяет реализовать

принципы системного подхода к управлению развитием региона. Указанное обстоятельство определяет усложнение реализации процессов управления при одновременном усилении требований к их эффективности. Поэтому в рамках механизмов стратегического регионального управления появляется задача поиска таких методологических подходов к формированию и реализации управленческих действий, которые позволяют учитывать данные особенности и сформируют направленность на реализацию системной адаптации.

Решение указанной задачи предполагает, несмотря на неопределенность системы, необходимость адекватного моделирования изменений регионального состояния в целях обеспечения процессов устойчивого и пропорционального роста.

В данном случае к моделированию регионального развития возможно применение тезаурусного подхода [168, с. 712], когда изучение системы начинается не «сверху», то есть не с определения целей и последующей системной структуризации, а «снизу», что означает подбор возможных связей и элементов с применением процесса итерационного исследования в зависимости от поставленных задач. Подобный подход применяется при исследовании неопределенных структур и формировании различных уровней их изучения. При этом чаще всего используется такой прием, как кластеризация экономического пространства по различным признакам в зависимости от цели исследования.

Что касается регионов, участвующих в процессах интеграции, то данный подход может быть применен для определения предполагаемых структурных состояний при различных вариантах их функционирования и развития. Также возможно выделение в самостоятельные кластеры или страты интегрированных зависимостей различного назначения (производственных, финансовых и др.) путем моделирования от объектов и их функций с переходом к структуре с учетом особенностей системы. Такое решение позволяет, по сути, реализовать функционально-объектную идентификацию интегрированных связей, формируя тем самым системную определенность региональной структуры.

Но отмеченная ранее специфика интегрированных систем в отношении взаимной обусловленности неопределенного структурного формирования регионов, а также неустойчивости различных межрегиональных условий и противоречивых механизмов их реализации усложняет поставленную задачу. Это связано с тем обстоятельством, что данные условия имеют определяющее значение для создания межрегиональных и межнациональных связей, то есть формирования структуры, как, например, при пересмотре национальной и региональной политики смежных территориальных систем, ориентированной на региональные и национальные интересы, которые, в свою очередь, также становятся системным элементом, влияющим на параметры неопределенности. Одновременно на устойчивость системы могут оказывать влияние и другие факторы.

В связи с этим возникает необходимость расширения предмета исследования. Поэтому в рамках тезаурусного подхода к моделированию интегрированного регионального состояния кроме исследования экономической структуры нужно рассматривать и возможные условия и механизмы, а также интересы и (в случае необходимости) другие системные элементы, определяющие реализацию экономических связей в привязке к конкретным структурным состояниям с учетом их специфики.

Особенности же интегрированных регионов обуславливают необходимость решения задачи управления в условиях неопределенности как самой региональной системы, так и среды ее функционирования в целях обеспечения системной адаптации и устойчивого регионального роста. Это означает, что, рассматривая данную проблему, необходимо ориентироваться на произошедшую в современных условиях смену управленческой и системной парадигмы, предполагающую возможность исследования неопределенных объектов в неустойчивой среде. В рамках данной парадигмы проведения системного анализа решать подобные задачи предлагается путем формирования соответствующего определения системы, позволяющего выделить, то есть идентифицировать, наиболее существенные компоненты, обуславливающие целостность и дру-

гие системные характеристики, влияющие на принятие решений [168, с. 719—720]. При этом подчеркивается возможность дальнейшего уточнения, или конкретизации, такого обобщенного определения в процессе исследования, что влечет за собой соответствующее уточнение взаимодействия системы со средой и определения среды, и то обстоятельство, что в процессе исследования граница между системой и средой может деформироваться. Таким образом, выбор определения системы отражает принимаемую концепцию и фактически является началом процесса моделирования. Уточняя модель системы, можно выделять в среду некоторые составляющие, которые первоначально не были включены в систему, и наоборот: исследуя взаимосвязь между компонентами системы и среды, можно посчитать целесообразным включить в систему те составляющие среды, которые имеют сильные связи с элементами системы.

Применительно к понятию «интегрированный регион» данное положение означает, что в целях исследования и обоснования выбора оптимальной структуры экономических объектов, реализующих интегрированные связи, условий для их функционирования и механизмов, обеспечивающих деятельность с учетом интересов и факторов региональной специфики, возможно применение данного метода для разработки индивидуального системного определения (модели) конкретной территории.

В общем случае соответствующее представление для интегрированных региональных систем можно сформулировать следующим образом:

$$Mt = \langle CTP_u, УСЛ, МЕХ, Ц, Иб, Иобц, \rangle,$$

где Mt — определение (модель) состояния региона в момент времени t ;

$CTP_u = \{CTP_{np}, CTP_y, \dots\}$ — совокупность интегрированных структур, определяющих специализацию региона: производственных — CTP_{np} , услуг — CTP_y и т. п.;

$УСЛ = \{\phi_{вне}, \phi_{вну}\}$ — совокупность особенностей существования системы, то есть условий и факторов, влияющих на ее создание, функционирование и развитие ($\phi_{вне}$ — внешних, $\phi_{вну}$ — внутренних);

$МЕХ = \{мет, ср, алг, \dots\}$ — совокупность управленческих мер (механизмов) региональной экономической политики (методы — *мет*, средства — *ср*, алгоритмы — *алг* и т. п.), реализующих данную интегрированную систему;

$Ц = \{ц\}$ — совокупность региональных задач, пересекающихся в рамках реализации интегрированных связей;

$Иб = \{Иб\}$ — совокупность интересов бизнеса, пересекающихся в рамках реализации интегрированных связей;

$Иобщ = \{Иобщ\}$ — совокупность общественных интересов, пересекающихся в рамках реализации интегрированных связей.

Следует отметить, что указанные описания, включаемые в данное определение региональной системы, могут уточняться путем дополнительного введения подмножеств и отношений между их элементами. Такая процедура может повторяться неоднократно для отображения многоуровневой структуры, включающей необходимый набор региональных уровней исследования (кластеров или стратов) и гибкую систему уточнения отношений в виде набора правил преобразования множеств и подмножеств системы.

Применение такого метода в рамках функционально-объектного подхода к управлению региональным развитием предлагается для создания комплексного представления о возможных наборах интегрированных структур, одновременно с условиями и механизмами их реализации. Но поскольку отмеченное влияние интересов, а также других неконтролируемых факторов является противоречивым, то для обеспечения устойчивости и адаптации интегрированных структур представляется необходимым оптимизировать указанный комплексный набор с выявлением области пересечения интересов

и созданием соответствующей системы мотивации, в рамках которой возможна реализация согласованных решений. Кроме того, необходимо предусмотреть способность системной реакции на непредсказуемые события. Это позволит идентифицировать такие состояния региональной системы, которые будут обеспечивать достижение заданных критериев оптимизации структурных зависимостей и их пропорций, а также соответствующих им условий и механизмов, что может стать обоснованием стратегических направлений развития с формированием конкретных возможностей их реализации. При этом постепенное, итерационное уточнение комплексного описания региональной системы предоставляет возможность реализации соответствия структур, условий и механизмов в перспективном, текущем и оперативном блоках управления с преемственностью управленческих решений в отношении развития интегрированных региональных связей.

Концептуально, предлагаемый подход к обоснованию стратегических направлений развития интегрированных регионов на основе комплексной системной идентификации структур, условий и механизмов можно представить в виде трех взаимосвязанных блоков задач (рис. 2.3.1): блок функционально-объектного моделирования интегрированных структур; блок моделирования благоприятных условий и блок моделирования механизмов реализации. Первый блок включает в себя идентификацию структур на основе оптимизации в перспективном контуре управления, корректировку структурных состояний в текущем периоде и их оперативную реализацию. Второй и третий блоки имеют подчиненное значение по отношению к первому, и их роль заключается в обеспечении структурных потребностей соответствующими условиями и механизмами. Горизонтальная связь задач указанных блоков отражает логическую последовательность принятия решения с переходом от функционально-объектной структуры к условиям и механизмам реализации. Вертикальная последовательность формирует преемственность решений перспективного, текущего и оперативного характера.

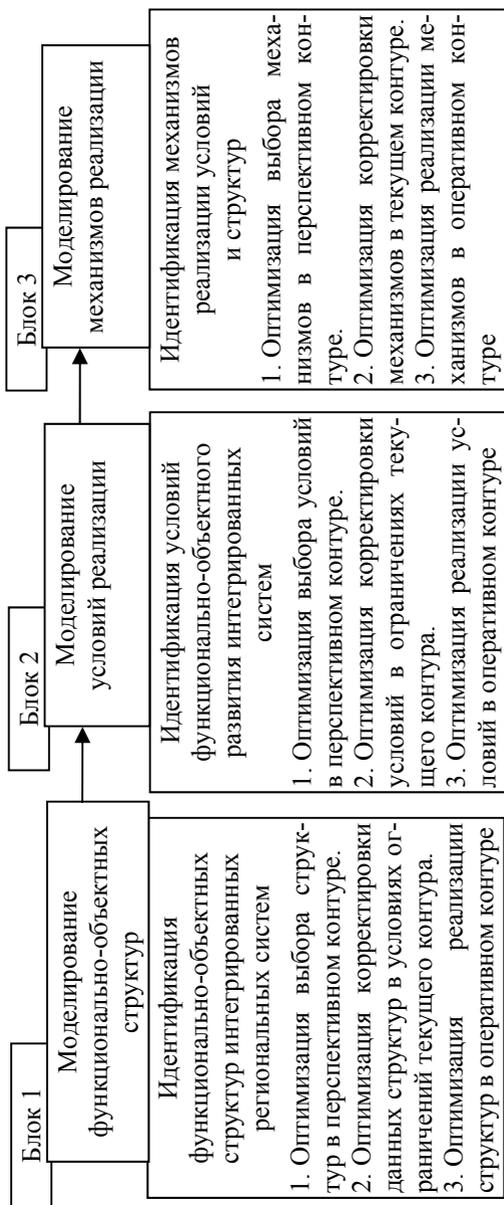

Рис. 2.3.1. Концепция функционально-объектного подхода к обоснованию стратегических направлений развития

В целях обеспечения указанного процесса принятия решений нами предлагается применение математической модели, составленной в виде задачи целочисленного линейного программирования. В общем случае применение этого метода позволяет обеспечить оптимизацию выбора системных элементов в ориентире на установленные целевые параметры в заданной системе ограничений.

Учитывая специфику интегрированных связей и их значение для формирования и реализации функций региональной специализации, определяющих развитие территориальной экономической системы в целом, в качестве целевой установки целесообразно использовать показатель суммарной эффективности интегрированных структур, включающий соответствующие параметры оценки специализации региона. Выбор данного функционала соответствует основному закону системного развития, который заключается в обеспечении эффекта синергии. То есть создание интегрированных структур, а также формирование соответствующих благоприятных условий и механизмов их реализации имеет смысл в том случае, если интегрированное взаимодействие при реализации функций региональной специализации оказывается эффективнее, чем разрозненное функционирование отдельных объектов экономики. При этом целесообразно сформировать выбор наиболее эффективных структурных взаимодействий.

Что касается системы ограничений, то здесь необходимо, во-первых, выделить факторы, определяющие область пересечения интересов и, соответственно, формирования интегрированных структур реализации функций специализации региональной системы, во-вторых, определить влияние внутренних и внешних условий и, наконец, в-третьих, сформулировать воздействие механизмов.

Следует обозначить и параметры интересов, ограничивающие возможный набор интегрированных структур теми связями, которые удовлетворяют требованиям заинтересованности различных уровней и ориентируют на принятие решения в

области пересечения указанных интересов. Это позволит сформировать единую и устойчивую мотивационную основу для принятия согласованных решений в отношении как структурного взаимодействия и его пропорций, так и условий и механизмов их реализации. Одновременно данные ограничения обеспечивают снижение рисков принятия несогласованных решений и, следовательно, формируют системную определенность, что создает предпосылки повышения уровня управляемости и возможности воздействия на систему и среду ее функционирования и развития.

После этого необходимо оценить внутренние факторы, обеспечивающие непосредственное формирование интегрированных систем. К ним относятся возможности внутреннего ресурсного обеспечения, в том числе финансовые обязательства, пропорциональность взаимодействия и другие.

Внешние факторы включают ограничения по доступным объемам внешних ресурсов всех видов: природных, трудовых, финансовых, экономических; условия по уровню налогообложения, ведению внешнеэкономической деятельности, выполнению социальных, экологических и других законодательных и нормативных требований. Данные условия определяют функционирование интегрированных зависимостей и влияют на их формирование опосредованно.

И, наконец, в отношении механизмов реализации следует отметить, что здесь имеется в виду направленность влияния — как непосредственно на внутренние факторы со стороны самих интегрированных структур (механизмы саморегулирования), так и на внешние условия их реализации — со стороны органов государственного управления (механизмы регулирования). Включение указанных ограничений в модель позволит идентифицировать интегрированные структуры в комплексе с условиями и механизмами их реализации в области пересечения интересов при оптимизации принятия решений, направленных на обеспечение эффективности функций региональной специализации.

Необходимо подчеркнуть и то, что с учетом отмеченной ранее неустойчивости интегрированных связей в системе ограничений следует предусмотреть соответствующие требования по обеспечению системного «запаса прочности» и адаптации. В общем виде такие условия предполагают формирование запаса ресурсного обеспечения и оценку времени, необходимого для активизации данных ресурсов в целях поддержания системных параметров на уровне, необходимом для сохранения устойчивого системного состояния. Названные требования могут реализовываться путем включения в систему ограничений соответствующих условий неснижаемого запаса ресурсов и времени их активизации. Указанные ограничительные параметры позволят обеспечить оптимальное перераспределение таких ресурсов в условиях кризисного состояния системы с позиций приоритета тех стратегических направлений, которые способны поддержать эффект синергии и, соответственно, обеспечить системную устойчивость и развитие региона.

Предлагаемая оптимизационная модель принятия решений в соответствии с блоками представленных задач концепции функционально-объектного подхода может быть сформулирована следующим образом.

Целевая функция:

$$\sum_i \sum_j \sum_n G_i \times G_j \times G_n (X_{ijn} \times \mathcal{E}_{ijn}) \xrightarrow{\max} \mathcal{E},$$

где i — индекс интегрированной структуры;

j — индекс функции региональной специализации;

n — индекс уровня взаимодействия: корпоративный, региональный, межрегиональный, федеральный, межнациональный;

$\mathcal{E}_{ijn}$ — значение целевых показателей эффективности i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на n -м уровне взаимодействия;

G_i, G_j, G_n — показатели приоритетности выбора i -й интегрированной структуры, j -й функции и n -го уровня взаимодействия;

$X_{ijn} = 1$, если выбран i -й вариант интегрированной функционально-объектной структуры, реализующей j -ю функцию региональной специализации на η -м уровне взаимодействия;

$X_{ijn} = 0$ в противном случае.

1. Система ограничений задач первого блока (требования соответствия области пересечения интересов):

1.1. Соответствие коммерческим интересам интегрированных структур:

$$\sum_i \sum_j \sum_n X_{ijn} \times \text{ВНД}_{ijn} \leq Д/З.$$

1.2. Соответствие требованиям развития региона:

$$\sum_i \sum_j \sum_n X_{ijn} \times \text{Ви}_{ijn} \leq \text{Ти}_{ijn}.$$

1.3. Соответствие социальным требованиям (условиям трудового законодательства, темпам роста уровня жизни, экологическим и другим требованиям):

$$\sum_i \sum_j \sum_n X_{ijn} \times \text{Вс}_{ijn} \leq \text{Тс}_{ijn}.$$

Обозначения к системе ограничений задач первого блока:

$Д$ — суммарный доход интегрированного взаимодействия;

$З$ — суммарные затраты интегрированного взаимодействия;

ВНД_{ijn} — внутренняя норма доходности i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия;

Ви_{ijn} — нормативный уровень (возможность) удовлетворения региональных интересов i -й интегрированной структурой при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия;

Ти — суммарное требование к удовлетворению региональных интересов в рамках интегрированного взаимодействия;

V_{ijn} — нормативный уровень (возможность) удовлетворения социальных требований i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия;

T_c — суммарное требование к удовлетворению социальных интересов в рамках интегрированного взаимодействия.

Применение данной модели в представленной системе ограничений задач первого блока является структурным моделированием и позволяет определить интегрированные структуры, соответствующие области пересечения интересов различных уровней взаимодействия. При этом формируется приоритет выбора структур, способных наиболее эффективно обеспечить выполнение функций региональной специализации, с учетом весовых коэффициентов, определяющих значимость региональных, коммерческих и социальных интересов. Понятно, что внутренние структурные решения ориентируются прежде всего на корпоративные и личные интересы сотрудников. Что касается выбора структур регионального, межрегионального и межнационального взаимодействия, то здесь приоритеты должны сдвигаться в сторону региональных и социальных интересов. Поэтому комплексный учет интересов и их значимости позволяет ориентировать управленческие решения на выбор и реализацию структур, удовлетворяющих требованиям мотивации эффективного интегрированного взаимодействия на различных уровнях управления. И поскольку выбранные таким образом структуры определяют необходимость формирования соответствующих условий и механизмов, то стремление к реализации указанного набора структур становится единой мотивационной основой для принятия комплексных решений, определяющих взаимосвязь и преемственность стратегических направлений интеграционного взаимодействия.

2. Ограничения задач второго блока (требования к условиям):

2.1. Ограничения внутренней среды:

2.1.1. По обеспечению баланса внутренних ресурсов (материальных, финансовых, трудовых, информационных и других):

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_g X_{ijn} \times P_{вну_{ijng}} \leq V_{вну}.$$

2.1.2. По законодательной базе и нормативно установленным условиям ведения внутренней, по отношению к интегрированной структуре деятельности (по взаимным обязательствам и расчетам, в том числе штрафы и другие санкции, по стимулированию и оплате труда, мотивации сотрудников и т. п.):

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_k X_{ijn} \times Нвну_{ijnk} \times Бвну_{ijnk} \leq Рвну.$$

2.2. Ограничения внешней среды:

2.2.1. По обеспечению баланса внешних ресурсов (материальных, финансовых, трудовых, информационных и других):

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_g X_{ijn} \times Пвне_{ijnk} \leq Ввне.$$

2.2.2. По законодательной базе и нормативно установленным условиям ведения внешней по отношению к интегрированной структуре деятельности (пошлины, налоги, тарифные преференции и т. п.):

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_k X_{ijn} \times Нвне_{ijnk} \times Бвне_{ijnk} \leq Рвне.$$

Обозначения к системе ограничений задач второго блока:

g — индекс вида ресурса;

k — индекс вида платежа;

$Пвну_{ijnk}$, $Пвне_{ijnk}$ — потребность соответственно во внутренних и внешних ресурсах g -го вида i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия;

$Ввну$, $Ввне$ — суммарный годовой объем возможного привлечения необходимых внутренних и внешних ресурсов соответственно;

$Нвну_{ijnk}$, $Нвне_{ijnk}$ — ставка установленных соответственно внутренних и внешних платежей k -го вида i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия;

$B_{вну_{ijnk}}$, $B_{вне_{ijnk}}$ — база расчета соответственно внутреннего и внешнего платежа k -го вида i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия;

$R_{вну}$, $R_{вне}$ — суммарный объем рассчитываемых соответственно внутренних и внешних поступлений необходимых платежей.

Решение модели в системе ограничений второго блока задач предполагает оценку влияния сформулированных условий на эффективность интеграционных зависимостей. При этом возможно принятие решений двух видов. Во-первых, по формированию необходимых условий для реализации структур как адаптации среды к системным требованиям; во-вторых, по корректировке структурных состояний интегрированных систем при заданных значениях ограничивающих параметров в целях адаптации структур к условиям среды. Для этого в первом случае в уравнениях второго блока выбранные структуры задаются как уже известные величины, и для них определяются значения правых частей системы ограничений, что позволяет оценить реальную потребность в привлечении ресурсов различных видов для обеспечения необходимых пропорций, а также определить условия формирования внешнего и внутреннего ресурсного баланса. Следует подчеркнуть, что решение таких задач имеет смысл в перспективном и текущем контурах управления, когда существует запас времени для создания указанных условий и соответствующей адаптации среды к требованиям структурного взаимодействия.

Во втором варианте расчетов по отношению к выбранным ранее структурам задаются ограничивающие параметры и определяется необходимость тех или иных структурных изменений в зависимости от складывающихся условий. Такой подход может быть оправдан в оперативном режиме, когда непредвиденные обстоятельства вынуждают адаптировать системную структуру под требования изменяющейся среды.

3. Ограничения задач третьего блока (требования к механизмам реализации):

3.1. Ограничения в рамках саморегулирования:

3.1.1. По обеспечению внутренними ресурсами:

3.1.1.1. В обычных условиях:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_g X_{ijn} \times \text{НЗвну}_{ijng} \leq \text{РЗвну}.$$

3.1.1.2. В условиях форс-мажора:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_g X_{ijn} \times \text{dНЗвну}_{ijng} \leq \text{dРЗвну}.$$

3.1.2. По времени активизации внутренних ресурсных запасов:

3.1.2.1. В обычных условиях:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_g X_{ijn} \times \text{тНЗвну}_{ijng} \leq \text{ТРЗвну}.$$

3.1.2.2. В условиях форс-мажора:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_g X_{ijn} \times \text{dtНЗвну}_{ijng} \leq \text{dТРЗвну}.$$

3.1.3. По корректировке законодательной базы и нормативно установленным условиям ведения внутренней хозяйственной деятельности.

3.1.3.1. В обычных условиях:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_k X_{ijn} \times \text{dНвну}_{ijnk} \times \text{Бвну}_{ijnk} \leq \text{dРЗвну}.$$

3.1.3.2. В условиях форс-мажора:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_k X_{ijn} \times \text{эдНвну}_{ijnk} \times \text{Бвну}_{ijnk} \leq \text{эдРЗвну}.$$

3.1.4. По времени ввода в действие законодательных и нормативных актов по условиям ведения внутренней хозяйственной деятельности:

3.1.4.1. В обычных условиях:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_k X_{ijn} \times tdHвну_{ijnk} \times Bвну_{ijnk} \leq TdPЗвну.$$

3.1.4.2. В условиях форс-мажора:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_k X_{ijn} \times tэдHвну_{ijnk} \times Bвну_{ijnk} \leq TэдPЗвну.$$

3.2. Требования к механизмам регулирования:

2.2.3. По обеспечению внешними ресурсами:

2.2.3.1. В обычных условиях:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_g X_{ijn} \times HЗвне_{ijng} \leq PЗвне.$$

3.2.1.2. В условиях форс-мажора:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_g X_{ijn} \times dHЗвне_{ijng} \leq dPЗвне.$$

2.2.4. По времени активизации внешних ресурсных запасов:

2.2.4.1. В обычных условиях:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_g X_{ijn} \times tHЗвне_{ijng} \leq TPЗвне.$$

2.2.4.2. В условиях форс-мажора:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_g X_{ijn} \times dtHЗвне_{ijng} \leq dTPЗвне.$$

2.2.5. По корректировке законодательной базы и нормативно установленным условиям ведения внешней хозяйственной деятельности.

3.2.3.1. В обычных условиях:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_k X_{ijn} \times dH_{внеijnk} \times B_{внеijnk} \leq dPЗ_{вне}.$$

3.2.3.2. В условиях форс-мажора:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_k X_{ijn} \times \varepsilon dH_{внеijnk} \times B_{внеijnk} \leq \varepsilon dPЗ_{вне}.$$

3.2.4. По времени ввода в действие законодательных и нормативных актов по условиям ведения внешней хозяйственной деятельности:

3.2.4.1. В обычных условиях:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_k X_{ijn} \times tdH_{внеijnk} \times B_{внеijnk} \leq TdPЗ_{вне}.$$

3.2.4.2. В условиях форс-мажора:

$$\sum_i \sum_j \sum_n \sum_k X_{ijn} \times t\varepsilon dH_{внеijnk} \times B_{внеijnk} \leq T\varepsilon dPЗ_{вне}.$$

Обозначения к системе ограничений задач третьего блока:

$HЗ_{внуijng}$, $HЗ_{внеijng}$ — норматив соответственно внутреннего и внешнего текущего запаса ресурсов g -го вида i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия;

$PЗ_{вну}$, $PЗ_{вне}$ — суммарный годовой объем возможного привлечения соответственно внутреннего и внешнего текущего запаса необходимых ресурсов;

$dHЗ_{внуijng}$, $dHЗ_{внеijng}$ — норматив дополнительного соответственно внутреннего и внешнего текущего запаса ресурсов g -го вида i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия на случай форс-мажорных обстоятельств;

$dPЗ_{вну}$, $dPЗ_{вне}$ — суммарный объем возможного привлечения дополнительного соответственно внутреннего и внешнего текущего запаса необходимых ресурсов при форс-мажоре;

$tНЗвну_{ijng}$, $tНЗвне_{ijng}$ — норматив времени для активизации соответственно внутреннего и внешнего текущего запаса ресурсов g -го вида i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия;

$ТРЗвну$, $ТРЗвне$ — суммарные возможные затраты времени активизации соответственно внутреннего и внешнего текущего запаса необходимого ресурсного обеспечения;

$dtНЗвну_{ijng}$, $dtНЗвне_{ijng}$ — норматив времени для активизации дополнительного соответственно внутреннего и внешнего текущего запаса ресурсов g -го вида i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия в условиях форс-мажора;

$dТРЗвну$, $dТРЗвне$ — суммарные возможные затраты времени активизации дополнительного объема соответственно внутреннего и внешнего текущего запаса необходимого ресурсного обеспечения при форс-мажорных обстоятельствах;

$dНвну_{ijnk}$, $dНвне_{ijnk}$ — планируемое изменение ставки установленных соответственно внутренних и внешних платежей k -го вида i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия;

$dРЗвну$, $dРЗвне$ — возможное изменение объема рассчитываемых соответственно внутренних и внешних финансовых поступлений;

$\varepsilon dНвну_{ijnk}$, $\varepsilon dНвне_{ijnk}$ — необходимое экстренное изменение ставки установленных соответственно внутренних и внешних платежей k -го вида i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия в случае форс-мажора;

$\varepsilon dРЗвну$, $\varepsilon dРЗвне$ — возможное экстренное изменение объема рассчитываемых соответственно внутренних и внешних финансовых поступлений в случае форс-мажора;

$tdНвну_{ijnk}$, $tdНвне_{ijnk}$ — норматив времени для ввода в действие документа по изменению ставки установленных соответственно внутренних и внешних платежей k -го вида i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия;

$TdPЗвну, TdPЗвне$ — суммарные возможные затраты времени для изменения уровней рассчитываемых соответственно внутренних и внешних финансовых поступлений и ввода в действие соответствующих документов;

$tэдНвну_{ijnk}, tэдНвне_{ijnk}$ — норматив времени для расчета экстренного изменения ставки установленных соответственно внутренних и внешних платежей k -го вида i -й интегрированной структуры при выполнении j -й функции на η -м уровне взаимодействия и ввода в действие соответствующих документов при форс-мажоре;

$TэдPЗвну, TэдPЗвне$ — суммарные возможные затраты времени для экстренного изменения уровня рассчитываемых соответственно внутренних и внешних финансовых поступлений и ввода в действие соответствующих документов в ситуации форс-мажорных обстоятельств.

Решение задач третьего блока направлено на определение требований к механизмам обеспечения в двух вариантах системных преобразований: плавного (в обычных условиях) процесса изменений и скачкообразного (форс-мажорного) наступления определенных событий, формирующих изменения интегрированного взаимодействия. С применением данных уравнений также возможны решения по структурным корректировкам и соответствующим изменениям условий среды и механизмов в целях взаимной системной адаптации. При этом для обычной ситуации в уравнениях третьего блока существующие структуры и условия задаются как известные величины и определяются правые части уравнений для оценки и обеспечения реальных пропорций и потребностей по формированию механизмов их реализации. Что касается форс-мажора, то здесь решения направлены на перераспределение системных возможностей и последовательное приспособление структур к складывающимся условиям.

В данной модели могут быть предусмотрены и любые другие ограничения, которые следует формировать по предло-

женным трем блокам задач в зависимости от конкретных ситуаций, влияющих на характер экономических связей-отношений (например, в ситуациях теневой экономики, коррупции) и прочих факторов.

Соответственно содержание процесса формирования модели зависит от происходящих изменений и направлено на обеспечение принятия взаимосвязанных и взаимодополняющих решений в отношении структурных зависимостей интегрированных региональных систем, а также необходимых условий и механизмов их реализации. В результате решения для различных уровней (стратов) региональной системы возможно идентифицировать функционально-объектные структуры, обеспечивающие достижение максимальных значений параметров эффективности функций региональной специализации при наибольшем соответствии указанных условий и механизмов этим параметрам.

Применение данного метода как взаимосвязанного закрепления названных элементов, с одной стороны, позволяет сохранять системную определенность, а с другой — обеспечивает возможность принятия гибких решений в отношении интегрированного регионального взаимодействия, характеризующегося неустойчивостью параметров своего проявления. При этом выбранным стратегическим направлениям будет соответствовать эскизное определение (модель) региональной системы (Мэт), сформированное на основе оптимизации перспективных оценок, текущему состоянию — уточненный текущий вариант данного определения, который выступает уже рабочим определением состояния региона (Мрт), и оперативному — фактическое системное определение (Мфт).

Процесс комплексной идентификации стратегических направлений деятельности становится сквозным в трех контурах управления, что позволяет гибко реагировать как на изменения самой региональной ситуации, так и среды, обеспечивая взаимную системную адаптацию путем проигрывания модели

в различных условиях и задаваемых параметрах. Это обеспечивает сохранение обоснованности и мотивации принятия согласованных управленческих решений в аспекте как долгосрочной перспективы, так и подходов к их текущей корректировке, а также реализации оперативной деятельности.

Соответственно представленная модель становится своего рода инструментом реализации функционально-объектного подхода в системе регионального управления, позволяющим последовательно, с преемственных позиций по отношению к объектам стратегического значения принимать оптимальные решения, направленные на формирование адаптационных качеств региона как интегрированного структурного образования, функционирование которого обеспечивается в адаптируемых условиях и механизмах.

== Глава 3 ==

ПРИМЕНЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ОБЪЕКТНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ПРИМОРСКИМ СТРАТЕГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

3.1. Основные проблемы формирования приморского регионального потенциала. Системные предпосылки пропорционального роста

Рассматривая вопросы формирования экономического потенциала приморских регионов в современных условиях интеграции, необходимо подчеркнуть обостренный характер проблематики экономического развития указанных территорий. В силу своего географического расположения и обладания значительными природными преимуществами данные регионы закономерно становятся центрами интеграции. Однако, аккумулируя интеграционные связи и присущие им зависимости, приморские территориальные системы одновременно фокусируют в себе как положительные, так и отрицательные моменты интеграционного взаимодействия с соответствующими резонансными явлениями. При этом, с одной стороны, направленность интегрированных зависимостей в контексте региональной специализации определяется закономерностями их формирования, связанными с высокой потенциальной эффективностью реализации приморского регионального сотрудничества, что обуславливает устойчивый характер стремления к указанным связям в явном или латентном виде. А с другой стороны, данные направления взаимодействия подвержены действию закона ресурсной поляризации и значительному влиянию внешних по отношению к каждому региону факторов, которые характеризуются нестабильностью и зачастую зависят от труднопредсказуемой экономической политики смежных региональных систем. В связи с этим территория, обеспечивающая реализацию указанных связей, испытывает

на себе одновременное воздействие противоречивых факторов, определяющих эффективность регионального сотрудничества и условий ведения деятельности, а также формирующих высокий уровень системной неопределенности и связанных с этим инвестиционных рисков. Однако реализация конкретных интеграционных зависимостей, как правило, сопровождается необходимостью создания достаточно масштабного и капиталоемкого инфраструктурного обеспечения, привлечения дополнительных инвестиций в целях модернизации и т. д. Поэтому следует признать, что мотивационная основа ведения деятельности в условиях интеграции тоже является неоднозначной, что при недостатке механизмов согласования и формирования соответствующей экономической политики приводит к структурным диспропорциям, определяющим комплекс проблем экономического и социального характера.

Для российских приморских регионов данный вопрос имеет свою ретроспективу. Реформирование экономической системы и распад СССР обусловили сложившиеся к настоящему времени определенные особенности указанных территорий, и связаны эти особенности как с количественными, так и с качественными изменениями факторов регионального развития. При этом количественные изменения стали следствием отделения от России ряда республик, в результате чего были потеряны значительные территориальные пространства приморского расположения с развитыми портовыми комплексами и транспортной инфраструктурой [100]. Что касается качественных изменений, то последние связаны с недостаточностью учета специфики развития приморских регионов в ходе проведения реформ, а также отмеченными ранее ошибками, допущенными в процессе приватизации; это обусловило потерю достаточно большой части основных производственных фондов и сформировало тем самым негативные структурные изменения. А сокращение активов морехозяйственного комплекса и его инфраструктурного обеспечения привело к существенному снижению экономического потенциала данных территорий.

В то же время направленность реформирования российской экономики, связанная с развитием рыночных отношений, закономерно обеспечила особое место и роль приморских регионов как центров интеграционного взаимодействия. Эти территории активно включились в развитие связей межрегионального и международного сотрудничества в обеспечении перевалки и транспортировки грузов, добычи и обработки морепродуктов, а также добычи полезных ископаемых на шельфе и в прибрежной зоне с последующим экспортом указанных ресурсов.

Следует отметить, что сегодня приморские регионы занимают около 50% территории российского государства и здесь проживает 17,3% населения страны. Удельный вес данных территориальных систем в формировании валового национального продукта составляет 16%, на долю размещаемых здесь основных фондов приходится 18,5%, численность занятого в экономической сфере населения — 16,6%. Участие приморских регионов в формировании доходной части бюджета за счет налоговых отчислений составляет 15,3% от общероссийского уровня [152].

Рассматривая представленные показатели, следует признать, что на фоне произошедших в начале перестроечного периода потерь, а также затянувшегося проведения российских реформ, к сожалению, до настоящего времени в системах приморского территориального расположения не произошло адекватного восстановления экономического потенциала, создающего предпосылки дальнейшего регионального роста.

Действие же закона поляризации и происходящее усиление приморского интегрированного взаимодействия обусловили формирование такой ситуации, когда в целом возможен определенный рост взаимодействующих сторон. Однако при наличии стартовой экономической дифференциации происходит перераспределений ресурсов в пользу более эффективных объектов, и уже сложившееся неравенство потенциала усугубляется дальнейшим увеличением разрыва между сотруднича-

ющими сторонами. Одновременно, как правило, наблюдается усиление системного стремления к внешней интеграции при относительном ослаблении ее внутреннего структурного обеспечения.

Поэтому, несмотря на определенную положительную динамику, в приморских регионах отмечается относительное отставание от смежных территорий, что закономерно обуславливает их уязвимость в процессе интеграции. В условиях же современного кризисного состояния мировой экономической системы и влияния факторов, определяющих усиление нестабильности, появилась устойчивая тенденция снижения удельных показателей участия приморских регионов в формировании общего объема производства по стране [152]. Это сопровождается заметным оттоком трудовых ресурсов и соответствующим падением рейтинговой оценки территорий [153; 154].

В качестве примера проявления указанных тенденций в региональных интегрированных системах приморского расположения можно отметить Особую экономическую зону (ОЭЗ) в Калининградской области, где реализация экономической политики дополнительного стимулирования интеграции на фоне действия факторов снижения экономического потенциала вызвала противоречивое формирование условий для территориального развития.

Следует подчеркнуть, что в рамках Калининградского региона предпосылки развития приморского сотрудничества, нашедшие свое выражение в реализации транспортной функции при экспорте российских ресурсов (в основном леса и металлов), а также добыче и экспорте нефти, янтаря и других видах деятельности, сочетались с введением здесь стимулирующих условий для развития интеграционного взаимодействия ОЭЗ. Это усилило территориальные функции интеграции при наличии большей, чем в других регионах, стартовой дифференциации, обусловленной как приморским расположением, так и сложившимися здесь особенностями формирования экономического потенциала.

В частности, рассматривая влияние перестроечных процессов на потенциал области, нужно отметить, что начало проведения в ней реформ отмечалось более резким, по сравнению с другими российскими регионами, снижением показателей эффективности производственной деятельности во всех отраслях хозяйственного комплекса, что было связано в первую очередь с тем, что в результате реформирования экономики и произошедших политических преобразований Калининградская область оказалась отделенной от остальной российской территории двумя иностранными государствами — Литвой и Беларусью, то есть сформировалось эксклавное территориальное расположение региона по отношению к национальной экономической системе. Кроме того, область стала приграничной по всему периметру своих границ. Такое геополитическое положение региона не только обусловило разрыв ранее установленных прямых хозяйственных связей, но также затрудняло налаживание дальнейшего сотрудничества с другими региональными системами.

С учетом сложившейся ситуации в основу экономической стратегии данной территории была положена идея создания Особой экономической зоны [22]. При этом логика формирования соответствующих документов основывалась на возможности привлечения как отечественных, так и иностранных инвестиций в целях активизации экономической деятельности за счет предоставления таможенных льгот на ввоз импортной продукции и комплектующих с возможностью их беспошлинного дальнейшего вывоза на остальную территорию России после соответствующей переработки.

Следует подчеркнуть, что введение таможенных льгот позволило более чем в 2,5 раза сократить темпы спада производства в области, а также сформировать предпосылки для развития новых видов отраслей на основе импортозамещения. В дальнейшем данная схема обусловила особую территориальную специализацию в общероссийском разделении труда. Одновременно произошли заметные структурные сдвиги: в составе пищевой промышленности сократилась доля рыбной

отрасли и возросла мясопереработка, преимущественно на основе импортного мяса. В добывающей отрасли увеличилась роль нефтедобычи. На фоне общего спада экономики выросла доля машиностроения, но при этом оно структурно трансформировалось. На простаивавших мощностях судостроительного завода «Янтарь», выпускавшего ранее продукцию военно-промышленного комплекса, была развернута «отверточная» сборка автомобилей; появились мебельное производство, сборка телевизоров и др. Это позволило области адаптироваться к рыночным условиям и даже выйти на лидирующие позиции по производству ряда товаров. Была достигнута существенная доля на рынке готовых изделий отечественного производства (более трети телевизоров, пылесосов, 18% мясных консервов, 13% рыбной продукции). Калининградская мебель, несмотря на наличие в практически каждом регионе собственных мебельных производств, составила примерно 6% российского рынка. В области также было налажено производство мехов, ковров, ковровых покрытий и ряда других видов потребительских товаров [107].

Кроме того, благодаря предоставленным таможенным льготам и близости к европейским рынкам произошла активизация внешнеэкономической деятельности. Доля области в российском импорте составила 4%. На фоне доминирующих центров — Москвы с Московской областью (44%) и Санкт-Петербурга (10%) — это, казалось бы, немного, однако в расчете на душу населения показатели импорта в Калининграде оказались самыми высокими по России. При этом темпы роста внешнеторгового оборота в целом по области в постперестроечный период также были выше темпов роста аналогичных средних показателей по Российской Федерации.

Можно отметить, что в условиях Особой экономической зоны наметилась общая положительная динамика объемных показателей. Но за кажущимся на первый взгляд благополучным положением и ростом соответствующих показателей были скрыты противоречивые региональные тенденции.

В этом отношении следует отметить, что внешнеторговый оборот области характеризовался устойчивым отрицательным сальдо, то есть превышением импорта над экспортом, что обусловило зависимость внутреннего рынка от импортных поставок продукции. Что же касается экспорта, то здесь наблюдалась преимущественно сырьевая направленность и, соответственно, недостаток специализации на международном рынке готовых товаров. Несмотря на устойчивый рост общего объема валового регионального продукта, значение этого показателя из расчета на душу населения отставало от среднероссийского уровня почти в 2 раза. Сложившиеся изменения в экономике определили и уровень социальной составляющей, формирующей качество жизни на данной территории. Среднедушевые реальные доходы в области оказались самыми низкими по Северо-Западному федеральному округу [107].

Создание такой ситуации можно объяснить тем обстоятельством, что на момент начала перестроечных процессов область, как и большинство приморских регионов, характеризовалась худшим положением и состоянием территориального потенциала, чем взаимодействующие с ней региональные системы. Кроме того, эксклаvnость территории обусловила дополнительное снижение экономических показателей.

Согласно закономерностям размещения производительных сил и закону поляризации более низкий экономический потенциал предприятий области определил и дальнейшее отставание ее от регионов-партнеров. При этом в соответствии с условиями ОЭЗ на территории Калининградской области преимущественно аккумулировалась только та часть воспроизводственных ресурсов, которая обеспечивала удовлетворение требований законодательства для получения предоставляемых здесь льгот, что формировало предпосылки усугубления по указанной ситуации в будущем.

Таким образом, развитие сотрудничества в рамках схемы импортозамещения, с одной стороны, сформировало Калининградскую область как активного партнера во внешнеэкономиче-

ческой и отечественной интеграции, а с другой — обусловило концентрацию здесь противоречивых факторов интеграционного взаимодействия.

Рассматривая специфику интеграционного сотрудничества региона как особой территориальной системы, следует подчеркнуть, что произошедшее в 2001—2004 гг. расширение Евросоюза в связи с вступлением в него стран — соседей Калининградской области повлекло возникновение изменений с соответствующим влиянием внешних правил ведения бизнеса на экономику данной территории. Кроме того, на нее одновременно влияло и предстоящее тогда вступление России во Всемирную торговую организацию, что предполагало изменение и внутренних экономических условий. Указанные обстоятельства создавали возможность повышения уровня системной неустойчивости в реализации межрегионального и международного территориального сотрудничества. А достаточно высокий удельный вес производимых в области товаров по схеме импортозамещения стал представлять собой угрозу для территориальной экономической безопасности. Это послужило основанием для внесения в 2006 г. в Закон об ОЭЗ изменений и дополнений, в рамках которых при сохранении таможенных льгот отменялись преференции для импортозамещающих товаров в случае их вывоза на остальную территорию России [22]. При этом вводился льготный порядок внутреннего налогообложения, направленный на стимулирование достаточно крупных инвестиций.

Следует отметить, что в целом это позволило активизировать инвестиционный процесс в области. Соответствующие темпы прироста капитальных вложений в течение первого полугодия с момента вступления в силу Закона об ОЭЗ 2006 г. были в диапазоне от 10 до 94,4% в зависимости от вида деятельности [106; 107]. Однако при наличии общего роста инвестиционной активности структурно поступающие инвестиции не обеспечивали пропорционального и сбалансированного развития. Наибольший интерес прослеживался к сделкам по взносам в уставной капитал, поступление которых в указанном периоде возросло более чем в 10 раз.

Введение в действие нового закона стимулировало экспортную направленность ОЭЗ за счет вывозных таможенных льгот. Это также предполагало активизацию внешнего интеграционного взаимодействия, только с выходом готового продукта не на отечественный, а на зарубежный рынок. Льготы на ввоз в область предоставили возможность использования импортных комплектующих, что, по сути, трансформировало прежнюю схему импортозамещения в реэкспорт, сформировав стремление к интеграционному взаимодействию в большей степени с зарубежными партнерами, чем с отечественными. В то же время при сложившейся динамике относительных показателей области, когда разрыв в уровне жизни ее населения и соседних государств значительно превышал отставание от других регионов РФ, следовало предположить возможность дальнейшего усиления системной дифференциации.

Игнорирование действия указанных закономерностей развития при создании в ОЭЗ особых стимулирующих условий для интеграционного сотрудничества без предварительного выравнивания экономического потенциала обусловило, усиление эффекта ресурсной поляризации и соответствующее снижение показателей относительно смежных территориальных систем.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что, учитывая действие закона поляризации, при развитии интеграционного сотрудничества таких региональных систем необходимо обеспечивать либо выравнивание стартовых условий, либо создание особых стимулирующих факторов для развития соответствующих направлений деятельности, которые базируются на природных или приобретенных преимуществах, способных сформировать опережающие темпы роста отстающих регионов и постепенное территориальное выравнивание.

В рассматриваемом примере как первая, так и вторая редакции Закона об ОЭЗ в Калининградской области не были направлены на активизацию конкретных видов производства, основанных на территориальных преимуществах. Вопрос

идентификации соответствующих направлений развития не рассматривался, а был сделан упор на создание общих стимулирующих условий для реализации инвестиционной составляющей.

Поэтому в структуре валового регионального продукта не произошло сдвигов в сторону повышения удельного веса реального сектора экономики и тех направлений, которые на основе особых конкурентных преимуществ могли бы создать условия, необходимые для территориального роста, и были бы способны выровнять ситуацию по формированию экономического потенциала.

В указанный период в Калининградской области в составе валового регионального продукта сложилось преобладание объемных показателей оптовой и розничной торговли (17,1%), некоторых видов обрабатывающих производств (17,3%), транспортных услуг и связи (11,6%), а также добычи полезных ископаемых (14,7%) [106; 107]. Рассматривая данные показатели, следует подчеркнуть, что в отношении обрабатывающих производств решающую роль сыграла схема импортозамещения с ее противоречивым влиянием на территориальную экономику. Кроме того, удельный вес транспортной составляющей также в значительной степени определялся обслуживанием соответствующей интеграционной схемы. Что касается использования природного приморского потенциала, то в структурной составляющей ВРП следует отметить прежде всего добычу и экспорт сырьевых ресурсов (в основном нефть и янтарь). Доля же рыболовства в валовом региональном продукте составила только 2,2% [106; 107].

Таким образом, даже заметное изменение региональной политики с переходом от одной интеграционной схемы к другой не создало предпосылок для появления переломных тенденций в формировании экономического потенциала Калининградской области.

Нужно подчеркнуть, что по внутренним различиям ее частей данная территория также оказалась подверженной значительному влиянию эффекта поляризации, и сегодня область

является ярко выраженным центро-периферийным регионом. Доля Калининграда в промышленном производстве области значительно превышает вклад других территориальных образований. Соответствующее удельное значение данного показателя возросло с 55% в 1991 г. до 80,3% в настоящее время [106; 107]. При этом следует отметить, что на усиление внутренней поляризации в Калининградской области повлияла и вышеуказанная схема импортозамещения, что было связано с размещением соответствующих производств и их транспортным обслуживанием. Будучи областным центром, Калининград находится на пересечении основных транспортных магистралей региона, поэтому логистика перемещения грузов предполагает оптимальное размещение производства в первую очередь в этом городе. Именно по такому пути пошли инвесторы, активно привлекая все имеющиеся ресурсы областного центра: земельные участки, недвижимость, энергетику, трудовой потенциал.

Однако соответствующая региональная роль Калининграда имеет противоречивый характер и включает скрытые и явные тенденции нарастания как внутренних, так и внешних диспропорций. В частности, при столь очевидном доминировании Калининграда в экономике региона доля его в численности населения области составляет менее половины (45%). О контрастах экономического потенциала города и области говорят многочисленные свидетельства существенных различий в уровне жизни населения центра и периферийных частей региона, что, безусловно, сокращает потребительские возможности внутреннего рынка, а также усиливает необходимость внешнего регионального взаимодействия в сбыте товаров. Поэтому сохранение такого рода территориальных диспропорций представляет собой угрозу развития как непосредственно для самого областного центра, так и региона в целом.

Рассматривая указанные тенденции, следует отметить, что размещение инфраструктурного обеспечения транспортной функции интеграционного сотрудничества оказывает одинаковое влияние на внутреннюю поляризацию практически всех

приморских региональных систем. Схожая концентрация наблюдается в Мурманской, Архангельской областях, Хабаровском крае и т.д. [152; 153; 154]. И здесь развитие транспортного интеграционного взаимодействия, наряду с приморским сотрудничеством, связанным с экспортом природных ресурсов, обуславливает усиление и без того гипертрофированного проявления закона поляризации, характерного для приморских региональных систем: в них формируется значительный уровень дифференциации как по отношению к смежным регионам, так и внутри данных территорий.

Говоря о потенциале приморских регионов, нужно упомянуть и об особых возможностях его развития. В частности, Калининградская область, будучи самым западным регионом России, обладает преимущественной территориальной близостью к деловым центрам Европы. Многолетний опыт развития в качестве одного из промышленных центров российского Северо-Западного региона обеспечивает материальную основу для перспективы превращения Калининградской области в форпост интеграции России в европейскую экономику. Сравнительно небольшое расстояние отделяет регион от европейских столиц и портов Западной Европы: до Вильнюса — 350 км, Варшавы — 400, Берлина — 600, Стокгольма — 650.

При этом область располагает значительными запасами природных ресурсов, связанных с приморским расположением: на ее территории находится крупнейшее в мире месторождение янтаря (около 90% мировых запасов); имеются высококлассная, с низким содержанием серы, нефть, запасы каменной соли класса «экстра». Есть также широкие возможности для развития курортно-рекреационного и туристического комплекса, который может занять одно из ведущих мест в системе регионального хозяйства, приобрести общенациональное и международное значение. Мягкий климат, морское побережье с обширными песчаными пляжами и такими уникальными природными объектами, как Куршская и Вислинская косы, — немаловажные для этого факторы.

В регионе располагается единственный в Российской Федерации незамерзающий портовый комплекс на Балтийском море. Проходящие по территории области транспортные коммуникации связывают Россию и страны Западной Европы самым кратчайшим путем. Такое геополитическое положение создает предпосылки для развития региона в качестве крупного международного транспортного узла и торгово-складского центра.

Таким образом, можно констатировать наличие существенных природных преимуществ области, которые, в первую очередь, связаны с ее приморским расположением.

В то же время представленные тенденции основных показателей даже при наличии общей положительной динамики позволяют выявить отставание области в экономическом развитии при недостаточном использовании указанных территориальных преимуществ. Отсутствие стимулирования использования природного регионального потенциала и развития соответствующих видов деятельности не позволило преодолеть сложившиеся проблемы. Закономерное формирование диспропорций в условиях ресурсной поляризации обусловило замедление темпов роста и относительное территориальное отставание.

Анализируя названные проблемы, следует отметить, что сложившееся противоречие между достаточно высоким ресурсным потенциалом, с одной стороны, и тенденциями относительного снижения его использования — с другой, характерны в целом для современного взаимодействия региональных систем приморского расположения. Отличие примера Калининградской области — только в том, что здесь наблюдается наиболее выраженная, чем на других подобных территориях, региональная дифференциация, и это связано с большим относительным отставанием этого региона на период перестроенных процессов при одновременном усилении стремления к реализации интеграционного взаимодействия в условиях ОЭЗ. Указанное обстоятельство определило усиление влияния на экономику региона закона поляризации с его негативными

последствиями относительных диспропорций. К тому же не произошло достаточного развития тех видов деятельности, в отношении которых область располагает естественными преимуществами, способными обеспечить опережающие темпы экономического роста.

Подчеркивая общий для систем приморского расположения характер представленной проблематики, необходимо также отметить наличие территориальной специфики ее проявления. Например, для ряда приморских территорий, которые формируют свой экономический потенциал преимущественно за счет экспорта топливно-энергетических ресурсов, указанные отрицательные явления оказались несколько сглаженными. Это такие регионы, как Тюменская область, Краснодарский край и Республика Саха. При этом следует понимать, что показатели развития данных территориальных систем создают условно завышенное представление о состоянии экономики приморских регионов в целом, в то время как оценка результатов их деятельности не имеет прямой связи с реализацией основных функций специализации морехозяйственного комплекса и использованием природных преимуществ, и в реальности происходит снижение влияния мотивационных факторов развития объектов приморского расположения.

При этом объективной основой проблематики приморских региональных систем, концентрирующих функции интеграционного взаимодействия, становится действие закона поляризации, обуславливающего относительное отставание темпов роста данных регионов и территориальные их диспропорции. И при сохранении рассмотренных тенденций для региональных систем приморского расположения, являющихся центрами межрегионального сотрудничества, следует прогнозировать повышение территориальной уязвимости и подверженности влиянию отрицательных факторов, связанных с ресурсной поляризацией. Рост масштабов интеграции, а также кризисное состояние мировой экономической системы вызывают необходимость преодоления процессов формирования диспропорций в целях обеспечения адаптации и территориальной устой-

чивости. Решение указанной задачи выдвигает особые требования к созданию соответствующих условий для регионального развития за счет использования природного потенциала приморских систем интегрированного взаимодействия, позволяющих обеспечить на этой основе формирование опережающих темпов территориального роста.

3.2. Особенности реализации функционально-объектной модели развития приморских регионов в системе стратегического управления

Отмечая закономерную основу формирования особенностей экономического потенциала и сложившиеся структурные сдвиги регионального взаимодействия, следует подчеркнуть наличие достаточно высокого уровня системных рисков, сопутствующих территориальной функциональности в условиях экономической интеграции. Так, значительно возрастает роль регионов, реализующих функции территориальной специализации в процессе обслуживания внешних и внутренних коммуникационных связей, к которым в первую очередь относятся приморские территориальные системы, располагающие как природными, так и приобретенными преимуществами. Однако реализация данных функций сопряжена с необходимостью создания достаточно сложной системы структурного и инфраструктурного обеспечения. Сопутствующей особенностью таких систем становится капиталоемкий и длительный период формирования экономического потенциала. В рыночных условиях развития данное обстоятельство определяет необходимость взвешенного принятия соответствующих управленческих решений, формируемых на длительную перспективу. В стратегическом региональном управлении объективно складывается приоритет функционального видения «снизу», то есть решений, принимаемых инвесторами в условиях повышенного риска и неопределенности. Обеспечение принятия таких решений, как правило, требует дополнительной мотивации и определенных гарантий.

Применение предлагаемой нами (в 2.3) модели регионального развития позволяет обеспечить адекватное с позиций учета действия закономерностей моделирование функционального развития региона с выделением основных стратегических объектов взаимодействия, а также определением мотивационных условий и механизмов, обеспечивающих движение к оптимальным параметрам территориального развития. При этом ключевую роль в развитии регионов берут на себя соответствующие стратегические объекты, способные обеспечить наиболее эффективное функционирование в рамках территориальной специализации в условиях длительной мотивации.

Следовательно, при реализации указанных направлений деятельности существенно возрастает практическая значимость управленческих решений, принимаемых на перспективу, и, соответственно, стратегического регионального управления как системы формирования и реализации таких решений.

Отметим, что в Морской доктрине Российской Федерации на период до 2020 г. и Концепции развития морской деятельности сбалансированный рост приморских территорий рассматривается в качестве важнейшего приоритетного направления. Нужно также сказать, что приморские регионы достаточно активно включены в процессы разработки стратегических документов территориального роста, и здесь можно отметить Санкт-Петербург, Мурманскую и Калининградскую области, ряд других регионов.

В частности, в Калининградской области стратегическим разработкам уделяется достаточно большое внимание. С начала перестроечных процессов для данной территории был разработан ряд стратегий и программ регионального развития. Это Федеральная целевая программа развития Особой экономической зоны в Калининградской области на 1998—2005 гг., Федеральная целевая программа развития Калининградской области на период до 2010 г., Федеральная целевая программа развития Калининградской области на период до 2015 г., Стратегия социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 г.,

Программа социально-экономического развития Калининградской области на 2007—2016 гг., Стратегия развития Калининградской области до 2031 г., а также ряд других стратегических документов.

Но необходимо признать, что из-за отсутствия функционального подхода к процессу определения стратегических направлений и объектов деятельности в вышеуказанных документах не было сформировано видение приоритетов развития морехозяйственного комплекса Калининградской области как приморской территории. Не учитывались и особенности ее приграничного расположения и влияние на региональную систему сопутствующих факторов (таких, например, как «челночный» бизнес и поляризация ресурсов), а также другие особенности, определяющие закономерную специфику регионального развития.

В данном контексте следует рассмотреть смысл функционально-объектного подхода с точки зрения формирования региональной специализации в качестве ключевой функции территории в системе рыночных отношений. Эта специализация определяет выбор приоритетных направлений и обоснование так называемых точек роста в системе регионального развития. В общем случае такими точками роста могут быть отрасли, предприятие или проект, позволяющие удовлетворить растущую потребность и способные инициировать долгосрочное развитие инфраструктуры, смежных отраслей и малого предпринимательства, принести дополнительные доходы в бюджет, создать новые рабочие места. Для приморских регионов (в силу их природных условий) ключевой точкой роста логично становится морехозяйственный комплекс, который и должен быть одной из центральных тем стратегии развития данной системы, определяя сценарии ее развития. В общем случае возможны сценарии следующих трех типов.

1. *Сценарии развития внешних неконтролируемых условий.* Строятся на основе гипотез о полярном развитии ряда внешних факторов, находящихся вне контроля конкретного региона. Такие сценарии позволяют: более результативно формировать представление о поле возможностей и угроз для развития;

проверять выдвигаемые в дальнейшем проекты и приоритеты на устойчивость и рискованность при различных вариантах развития внешних условий.

2. *Сценарии развития внешних контролируемых условий.* Строятся на основе гипотез о развитии экономической политики, направленной на формирование среды, создающей благоприятные условия для внедрения проектов и развития отраслей специализации.

3. *Сценарии развития при преобладании той либо иной функции или отрасли.* Такие сценарии позволяют определить социально-экономические последствия реализации проектов, нацеленных на развитие определенных видов деятельности.

Реализация предложенного функционально-объектного подхода предполагает комплексное применение сценариев второго и третьего типов, а также использование результатов сценариев первого типа путем формирования условий внешней среды через механизмы мотивации с учетом интересов различных уровней. При этом очевидна доминирующая роль сценария третьего типа. Однако специфика его применения для приморских регионов заключается в том, что вначале на основе функциональных отношений создается модель регионального развития, которая становится основой для дальнейшего формирования приоритетов и возможных сценариев развития с учетом сформированного перечня совместных проектов и программ и их технико-экономического обоснования. Предложения по указанным программам могут определять направленность выбора приоритетов в концепции регионального развития. Рассматривая применение сценарного подхода для интегрированных региональных систем приморского расположения, необходимо подчеркнуть относительное и вспомогательное значение получаемых рекомендаций. Это связано с неустойчивостью данных систем и нестабильностью среды их функционирования. Поэтому разработанные и выбранные в рамках концепции сценарии корректируются при формировании стратегии и программ, определяющих общие региональные цели и стратегические направления.

Рассматривая особенности определения целей и направлений развития региона, необходимо подчеркнуть, что обычно формулировки и параметры данных категорий выбираются с учетом принятой иерархии элементов стратегии, представленной на рисунке 3.2.1.

Рис. 3.2.1. Иерархия элементов стратегии

Поскольку на первом шаге важно сформулировать *миссию* региона, которая дает основу для определения целей и направлений, то необходимо понять специфику проявления данной категории для приморских регионов. Следует подчеркнуть, что миссия — это краткая формулировка уникальной роли региона во внешней среде, ориентированная на перспективу и опирающаяся на реальные предпосылки. В миссии раскрываются смысл и предназначение существования региона. При этом миссия приморского региона определяется природными условиями и заключается в выполнении интегрирующей

функции для отечественной экономики путем реализации транспортного обслуживания внешнеэкономических отношений (внешняя интеграция) и обеспечения рынка продуктами морского промысла (внутренняя интеграция). Именно поэтому при разработке концепции и стратегии приморских регионов и определении их региональной миссии нужно опираться на уже имеющийся опыт создания перечня стратегических программ, направленных на формирование функциональной роли региона, и в первую очередь на развитие морехозяйственного комплекса.

На втором уровне иерархии определяются цели двух подуровней: *генеральные* и *базовые*.

Генеральные цели — это заявления о намерениях, они интерпретируют формулировку миссии и служат важным мостом между миссией и задачами. Обычно региональная система имеет ограниченное число целей, которые сформулированы, как правило, в качественных терминах. Нужно иметь в виду, что существует набор целей, практически инвариантный для любого территориального объекта и отражающий преобладание в современном мировоззрении установки на общечеловеческие ценности. Поэтому в целях верхнего уровня обычно не бывает больших различий.

Различия в целях и детализация количественных параметров появляются только тогда, когда речь идет о конкретных задачах более низкого уровня дерева целей. Назовем их целями второго порядка, или *базовыми целями* задач инфраструктурного и ресурсного обеспечения стратегического развития (это задачи формирования инфраструктуры и энергообеспечения, водо- и газоснабжения, оптимального использования земельных и финансовых ресурсов и др.). Приоритетность и значимость вышеуказанных целей могут различаться для разных территорий.

Однако следует отметить, что отсутствие внимания к региональной специализации как миссии приморских регионов, определяющей генеральную цель развития, лишает генераль-

ные цели и другие целевые установки необходимого функционального содержания. По сути, генеральные цели должны включать в себе количественные параметры региональной специализации. При этом качественные и количественные показатели уровня жизни являются производными от достижения того или иного уровня эффективности специализации региона. Кроме того, для каждого региона должны быть сформулированы специфичные цели, отражающие его особенности. Возможность формулировки таких целей для приморских регионов в рамках функционально-объектного подхода базируется на моделировании системы исходя из связей-функций и формирует приоритеты обеспечения развития морехозяйственного комплекса. Соответственно учет результатов разработки стратегических программ, позволяющих оценить возможности комплексного развития функции специализации, которая обеспечивается деятельностью морехозяйственного комплекса и смежных отраслей, позволяет обоснованно разработать структуру и уровень целевых установок развития приморского региона.

Выбор же миссии и генеральных целей фактически означает выбор основных стратегических направлений регионального развития, которые обеспечиваются разработкой и реализацией стратегических программ. И поскольку для приморских регионов функциональные связи выступают ключевыми в формировании и внедрении процессов регионального роста, то данное обстоятельство определяет доминирующее значение стратегических программ с позиций учета соответствующих целей при определении миссии, основных целевых установок и соответствующего регионального развития.

На третьем уровне иерархии расположены *задачи*. При этом вполне оправданным можно назвать совпадение стратегических направлений жизнеобеспечения с выработанными практикой видами работы подразделений администраций. Такое совпадение объективно обусловлено тем, что цели второго порядка стратегии должны быть направлены на устранение

проблем, препятствующих развитию, а также решение вопросов жизнеобеспечения, что находится в плоскости решения задач, соответствующих структурных подразделений региональных администраций. Для реализации каждой цели в рамках стратегии обычно разрабатывается несколько задач, которые, как правило, имеют количественную и временную определенность, рассчитаны на реализацию в течение одного года или двух лет и отражаются в планах действий региональной администрации.

В то же время необходимо подчеркнуть, что в рамках применения функционально-объектного подхода к моделированию региональной системы предлагаемая направленность генеральных целей связана с устранением противоречий между закономерностями регионального развития и проводимой на рассматриваемой территории экономической политикой. Соответственно взаимосвязь разрабатываемых целей всех уровней и задач стратегии обеспечивает наполнение и целей второго порядка не только содержанием проблем жизнеобеспечения, как это происходит при стандартном подходе, но и целями, направленными на развитие путем разрешения указанных противоречий.

Одновременно следует отметить, что формирование целей в рамках разработки стратегических программ, построенных на функциональном моделировании, включает в себя анализ поля проблем и непосредственных факторов, определяющих функционирование региональной системы. Наряду с оценкой результативности стратегических программ, созданных на условиях мотивации, показатели, полученные в результате этого анализа, становятся основой, формирующей объективную практическую информацию для предложений по совершенствованию региональной экономической политики, включающих формирование стимулов, направленных на повышение функциональности региона, то есть эффективности выполнения его функциональной роли (региональной специализации), а также развитие обеспечивающих региональных функций.

Такой подход позволяет обеспечить применение функционально-объектной модели в качестве действенного механизма реализации стратегических решений в контексте особенностей развития интегрированных регионов и присущего им доминирующего значения функциональных связей. При этом в системе стратегического управления нужно выделить основную роль стратегических проектов и программ, поскольку именно на данном уровне разработки перспектив регионального развития формируется набор связей-отношений, определяющих функции приоритетных направлений в модели развития региона. То есть для интегрированных территорий именно стратегические программы становятся способом формирования долгосрочных целей на основе функционального моделирования развития региона и одновременно средством их достижения за счет мотивации практической реализации указанных программ, что позволяет сочетать механизмы регулирования и саморегулирования.

Ключевым моментом реализации данного подхода в системе стратегического регионального управления становится достижение согласованности стратегических программ на основе мотивации и общих интересов. И мотивация, ориентированная на достижение общих целей, должна сохраняться на весь период реализации указанных программ — до тех пор, пока цели не будут достигнуты. В то же время практика реализации программ характеризуется тем, что в результате воздействия факторов среды возникает необходимость в корректировке этих программ, а значит, и в их дальнейшем согласовании. Необходимость внесения таких изменений в отдельные программные документы требует комплексной корректировки всех взаимозависимых программ, имеющих функциональные отраслевые и межотраслевые связи. Поэтому для интегрированных территорий, в условиях тесного переплетения функциональных зависимостей, возникает необходимость в формировании специальных координирующих программ территори-

ального развития, основной задачей которых является анализ функциональных изменений и согласование связанного с этим процесса распределения ресурсов, особенно если для соответствующих программ предусмотрены региональные, федеральные или международные источники финансирования. К таким могут относиться программы отраслевого и межотраслевого взаимодействия на региональном, межрегиональном и международном уровнях, а также федеральные целевые программы и программы по проектам международного сотрудничества. Следует подчеркнуть, что мотивационной основой разработки и реализации данных программ также выступает поиск совместных интересов в рамках достижения целей рассматриваемых интегрированных систем. Однако только условий экономической политики регионального уровня для этого недостаточно. Необходимы также формирование позиции федерального Центра по отношению к конкретным регионам для создания условий государственной поддержки программ межрегионального значения и межправительственные соглашения в целях стимулирования развития определенных направлений международного сотрудничества.

Таким образом, представляется необходимым согласование решений различных уровней управления. А соответствующим механизмом обеспечения этого требования может стать программно-координирующий блок стратегического регионального управления, формирующий согласованное экономическое поведение хозяйствующих субъектов при достижении региональных целевых установок, определяющих устойчивый и сбалансированный рост.

Нужно отметить, что основной формой существующей сегодня координации взаимодействия в процессе разработки и реализации стратегии в целом и стратегических программ по отдельным направлениям является система партнерского участия, предполагающая привлечение представителей бизнеса и общественности к процессам управления региональным ростом [169]. Как правило, данная форма реализуется в рамках

деятельности координационного совета и рабочих групп, выполняющих разработку и внедрение стратегии и отдельных стратегических программ. При этом в качестве инструмента реализации стратегии предусматривается организация работы по ресурсному и бюджетному обеспечению созданных программ, а также корректировке и актуализации стратегии при изменении условий и факторов среды.

Предлагаемый нами подход к формированию системы стратегического управления на основе функционального моделирования и мотивации не требует изменения современных организационных форм разработки стратегических программ в системе партнерского участия. Однако формируемое стремление к достижению совместных интересов обуславливает определенную организационную трансформацию партнерского взаимодействия. В данной связи следует подчеркнуть, что в существующих формах взаимодействия системы партнерского участия практически отсутствует согласованность с позиций мотивации и учета общих интересов. Разработчики стремятся привлечь максимально возможный объем бюджетных средств для реализации отдельных программ. В то же время недостаточно активное стремление к совместным целям и отсутствие соответствующих скоординированных решений не позволяют эффективно использовать указанные средства.

Реализация описанного выше взаимодействия на базе объектно-функционального подхода и мотивации формирует систему партнерского участия как систему партнерского соглашения, которая на основе достижения совместных целей и интересов становится организационной формой и предпосылкой для осознания и формирования эффективной совместной деятельности в целях регионального развития. Процесс управления таким взаимодействием на региональном уровне может быть представлен в виде схемы матричного управления разработкой и внедрением стратегических программ развития интегрированных регионов (рис. 3.2.2).

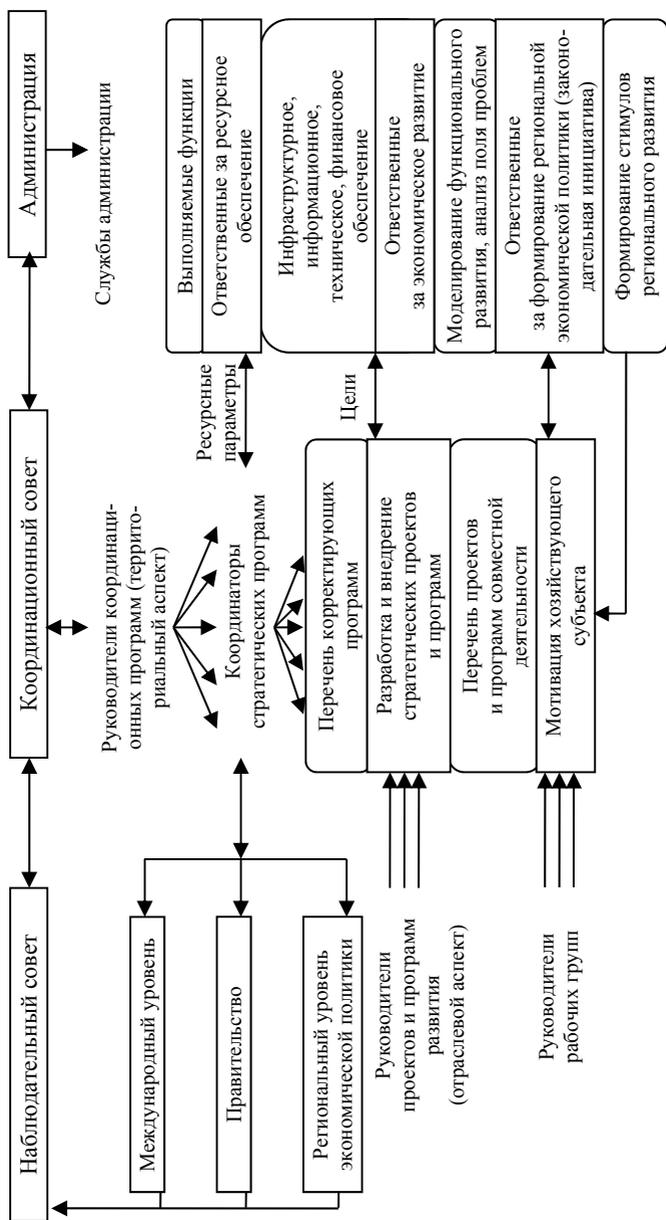

Рис. 3.2.2. Схема матричного управления разработкой и внедрением стратегических проектов и программ интегрированного взаимодействия

При этом реализуется необходимость учета отмеченных ранее функциональных особенностей интегрированных регионов, обуславливающих принятие соответствующих административных мер, особенно на уровне координации ресурсного обеспечения стратегических программ. Так, в представленной схеме (рис. 3.2.2) предусмотрено взаимодействие на уровне координационного совета представителей подразделений администрации, отвечающих за развитие региона и его ресурсное обеспечение. Кроме того, предполагается обязательное участие в данном процессе координаторов стратегических программ, наделенных соответствующим статусом и полномочиями для решения вопросов, связанных с привлечением государственных и международных финансовых средств.

Таким образом, в рамках существующих организационных форм стратегического регионального управления может быть реализован подход, основанный на учете функционально-объектных связей и мотивации в целях достижения партнерского согласия в процессе формирования скоординированных действий и принятия решений, определяющих региональную экономическую политику, направленную на устойчивое развитие.

Следует отметить, что в условиях развития рыночных отношений и глобализации, вызывающей рост нестабильности, возникает необходимость в создании достаточно гибкой системы координации действий и согласования принимаемых решений в процессе разработки и внедрения перспективных программ развития.

Представленная организация разработки стратегических программ интегрированного регионального взаимодействия обеспечивает возможность формирования такой системы с применением функционально-объектного подхода, позволяющего учитывать закономерности и факторы пропорционального регионального роста, в процессе реализации этих программ на основе мотивации совместной деятельности хозяйствующих субъектов. И здесь очевидны преимущества приморских региональных систем в связи с возможностями использования природного потенциала, а также сопутствующих приобретен-

ных функций. Однако сложившиеся диспропорции и связанные с этим проблемы развития обуславливают повышение уровня уязвимости данных территорий и сдерживают возможности регионального роста. В то же время указанные тенденции имеют закономерную основу своего формирования и проявляются — с той или иной степенью влияния факторов территориальной специфики — практически во всех региональных системах приморского интегрированного взаимодействия. Поэтому основной задачей управления развитием таких регионов становится преодоление негативных сторон, связанных с современным состоянием экономической системы, и создание необходимых условий для развития региональных функций, способных обеспечить опережающие темпы роста на основе использования закономерностей, формирующих выравнивание пропорций и положительную территориальную динамику.

3.3. Обеспечение пропорционального развития стратегических направлений приморской специализации. Рекомендации к внедрению

Как известно, формирование региональной специализации должно основываться на тех возможностях, которыми обладает сам регион. При решении этого вопроса значительная роль отводится определению места, которое регион занимает в системе государственного и международного разделения труда. И здесь учитываются прежде всего преимущественные условия, определяющие территориальную специализацию и направления экономического развития. При этом история развития любой территориальной системы подтверждает функционирование объективных закономерностей размещения производительных сил независимо от воли и сознания политиков. В то же время формирование экономической политики, совпадающее с требованиями указанных закономерностей, дает наибольший результат в плане эффективности, привлечения инвестиций и системного развития. Соответственно выработка

принципов управления с учетом объективных факторов регионального роста позволяет формировать адекватные подходы, направленные на использование условий обоснованно выбранной территориальной специализации.

Для приморских регионов естественным видом специализированной деятельности становится работа морехозяйственного комплекса. Кроме того, на основе специфики проявления закономерностей размещения производительных сил возможно развитие и других видов специализации. Следует подчеркнуть, что в сложившейся ситуации снижения объемов производства, а также значительного старения основных фондов развитие морехозяйственного комплекса оказалось подверженным влиянию диспропорциональности, а также общих структурных сдвигов в территориальной экономической системе. Поэтому при рассмотрении вопросов специализации приморских территорий и формирования условий функционального развития необходимы прежде всего проработка взаимосвязанных направлений деятельности морехозяйственной системы и учет возможностей для развития других стратегических направлений.

Реализация функционально-объектного подхода к моделированию регионального развития позволяет в контексте доминирующего значения связей интеграционного взаимодействия, испытывающих непосредственное влияние закономерностей размещения производительных сил, формировать системную идентификацию приоритетных структур экономического развития, а также необходимых условий и механизмов их внедрения в целях обеспечения развития наиболее эффективных региональных функций. Формулировка же критериев модели развития и параметров системы ограничений предполагает возможность учета как общих требований в отношении региональной эффективности, так и специфических факторов конкретных территориальных систем.

В частности, для регионов, имеющих динамику относительного отставания и диспропорций, связанных с недоста-

точной эффективностью размещения и соответствующей ресурсной поляризацией, следует включать в состав целевых показателей функционально-объектной модели требование по уровню необходимых темпов роста валового регионального продукта и одновременно предусматривать изменение пропорций внешнего и внутреннего регионального взаимодействия. Данные критерии повлияют на выбор структурных связей и объектов их реализации с позиций эффективности и пропорционального развития, что позволит обеспечить выбор стратегических направлений деятельности, определяющих территориальное выравнивание и повышение общего уровня синергии. Указанные направления специализации будут идентифицированы как стратегические в том случае, если они не противоречат требованиям сформулированной системы ограничений в отношении параметров области пересечения коммерческих, региональных и общественных интересов. И поскольку в привязке к данной области будут определяться также необходимые условия и механизмы, то это станет тем моментом, который формирует единую мотивационную основу для принятия управленческих решений и, соответственно, позволит изменять функционально-объектную направленность регионального развития в рамках действия закона поляризации. Ресурсы будут направляться не только в те сферы, которые сами по себе прибыльны (а в условиях российских приморских регионов это преимущественно добыча и экспорт природных ресурсов), но и в те, для которых предусмотрены наиболее привлекательные условия и реальные механизмы. Такой феномен поляризации объясняется закономерным влиянием синергетического эффекта, включающего суммарное действие всех пересекающихся факторов эффективности как в существующих условиях деятельности, так и с учетом их возможного изменения в будущем.

Однако, отмечая особенности практической реализации интегрированного приморского взаимодействия и достаточно высокий уровень факторной неопределенности, относящейся к

условиям внешней и внутренней среды, необходимо учитывать вероятностный характер возможных параметрических отклонений и соответствующую процессную непредсказуемость. В случае же отсутствия своевременных корректирующих действий возможно накопление «критической массы» происходящих изменений, что может сформировать в будущем противоположное влияние на интересы различных уровней, обусловливающих синергетический эффект, и, соответственно, определить другую направленность поляризации ресурсов с разрушением уже начавших складываться пропорций. Поэтому в ходе практической реализации выбранных стратегических направлений деятельности следует обеспечить актуальность системной информации и своевременность принятия и реализации решений, определяющих упреждающую управленческую реакцию на происходящие изменения. Для этого требуется проведение мониторинга, направленного на отслеживание определенных параметров, позволяющих исследовать влияние факторов синергии как явного, так и скрытого (латентного) характера.

В данной связи следует подчеркнуть, что возможность таких исследований определена самой логикой функционально-объектной модели как формой реализации тезаурусного подхода от структуры к целям.

И поскольку в рамках функционально-объектной модели целевая функция формулируется как интегральный показатель синергетического эффекта для идентификации оптимального структурного состояния в условиях влияющих ограничений, то накопление соответствующей информации позволит на основе сопоставления значений целевого функционала при определенных параметрических изменениях исследовать влияние ограничивающих факторов.

Модель соотношения факторного влияния на синергетический эффект может быть представлена в матричном варианте формирования системы сбалансированных показателей (ССП), представленной в таблице 3.3.1.

Таблица 3.3.1

Матричная модель формирования системы сбалансированных показателей функционально-объектного развития региональной специализации (ССП)

	Целевые критерии				
	Максимальное повышение эффективности внешних связей региональной специализации	Максимальное повышение эффективности внутренних связей специализации	Максимальное повышение эффективности механизмов регулирования и саморегулирования	Максимальное повышение эффективности условий внешней и внутренней среды	Максимальное достижение эффекта синергии при развитии региональной специализации
Параметры внешних и внутренних пропорций	→	→	→	→	→
Параметры влияния механизмов			→		
Параметры влияния условий среды				→	
Параметры формирования региональной специализации					→

Применение такой системы показателей позволяет путем итерационных решений модели оценивать степень влияния на пропорции задаваемых условий и механизмов, а также определять допустимые значения показателей факторных изменений, то есть предельные значения системных параметров, при которых сохраняется область пересечения интересов и, соответственно, необходимая направленность синергетики.

В зависимости от поставленных задач исследования можно формировать «жесткое закрепление» конкретных показателей. Так, для решения проблемы перехода от диспропорций к пропорциональному развитию приморских регионов параметры такой «точки перелома» ситуации могут быть получены путем введения в систему ограничительных показателей соответствующих коэффициентов ресурсного баланса в качестве определенно зафиксированной динамики роста. Для этого представляется целесообразным предварительно сбалансировать исходные показатели на различных уровнях регионального управления с применением моделей В. Леонтьева «затраты-выпуск», корреляционных моделей факторных зависимостей различных уровней, а также моделей исследования жизненного цикла региональной специализации.

Следует отметить, что есть и дополнительные возможности формирования соответствующей информационной системы в рамках внешнеэкономических и межрегиональных отношений приморских региональных систем. А для Калининградской области как эксклавной приморской территории существует также необходимость таможенного оформления товаров и накопления соответствующей статистики при их транспортировке из региона на остальную территорию РФ и обратно. Кроме того, особо нужно сказать о накопленном калининградскими исследователями опыте в данном направлении, когда в конце 1960-х — начале 1970-х гг. были проведены научно-практические работы и построены варианты матричного моделирования пропорций Калининградской области.

Эти разработки стали началом соответствующих исследований и формирования типовых отраслевых моделей для рыбной промышленности [98, с. 79—132].

Таким образом, несмотря на определенные сложности применения метода балансовых моделей, следует отметить возможность и целесообразность их использования для приморских регионов в целях определения территориальных пропорций. При этом, формируя данные показатели, следует учитывать как общие, так и исключительные факторы, оказывающие особое влияние на региональную экономику конкретных территориальных образований и соответствующую системную пропорциональность. Например, для Калининградского региона целесообразно отразить в модели его развития специфические коммуникативные свойства как особой приморской системы, являющейся одновременно приграничной и эксклавной территорией. В данном случае кроме общих преимуществ развития морехозяйственного комплекса, предусмотренных в рамках функционально-объектной модели, необходимо учесть дополнительные факторы, включающие специфику хозяйственной деятельности в Калининградской области, что может быть сформулировано в виде следующих условий.

1. Влияние механизма ОЭЗ:

1.1. За счет активизации производства:

$$\sum \Delta O = \sum \Delta B,$$

где $\sum \Delta O$ — суммарный объем дополнительного выпуска продукции в связи с действием механизма ОЭЗ;

$\sum \Delta B$ — суммарные изменения показателей территориального баланса за счет указанного фактора.

1.2. За счет активизации инвестиционной деятельности:

$$\sum \Delta I = \sum \Delta B,$$

где $\sum \Delta I$ — суммарный объем инвестиций, привлеченных за счет механизма ОЭЗ.

1.3. За счет активизации внешнеэкономической деятельности:

$$\sum \Delta T = \sum \Delta B,$$

где $\sum \Delta T$ — суммарный объем внешнеторгового оборота.

2. Влияние челночного бизнеса на баланс показателей территориальной деятельности:

$$\sum \Delta Ч = \sum \Delta Б,$$

где $\sum \Delta Ч$ — суммарные объемы товаров, перевозимых в рамках «челночного бизнеса».

3. Влияние территориальной поляризации ресурсов:

$$\sum \Delta В = \sum \Delta Б,$$

где $\sum \Delta В$ — суммарный объем изменений возможностей системы за счет поляризации ресурсов.

Далее с учетом объединения всех влияющих факторов на базе указанных ранее итерационных решений можно получить допустимые отклонения параметров, в пределах которых обеспечиваются пропорции роста на основе сохранения области пересечения соответствующих интересов. А фиксирование необходимой динамики соответствующих показателей позволит идентифицировать структурное обеспечение в комплексе с необходимыми условиями и механизмами реализации задаваемых темпов роста, с ориентиром на максимально возможное достижение эффекта синергии. Соответствующие результаты оптимизационных расчетов становятся основанием для дополнений и корректировок системы сбалансированных показателей, позволяющей, таким образом, определять необходимые значения параметров соответствия эффекту синергии и далее отслеживать их изменение с оценкой отклонений от установленного допустимого уровня в целях обеспечения заданных территориальных пропорций. Укрупненный алгоритм решения данной задачи представлен на рисунке 3.3.1.

Данный алгоритм является содержательным наполнением работы программно-координирующего блока, представленного в параграфе 3.2. При этом ССП представляет собой практический инструмент выбора приоритетных стратегических направлений в заданных параметрах синергии и их реализации на основе обеспечения дальнейшего скоординированного управления.

Применение такой системы показателей в качестве исходной, а далее контрольной информации в процессе идентификации и последующей реализации стратегических направлений деятельности помогает принимать и корректировать управленческие решения в области пересечения интересов с сохранением суммарного эффекта для функционально-объектных структур региональной специализации, определяющей обеспечение поступательного пропорционального развития взаимодействующих сторон. На базе исследования и учета территориальной специфики, обуславливающей особенности действия закономерностей, предоставляется возможность обеспечивать необходимую направленность последних на основе мотивации и заинтересованности в выработке совместных и согласованных стратегических решений и, соответственно, создания возможностей системного управления в рамках регионального менеджмента.

Таким образом, в контексте обеспечения адаптации интегрированных региональных систем в современных условиях неопределенности формируется тесная содержательная взаимосвязь стратегии и структурной региональной политики.

В самом же процессе стратегирования, как уже было отмечено ранее, формируется главная роль стратегических проектов и программ, поскольку именно на данном уровне разработки перспектив может быть сформирован набор связей-отношений, обеспечивающих оптимальные (с позиций адаптации) границы интеграционного взаимодействия и требования к параметрам среды в формате конкретных условий и механизмов.

Что же касается практической реализации интеграционных связей, то здесь в региональном управлении формируется со-

ответствующая роль структурной политики. При этом внимание политиков в части структурного регионального развития и пропорций следует концентрировать на вопросах проектно-программного управления с акцентом на создание мотивационной основы реализации конкретных стратегических разработок.

В связи с вышесказанным для систем интегрированного взаимодействия формирование и разработка проектов и программ развития основных направлений специализации региона приобретает центральное значение и ключевую роль в региональном стратегическом управлении. Принципиальная модель управления с упором на разработку и реализацию стратегических проектов и программ представлена на рисунке 3.3.2.

На входе указанной системы (рис. 3.3.2) формируются параметры, определяющие текущее состояние региона и прогноз соответствующих изменений с учетом принятой стратегии и концепции регионального роста, а также проводимой структурной экономической политики. На выходе происходит формирование обратной связи, включающей встречные предложения и дополнения к концептуальному видению регионального развития, стратегии и структурной политике. Таким образом, взаимное влияние стратегической концепции и региональной политики отмечается как на входе, так и на выходе указанной системы. Это дает возможность в процессе разработки и реализации стратегических программ и принятия решений, определяющих структурную региональную политику, влиять на экономику путем оптимизации ресурсного потенциала и создания условий для развития специализации. В условиях формирования благоприятных тенденций реализуется стратегическое видение пропорционального роста и наблюдается соответствующая положительная динамика указанных процессов. И наоборот: при отрицательной (частично или полностью) динамике следует констатировать наличие проблем регионального развития, являющихся по своей природе зеркальным отражением проводимой структурной экономической политики.

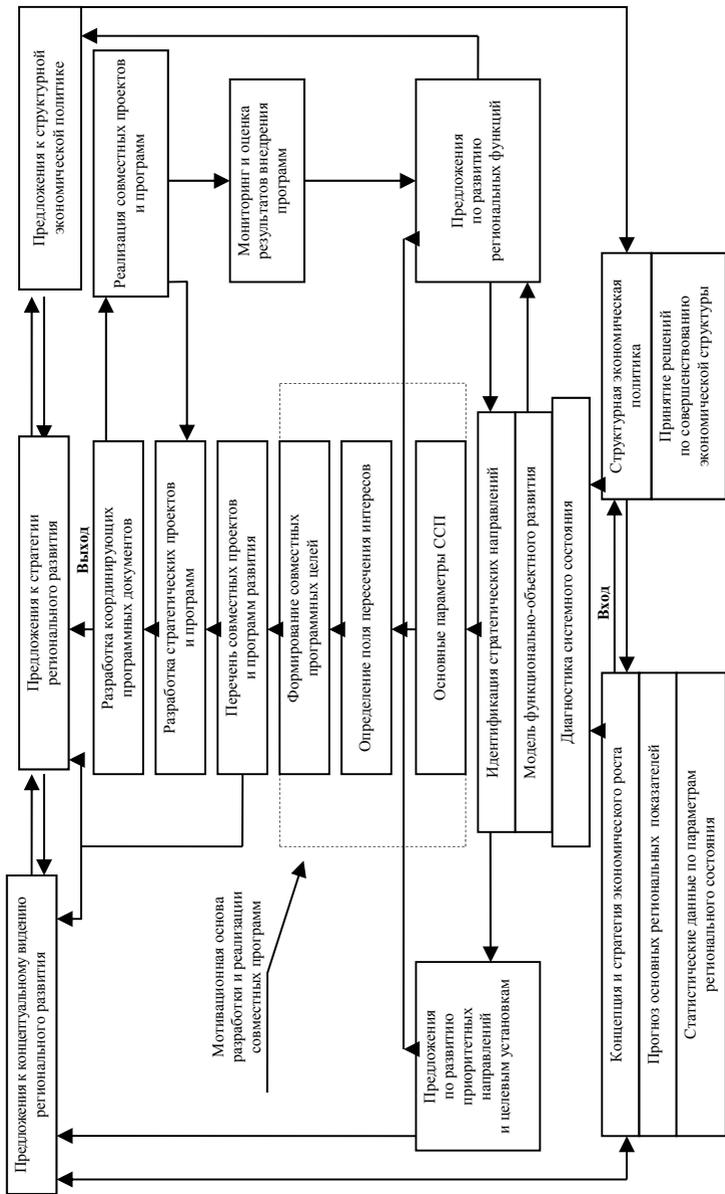

Рис. 3.3.2. Модель стратегического управления функционально-объектным развитием интегрированных региональных систем

Анализ причин складывающейся ситуации предполагает исследование факторов, определяющих действие закономерностей регионального развития и специфики их проявления в данном регионе, а также выявление степени соответствия проводимой структурной политики указанным закономерностям. Следует подчеркнуть, что логика системного подхода к стратегическому управлению социально-экономическим развитием любого объекта управления, в том числе территориальной системы, требует учета всех факторов внутренней и внешней среды, которые оказывают в настоящее время, а также будут оказывать влияние на социально-экономическое положение. Например, на основе выполненного анализа факторного влияния на социально-экономическое развитие Калининградской области можно выделить две группы условий — благоприятных и неблагоприятных.

Благоприятные факторы

1. Наличие морских незамерзающих портов.
2. Относительно развитая транспортная инфраструктура.
3. Квалифицированная рабочая сила.
4. Рынок Калининграда — часть ёмкого рынка России.
5. Расположение в зоне влияния Санкт-Петербурга — центра Северо-Запада России.
6. Использование возможностей, предоставленных Законом об ОЭЗ.
7. Развитие единых европейских инфраструктурных отраслей (транспорт, энергетика)

Неблагоприятные факторы

1. Общее кризисное состояние национальной и региональной экономики.
2. Несбалансированность сырьевой базы и ведущих отраслей специализации промышленности.

3. Ограниченная емкость регионального рынка.
4. Территориальная изолированность от России (проблема передвижения граждан и грузов различного назначения).
5. Возрастание конкуренции между морехозяйственным комплексом региона и Северо-Запада России.
6. Непосредственная конкуренция с товаропроизводителями иностранных государств.
7. Возрастание различий в уровне жизни населения области и приграничных государств.
8. Поляризация ресурсов и усиление дифференциации по уровню жизни между территориальными образованиями внутри области.

Учитывая вышесказанное, можно отметить следующую специфику проблемного поля Калининградской области как особой приморской территории:

- усиление сложностей коммуникативных процессов с внешней средой за счет эксклавного расположения;
- объективное относительное снижение уровня эффективности экономической деятельности;
- усиление негативного влияния факторов теневой экономики («челночный» бизнес и др.);
- поляризация ресурсов, усиливающаяся в связи с действием Закона об ОЭЗ.

Данные проблемы отражают противоречия между условиями хозяйственной деятельности, сформированными в рамках региональной экономической политики, и спецификой проявления закономерностей развития и размещения производительных сил. Проведенная диагностика названных проблем позволила выявить недостаток учета влияния таких закономерностей, как закономерности эффективности, необходимости выравнивания уровней экономического и социального развития, рационального территориального разделения труда и обеспечения комплексного развития хозяйства. В целях устранения указанных противоречий для развития морехозяй-

ственного комплекса Калининградской области необходимо в рамках регионального стратегического управления и структурной экономической политики использовать преимущества приморского территориального расположения. В соответствии с этим основными принципами формирования подходов к развитию региона становятся следующие:

- использование общих преимуществ приморского расположения;
- использование механизма ОЭЗ;
- смягчение отрицательного влияния на экономику области фактора территориальной оторванности от остальной государственной территории;
- снижение влияния фактора поляризации ресурсов и выравнивание территориального развития;
- снижение отрицательного влияния «челночного» бизнеса и других факторов негативного характера.

Реализация перечисленных принципов на основе применения функционально-объектного моделирования регионального роста формирует возможность практической проработки потенциально перспективных направлений развития региона в формате оценки их функциональности и в контексте действующих условий хозяйствования и реалистичности. Например, из комплекса потенциальных направлений развития экономики Калининградской области нужно выделить направления, наиболее перспективные с точки зрения долгосрочных приоритетов:

- морехозяйственный комплекс, в первую очередь рыбная промышленность и янтарная отрасль;
- регион как транспортный узел государственного и международного значения;
- направления специализации с использованием преимуществ ОЭЗ;
- туристско-рекреационная сфера;
- сельское хозяйство;

- малый и средний бизнес как основа внедрения инновационных и наукоемких направлений;
- инфраструктурное обеспечение для указанных направлений.

Резюмируя представленные предложения, нужно отметить, что с учетом особого геополитического расположения области ключевой мотив развития калининградской экономической базы в целом должен заключаться в создании максимально благоприятных условий для интеграции отечественной экономической системы с европейскими государствами. Соответственно важным моментом становится обеспечение необходимого уровня региональной международной конкурентоспособности. А для этого требуется реализация политики, направленной на создание приоритетных условий для малого и среднего бизнеса в свете поддержки инноваций, с использованием и развитием преимуществ Особой экономической зоны эксклавного региона. При этом нужно учитывать, что в Калининграде удобно вести дела, однако трудно организовать относительно крупное многоуровневое производство, которое удобнее размещать в центральных регионах. Крупное производство, планируемое к размещению в регионе, должно быть максимально ориентировано на использование выгод при сокращении недостатков экономико-географического положения территории, то есть быть наименее ресурсо- и энергоемким, малостадийным и при этом направленным на развитие прямых хозяйственных связей с европейскими и мировыми производителями. Следует подчеркнуть, что для развития экономической базы нужны масштабные инвестиции. В целях же привлечения соответствующих инвестиционных вложений в экономику области необходимо максимальное ориентирование на мотивацию соответствующей деятельности для использования и создания уникальных конкурентных преимуществ Калининградского региона.

Таким образом, на основе применения методологии функционально-объектного подхода для Калининградской области возможно формирование модели, позволяющей оценить взаи-

мосьвязь ключевых параметров отраслевого развития как положительно влияющих на формирование функций территориальной специализации и одновременно прогнозировать уровень будущих негативных сторон взаимодействия и сопутствующих возможных рисков. В частности, рекомендуется учет основных факторов роста, которые включают богатые природные ресурсы, мягкий умеренный климат, условия Особой экономической зоны, а также стратегическое географическое расположение. Будучи самой западной и эксклавной российской территорией, а также анклавом Евросоюза, Калининградская область характеризуется выгодным расположением с позиций близости европейских рынков и пересечения основных транспортных магистралей, связывающих западное и восточное направления.

В то же время нельзя не учитывать территориальную оторванность региона от остальной части России и последствия сложившихся диспропорций — это формирует экономические риски, связанные с возможным повышением затрат, а также прямыми убытками. Кроме того, приморское расположение обуславливает наличие рисков природного и техногенного характера. Что касается приграничного расположения области, то здесь могут влиять политические, а также экономические риски, связанные с возможным развитием масштабного структурного кризиса.

Применение системы сбалансированных показателей позволит реализовать системное исследование и диагностику проблемного поля региональной системы. Одновременно с учетом указанной оценки сложившейся в регионе ситуации может быть сформирована область пересечения интересов различных уровней, а также определены возможные значения показателей при условиях обеспечения пропорциональности. Получаемые параметры балансирования рекомендуются для применения в предлагаемой функционально-объектной модели в качестве исходной информации, объективно отражающей сложившиеся пропорции и потребности в их развитии. При этом

обеспечивается ориентирование стратегических направлений деятельности на максимально возможное достижение региональной эффективности и пропорциональное развитие, а дальнейшие итерационные расчеты в ходе реализации указанных направлений в допустимых пределах задаваемого баланса показателей определяют необходимые темпы формирования пропорций и их развития в области пересечения интересов и соответствующих параметров синергетического эффекта.

== ЗАКЛЮЧЕНИЕ ==

В сегодняшних условиях глобализации и продолжающегося развития кризисных процессов, когда происходит усиление роли и влияния приморских территорий на реализацию интеграции как в рамках внутренних экономических систем, так и во внешнеэкономической деятельности, формируется настоятельная необходимость в обеспечении сбалансированного экономического роста приморских регионов. Реализация этого требования времени в условиях действия закономерностей и рыночных механизмов возможна на основе консолидации усилий и совместных действий властных структур, бизнеса и общественности. Согласованность таких действий может быть обеспечена общностью интересов и организационной системой, объединяющей усилия заинтересованных сторон. При этом координация и согласование должны происходить на уровне формирования программных документов стратегического видения и соответствующей региональной экономической политики.

В данной монографии последовательно представлены исследование основных теоретических подходов к управлению региональным развитием в современных экономических условиях и обоснована необходимость особого подхода к управлению развитием интегрированных экономических систем приморского расположения. Предложена также концепция управления пропорциональным развитием указанных территорий, включающая методологию и организационные аспекты обеспечения функционально-объектного подхода, основанного на реализации принципов системного моделирования и мотивации функций и объектов их обеспечения в рамках региональной специализации, формирующей устойчивый рост.

Для достижения целей исследования автором сформирован соответствующий понятийный аппарат и обоснованы выбранные методы; введено понятие функционально-объектного подхода, являющегося интерпретацией тезаурусного подхода системных исследований применительно к приморским региональным системам, отличающимся высоким уровнем неопределенности в связи с подвижностью границ внутреннего и внешнего интегри-

рованного взаимодействия. С учетом указанной специфики в данной работе сделан упор на мотивационные принципы управления, позволяющие в условиях нестабильности и возможных рисков сформировать систему управления экономическим поведением хозяйствующих субъектов. Для этого предложено применение функционально-объектной модели управления в параметрах, определяющих заинтересованность в реализации таких направлений специализации, которые позволят обеспечить сбалансированный и пропорциональный рост территориальных систем на перспективу на основе обоснования и идентификации стратегических направлений деятельности.

В соответствии с поставленной задачей в работе предлагается применение методов балансирования и оптимизации региональных параметров.

Реализация выбранного подхода направлена на обеспечение принятия и корректировки стратегических решений с сохранением синергии и необходимой направленности действия закономерностей размещения и ресурсной поляризации в соответствии с заданными пропорциями роста. При этом с учетом оценки складывающейся в регионе ситуации в рамках функционально-объектного моделирования представляется возможным обеспечить оптимизацию выбора стратегических направлений развития с постоянным отслеживанием множества изменяющихся факторов среды и, следовательно, поддерживать гибкую управленческую реакцию.

В работе рассмотрены практические аспекты реализации функционально-объектного подхода в системе стратегического управления на примере Калининградской области как особой приморской системы интегрированного регионального сотрудничества. В целях выравнивания территориальных диспропорций и обеспечения сбалансированного регионального роста предложена принципиальная схема формирования системы сбалансированных показателей, алгоритм применения данной системы в региональном управлении при выборе приоритетных направлений специализации и формировании соответствующих стратегических проектов и программ, а также при согласовании и выработке единых принципиальных позиций структурной региональной политики.

== БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ==

Нормативно-правовые документы

1. Конституция РФ от 12.12.1993 г. (ред. и изм. от 30.12.2008 №7). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 г. №51. Ч. 1 (ред. от 27.06.2012). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Гражданский кодекс РФ от 26.01.1996 г. №14. Ч. 2 (ред. от 30.11.2011). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Гражданский кодекс РФ от 26.11.2000 г. №146. Ч. 3 (ред. от 05.06.2012). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Гражданский кодекс РФ от 18.12.2006 г. №230. Ч. 4 (ред. от 08.12.2011). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об иностранных инвестициях в Российской Федерации : ФЗ РФ от 09.07.1999 г. №160-ФЗ (ред. от 06.12.2011). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: ФЗ от 08.12.2003 г. №164-ФЗ (ред. от 06.12.2011). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий : ФЗ от 31.12.2005 г. №199-ФЗ (ред. от 30.11.2011). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об особых экономических зонах : ФЗ от 22.07.2005 г. №116-ФЗ (ред. от 30.11.2011). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений : ФЗ от 25.02.1999 г. №39-ФЗ (ред. 12.12.2011). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. *Об общих* принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : ФЗ от 06.10.2003 г. №131-ФЗ (ред. 10.07.2012). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. *Об утверждении* Требований к стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации : приказ Министерства регионального развития РФ от 27.02.2007 г. № 14. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. *Концепция* развития рыбного хозяйства Российской Федерации. URL: http://otherreferats.allbest.ru/agriculture/00200127_0.html (дата обращения: 06.07.2013).

14. *Концепция* судоходной политики Российской Федерации. URL: <http://seanews.su/component/content/article/1-latest-news/99--2030-.html> (дата обращения: 15.07.2013).

15. *Концепция* Федеральной целевой программы «Мировой океан». URL: (<http://www.zakonprost.ru/content/base/part/122023>) (дата обращения: 07.07.2013).

16. *Концепция* национальной безопасности Российской Федерации. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2000-01-14/6_concept.html (дата обращения: 17.07.2013).

17. *Морская* доктрина Российской Федерации на период до 2020 г. URL: http://nvo.ng.ru/wars/2001-08-03/4_sea_doctrina.html (дата обращения: 10.06.2013).

18. *Стратегия* развития судостроительной промышленности на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу. URL: <http://www.lawmix.ru/prof/14417> (дата обращения: 18.06.2013).

19. *Транспортная* стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. URL: http://www.mintrans.ru/documents/detail.php?ELEMENT_ID=13008 (дата обращения: 19.06.2013).

20. *Государственная* стратегия экономической безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/228375> (дата обращения: 20.06.2013).

21. *О государственной* поддержке организаций, осуществляющих инвестиции в форме капитальных вложений на территории Калининградской области : закон Калининградской области от 27 июня 2002 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. *Об Особой* экономической зоне в Калининградской области : федеральный закон от 10.01.2006 г. № 16-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. *Стратегия* социально-экономического развития Калининградской области до 2031 года. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.06.2013).

Научная и учебная литература

24. *Абалкин Л. И.* Избранные труды : в 4 т. М., 2000.

25. *Абалкин Л. И.* Проблемы переходного периода // Эволюционный подход и проблемы переходной экономики : доклады и выступления участников международного симпозиума, г. Пущино, 12—15 сентября 1994 г. М., 1995. С. 14—15.

26. *Абалкин Л. И.* Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики. М., 1997.

27. *Абалкин Л. И.* Хозяйственный механизм общественных формаций. М., 1986.

28. *Абдуллин Р.* Профиль России в мировой экономике в свете ее обязательств по вступлению в ВТО // Общество и экономика. 2012. № 5. С. 65—77.

29. *Абчук В. А.* Управление в гибком производстве. М., 1990.

30. *Абросимова И. Л.* Региональная программа развития как средство увеличения ресурсного потенциала региона // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. 2001. № 3. С. 89—91.

31. *Аганбегян А. Г.* Советская экономика: взгляд в будущее. М., 1988.

32. *Агафонов В. А.* Инвестиционная стратегия региона и «точки роста» // Экономическая наука современной России. 2008. № 2. С. 66—76.

33. *Анохин П. К.* Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. М., 1971.

34. *Айзард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М., 1966.

35. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М., 1983.

36. *Александров О. Б.* Регионы во внешней политике России. Роль Северо-Запада. М., 2005.

37. *Анимица Е. Г.* Экономический рост в дискурсе пространственно-временной парадигмы // Экономика региона. 2010. №2. С. 24—28.
38. *Аношкина Е. А.* Региональная и производственная интеграция как условие повышения инновационной активности высокотехнологичного сектора экономики // Инновации. 2008. №2. С. 90—99.
39. *Ансофф И.* Новая корпоративная стратегия. СПб., 1999.
40. *Ансофф И.* Стратегическое управление. М., 1989.
41. *Анфилатов В. С.* Системный анализ в управлении. М., 2002.
42. *Афанасенко И. Д.* Хозяйственный строй России. СПб., 2012.
43. *Афанасенко И. Д.* Ритмический характер развития общества // Вестник Балтийского научного центра. 1999. №2 (13). С. 12—21.
44. *Афанасенко И. Д.* Русская цивилизация и XXI век. СПб., 1999.
45. *Барabanов А. Е.* Оценка конкурентоспособности региона // Проблемы теории и практики управления. 2011. №3. С. 69—81.
46. *Барabanов А. Е.* Оценка экономического развития регионов (на примере СЗФО) // Проблемы теории и практики управления. 2012. №7/8. С. 62—71.
47. *Бард В. С., Бузулуков С. Н., Дрогобыцкий И. Н., Щепетова С. Е.* Инвестиционный потенциал российской экономики. М., 2003.
48. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
49. *Бокарева И. В.* Инновационно-инвестиционная стратегия развития России в условиях глобализации. 2006. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/dis/wed/153083.html> (дата обращения: 17.08.2013).
50. *Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г.* Системные исследования: методологические проблемы. М., 1982.
51. *Бударов А. Ю.* Синергетическое взаимодействие элементов инновационной системы: виды и формы // Оборонный комплекс научно-техническому прогрессу России. 2007. №4. С. 7—8.
52. *Бударов А. Ю.* Методология управления развитием научно-производственных комплексов на основе системно-синергетического подхода. М., 2010.
53. *Большой экономический словарь.* М., 2007.
54. *Белоцерковский О. М.* Экономическая синергетика: вопросы устойчивости. Новосибирск, 2006.
55. *Бударин Г.* Еврорегионы с участием России: история создания и перспективы развития. URL: www.4cs.ru/materials/wp-id_620 (дата обращения: 12.08.2013).

56. *Берталанфи Л. фон.* История и статус общей теории // Системные исследования. Ежегодник. 1973. М., 1974. С. 20—37.
57. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем : сборник переводов / под ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М., 1969. С. 23—82.
58. *Бильчак В. С., Захаров В. Ф.* Региональная экономика. Калининград, 1998.
59. *Бильчак В. С., Клемешев А. П., Никитин В. П.* Трудовая активность и реформы: региональный аспект. СПб., 1993.
60. *Бильчак В. С.* Мотивационный механизм развития посткризисной экономики регионов России // Вестник Балтийского научного центра. 2003. № 1 (18). С. 3—12.
61. *Бильчак В. С., Самсон И., Федоров Г. М.* Калининградский полюс интеграции. Стратегия развития эксклавного региона России. Калининград, 1999.
62. *Бильчак В. С.* Приграничная экономика. Калининград, 2001.
63. *Бильчак В. С.* Теоретические аспекты мотивационных принципов предпринимательства // Актуальные проблемы научных исследований партнерских университетов в сфере экономики / под ред. В. С. Бильчака, М. Горновича. Калининград, 2010. С. 25—40.
64. *Блех Ю., Чуйкин А. М.* Применение моделей программных решений в условиях неопределенности в управлении потенциалом организаций // Актуальные проблемы научных исследований партнерских университетов в сфере экономики / под ред. В. С. Бильчака, М. Горновича. Калининград, 2010. С. 9—25.
65. *Вардомский Л. Б.* Российское порубежье в условиях глобализации. М., 2009.
66. *Вебер А.* Теория размещения промышленности. М., 1926.
67. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетарное явление. М., 1991.
68. *Ветлугин С. Ю.* Обеспечение устойчивого социально-экономического развития региона на основе регулирования инвестиционной деятельности. СПб., 2005.
69. *Виттих В. А., Скобелев П. О.* Мультиагентные модели взаимодействий для построения сетей потребностей и возможностей в открытых системах // Автоматика и телемеханика. 2003. № 1. С. 177—185.
70. *Выбор* стратегических приоритетов регионального развития: новые теоретико-методические подходы / под ред. В. В. Окрепилова. СПб., 2008.

71. *Гиг Дж. ван.* Прикладная общая теория систем : в 2 кн. М., 1981.
72. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.
73. *Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г.* Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы центрального регулирования. М., 1992.
74. *Гневко В.А.* Федеральная региональная социально-экономическая политика как инструмент преодоления асимметрии в развитии российских регионов // Экономика и управление. 2006. №2. С. 23—25.
75. *Горбачев В.Л.* Научные основы целеполагания в системе управления развитием промышленного комплекса // Труды учебных заведений связи. СПб., 2004.
76. *Гогоберидзе Г.Г.* Структура и свойства морехозяйственного потенциала приморских территорий // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. №3. С. 75—81.
77. *Город Канта.* Внешнеэкономическая деятельность. URL: <http://gogodkanta.ru/?type=500&neat=158> (дата обращения: 17.08.2013).
78. *Государственное* регулирование рыночной экономики / под ред. В.И. Кушлина. М., 2008.
79. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики. М., 2006.
80. *Гранберг А.Г.* Проблемы стратегии территориального развития России. М., 2007.
81. *Гранберг А.Г.* Пространственный аспект экономической динамики. Модернизация экономики России. Социальный контекст. М., 2004.
82. *Грант Р.М.* Современный стратегический анализ. СПб., 2008.
83. *Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е.* О промышленном развитии Российской Федерации // Экономика и управление. 2008. №5. С. 2—7.
84. *Гришина И.В.* Анализ и прогнозирование инвестиционных процессов в регионах России. М., 2005.
85. *Гришина И., Шахназаров А., Ройзман И.* Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимосвязей // Инвестиции в России. 2001. №4. С. 5—16.
86. *Гусаров Ю.В.* Управление: динамика неравновесности. М., 2003.

87. *Гутман Г.В.* Инвестиционная политика в регионе. Владимир, 2007.
88. *Гутман Г.В., Кретинин В.А.* Институциональные формы управления региональной экономикой. Владимир, 2002.
89. *Гутман Г.В., Мироедов А.А., Федин С.Ф.* Управление региональной экономикой. М., 2002.
90. *Дадаев Л.М.* Теоретические аспекты анализа кластерной организации региональной экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2008. №24 (81). С. 50—56.
91. *Дементьева А.Г.* Современные условия глобализации и роль транснациональных корпораций // Инициативы XXI века. 2010. № 1. С. 59—64.
92. *Дмитриев Ю.А., Скорик В.М., Шустров И.Л., Хартанович К.В.* Актуальные проблемы развития региональной экономики. Владимир, 2011.
93. *Доничев О.А.* Инновационные аспекты активизации социально-экономического развития регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2010. №12. С. 12—19.
94. *Драчёва Е.Л.* Проблемы определения и классификации интегрированных корпоративных структур // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. №4. С. 15—20.
95. *Дранев Я., Клёсова С.* Практика экономического развития территорий: опыт ЕС и России. М., 2001.
96. *Дынкин А.А., Соколов А.А.* Интегрированные бизнес-группы: прорыв к модернизации страны. М., 2001.
97. *Дэжерс Л.* Мотивация: теория и практика. М., 2007.
98. *Журавков В.О., Ивченко В.В.* Система матричных моделей планирования и управления в рыбной промышленности СССР. М., 1976.
99. *Зимин А.А.* Механизм формирования интегрированного производства в промышленности региона. Рязань, 2002.
100. *Ивченко В.В.* Программно-стратегическое развитие приморского региона России: теория, методология, практика. Калининград, 2003.
101. *Ивченко В.В., Самойлова Л.Б.* Свободные экономические зоны в зарубежных странах и России. Калининград, 1999.
102. *Ивченко В.В.* Очерки инновационной экономики приморских регионов России. Теория, методология, практика. Калининград, 2006.

103. *Ивченко В. В.* Сетевое программирование развития приморских регионов России: Теория, методология, практика. Калининград, 2008.
104. *Ивченко В. В.* Развитие инновационной инфраструктуры приморского региона России. Моделирование управления развитием. Калининград, 2010.
105. *Ильин М. С., Тихонов А. Г.* Финансово-промышленная интеграция и корпоративные структуры: мировой опыт и реалии России. М., 2002.
106. *Калининградская область в цифрах* : статистический сборник. Калининград, 2012.
107. *Калининград в цифрах*. URL: www.maprex.ru/pager.php?id=95 (дата обращения: 22.08.2013).
108. *Карачаровский В.* Стратегические изменения в российской инновационной системе (элементы кросс-отраслевого и кросс-регионального анализа) // Общество и экономика. 2012. № 5. С. 5—24.
109. *Клейнер Г. Б.* Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 99—114.
110. *Клейнер Г. Б.* Состояние и перспективы российских промышленных предприятий: конфликт теории и практики. М., 2006.
111. *Клемешев А. П.* Глобализация, регионализация и проблемы эксклавов. Калининград, 2005.
112. *Клемешев А. П., Мау В. А.* Стратегия развития Калининградской области. Калининград, 2007.
113. *Клемешев А. П.* Российский эксклав: преодоление конфликтности. СПб., 2005.
114. *Княгинин В. Н.* Государственная политика регионального развития в России // Российское экспертное обозрение. № 7. URL: <http://www.rusrev.org/content/data/article/file/st32819.pdf> (дата обращения: 17.06.2013).
115. *Кокинз Г.* Управление результативностью: как преодолеть разрыв между объявленной стратегией и реальными процессами. М., 2007.
116. *Колесников Н. Е.* Стратегические приоритеты социального развития регионов: методологические аспекты // Материалы международной научно-практической конференции. М., 2007. С. 293—297.
117. *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989.

118. *Концепция* Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. URL: www.ksocpol.rags.ru/files/koncreg.htm (дата обращения: 06.08.2013).
119. *Коробова О. В., Быковский В. В., Герасимов Б. И.* Региональная экономика: реструктуризация системы управления развитием региона. Тамбов, 2002.
120. *Крылов С. И.* Развитие методологии анализа в сбалансированной системе показателей. М., 2010.
121. *Кузнецов О.* Теоретические основы государственного регулирования экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 46—66.
122. *Кулматов К. Н., Митрофанова А. В., Панов А. Н.* Региональные аспекты международных отношений. М., 2010.
123. *Курдюков С. И.* Региональное управление социально-экономическими процессами // Региональная экономика. 2011. №28. URL: www.uecs.ru/.../item/394-2011-04-25-08-12-38 (дата обращения: 14.06.2013).
124. *Курнышев В. В.* Региональная экономика. Основы теории и методы исследования. М., 2010.
125. *Леонтьев В. В.* Избранные произведения: в 3 т. М., 2006.
126. *Либман А.* Модели корпоративной интеграции: региональные особенности // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 5. С. 47—50.
127. *Линецкий А. Ф.* Внешнеэкономическая деятельность субъекта Российской Федерации в современных условиях и посткризисный период // Международная экономика. 2010. № 2. С. 40—50.
128. *Ливенцев Н. Н., Харламов В. Н.* Международная региональная экономическая интеграция. М., 2001.
129. *Малков С. Ю.* Нелинейная динамика нелинейного мира // Экономические стратегии. 2009. № 8. С. 44—51.
130. *Международные отношения в XXI веке.* Глобальное в региональном, региональное в глобальном / под ред. А. С. Макарычева. Н. Новгород, 2000.
131. *Мирюлобова Т.* Идентификация региональных кластеров (на примере Пермского края) // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 6. С. 8—19.
132. *Межевич Н. М.* Балтийский регион: конструктивистская специфика и политические итоги. URL: <http://megaregion.narod.ru/articlestext6.htm> (дата обращения: 07.06.2013).

133. *Межевич Н. М.* Развитие приграничных российских регионов в свете Концепции Минрегионразвития // Российское экспертное обозрение. 2005. № 1(13). С. 41—43.

134. *Межевич Н. М.* Основные направления региональной политики Российской Федерации. СПб., 2007.

135. *Межевич Н. М.* Приграничное сотрудничество и практика деятельности еврорегионов на Северо-Западе России и в Республике Беларусь. СПб., 2009.

136. *Миниберг Г., Альстренд Б., Лэмпл Дж.* Школы стратегии. СПб., 2000.

137. *Мюрдаль Г.* Современные проблемы «третьего мира». М., 1972.

138. *Намчак С. А.* Регионы Российской Федерации как субъект международных отношений // Новые исследования Тувы. 2012. URL: <http://www.tuva.asia/journal/issue12/4473-namchak.html> (дата обращения: 17.07.2013).

139. *Рио-де-Жанейрская декларация* по окружающей среде и развитию URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 17.08.2013).

140. *Новокионова Д., Шмелева Н.* Международная интеграция: региональные институциональные структуры // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 2. С. 8—18.

141. *Нусратуллин В. К.* Неравновесная экономика. М., 2006.

142. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1995.

143. *Плотникова О. В.* Международное сотрудничество регионов: концептуальные подходы. М., 2005.

144. *Полынев А. О.* Межрегиональная экономическая дифференциация: методология анализа и государственного регулирования. М., 2003.

145. *Портер М.* Международная конкуренция. М., 1993.

146. *Пределы роста.* Доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества». М., 1991.

147. *Привалов В. М.* Создание инвестиционного механизма экономического развития интегрированных корпоративных структур : дис. ... канд. экон. наук. М., 2000.

148. *Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы.* СПб., 2006.

149. *Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. М., 2007.

150. *Региональная экономика* / под ред. В.И. Видяпина, М.В. Степанова. М., 2011.
151. *Региональное управление в федеративном государстве: очерки теории и практики* / под ред. В.А. Мау [и др.]. М., 2008.
152. *Регионы России: Социально-экономические показатели*. М., 2012.
153. *Рейтинг* РосБизнесКонсалтинг. URL: www.rating.rbk.ru (дата обращения: 15.08.2013).
154. *Рейтинг* регионов России. URL: www.inesnet.ru/strats-events-2010 (дата обращения: 23.08.2013).
155. *Рикардо Д.* Начало политической экономии и налогового обложения. М., 1995.
156. *Романова Е.* Региональные кластеры и конкурентная экономика (на примере Восточной Германии) // *Современная Европа*. 2008. №2. С. 90.
157. *Русакова Е.Г., Гукова А.В.* Региональная политика развития производственной инфраструктуры // *Вестник ВолГУ*. 2000. № 5. С. 49—52.
158. *Руденко А.П.* Самоорганизация и синергетика // *Сборник трудов семинара «Синергетика»*. 2000. Вып. 3. С. 61—99.
159. *Рыбалкин В.Е., Щербанин Ю.А., Балдин Л.В.* Международные экономические отношения. М., 2006.
160. *Рыжасков Е.Д., Царегородцев Е.И.* Кластерные стратегии развития экономики региона // *Региональная экономика: теория и практика*. 2008. № 9. С. 23—25.
161. *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974.
162. *Совершаева Л.П.* Теория и практика государственного управления региональными системами: опыт Северо-Западного региона России. СПб., 2007.
163. *Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант* / под ред. А.А. Дынкина. М., 2011.
164. *Симачев Ю., Соколов А., Горст М.* Стали ли федеральные целевые программы инструментом государственной промышленной политики? // *Российский экономический журнал*. 2002. № 8. С. 3—11.
165. *Стратегия макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации* / под ред. А.Г. Гранберга. М., 2004.
166. *Тамозженная статистика за 2012 г.* URL: <http://www.ventagroup.ru/news/nn/tamozhennaya-statistika-rossiyskoy-federatsii-za-2012-god.html> (дата обращения: 18.06.2013).

167. *Татаркин А.И.* Формирование саморазвивающихся регионов и их функционирование // Проблемы теории и практики управления. 2009. № 5. С. 50—55.

168. *Теория систем и системный анализ в управлении организациями* : справочник / под ред. В.Н. Волковой, А.А. Емельянова. М., 2006.

169. *Территориальное стратегическое планирование.* СПб., 2008.

170. *Третьяк В.П.* Форсайт как технология предвидения // Экономические стратегии. 2009. № 8. С. 52—59.

171. *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М., 1989.

172. *Урсул А.Д., Романович А.Л.* Концепция устойчивого развития и проблемы безопасности. URL: www.philosophy.nsc.ru (дата обращения: 05.06.2013).

173. *Уянаев Б.Б., Сабанчиев А.Х., Абаев Р.М.* Теоретико-методологические основы исследования закономерностей и тенденций социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики и права. 2011. № 11. С. 73—77.

174. *Федоров Г.М., Зверев Ю.М., Корнеевец В.С.* Российский эксклав на Балтике: Калининградская область в балтийском экономическом пространстве. Калининград, 1997.

175. *Фоломьев А.* Обоснование инновационного типа воспроизводства // Экономист. 2005. № 8. С. 40—45.

176. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990.

177. *Фундаментальные проблемы пространственного развития макрорегиона при переходе к инновационной экономике на примере Северо-Запада России* / под ред. В.В. Окрепилова. СПб., 2010.

178. *Хакен Г.* Синергетика. М., 1980.

179. *Холл А.* Опыт методологии для системотехники. М., 1975.

180. *Черников Г.П.* Европа на рубеже XX—XXI веков: проблемы экономики. М., 2006.

181. *Чернова Е.Г.* Методологические принципы и механизм интеграции хозяйственных образований : дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2011. URL: <http://www.dissercat.com...> (дата обращения: 05.05.13).

182. *Черняк Ю.И.* Системный анализ в управлении экономикой. М., 1975.

183. *Шабалина Е.И.* Стратегирование развития Калининградской области как особой приморской и приграничной территории //

Труды 34-й Международной научной школы-семинара им. акад. С. С. Шаталина «Системное моделирование социально-экономических процессов». Воронеж, 2011. Ч. 2. С. 237—238.

184. *Шабалина Е. И.* Стратегическое управление функционированием хозяйственных систем. Калининград, 1999.

185. *Шабалина Е. И., Бородина Л. А.* Региональное стратегическое управление развитием территорий и хозяйственных систем. Калининград, 2004.

186. *Шабалина Е. И.* Методологические аспекты формирования функционально-объектного подхода к управлению региональным развитием // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 3. С. 78—82.

187. *Шабалина Е. И.* Методологические особенности функционального моделирования развития приморских регионов // Народное хозяйство. 2011. № 2. С. 111—115.

188. *Шабалина Е. И.* Мотивация развития приморских регионов в условиях современной экономики // Общественные науки. 2011. № 3. С. 149—155.

189. *Шабалина Е. И.* Проблемы функционального развития приморских регионов // Общественные науки. 2011. № 2. С. 156—161.

190. *Шабалина Е. И.* Функциональные особенности развития приморских регионов // Актуальные проблемы научных исследований партнерских университетов в сфере экономики / под ред. В. С. Бильчака, М. Горновича. Калининград, 2010. С. 61—79.

191. *Шапкин И. Н.* Управление региональным хозяйством. М., 2005.

192. *Шеховцева Л. С.* Стратегическое целеполагание развития региона. СПб., 2007.

193. *Шеховцева Л. С.* Механизмы формирования стратегических целей развития регионального пространства // Актуальные проблемы научных исследований партнерских университетов в сфере экономики / под ред. В. С. Бильчака, М. Горновича. Калининград, 2010. С. 40—61.

194. *Эйби У. Р.* Введение в кибернетику. М., 1959.

195. *Яремчук Н. В.* Экономическое развитие современной России. М., 2005.

196. *Ялов Д. А.* Кластерный подход как технология управления региональным экономическим развитием // Компас промышленной реструктуризации. 2004. № 4. С. 28—30.

197. *Aron R., Lerner D.* La querelle de la CED. P., 1956.

198. *Balassa B.* The theory of Economic Integration. L., 1976.
199. *Cooper R.N.* Worldwide versus Regional Integration: Is there an Optimum Size of the Integrated Area // *Economic Integration: Worldwide, Regional, Sectoral.* N. Y., 1968.
200. *Disfrubition* Effective Demand and International Economic Relations / ed. by J. Kregel. L., 1983.
201. *Eckstein O.* Tax Policy and Core Inflation. Washington, 1980.
202. *Kahn R.* The Making of Keynes' General Theory. Cambridge, 1984.
203. *Kindleberger Ch. P.* European Integration and International Corporation // *Columbia Journal of World Business.* 1966. Vol. 1. P. 65—73.
204. *Kokko A.* Technology, Market Characteristics, and Spillover // *Journal of Development Economics.* 1994. Vol. 43. P. 279—293.
205. *Marchal A.* L'integration territoriale. P., 1965.
206. *McClelland D.C.* Methods of Measuring Human Motivation // *The Achieving Society* / ed. by J. W. Atkinson. N. Y., 1961. P. 41—43.
207. *Monetarist, Keynesian and New Classical Economics: Theory and Policy.* Cambridge, 1982.
208. *Myrdal G.* The Political Element in the Development of Economic Theory. N. Y., 1954.
209. *Falvey R., Foster N., Greenaway D.* Imports, Exports, Knowledge Spillovers and Growth // *Economics Letters.* 2004. Vol. 85. P. 209—213.
210. *Perroux F.* Le capitalismes. P., 1948.
211. *Perroux F.* Economic space: theory and applications // *Quarterly Journal of Economics.* 1950. Vol. 64. P. 89—104.
212. *Perroux F.* A Note on the concept of Growth Poles // *Regional Economics: Theory and Practice* / eds. D.I. McKee [et al.]. N. Y., 1970. P. 93—103.
213. *Perroux F.* L'Economie du XXe Siecle. P., 1964.
214. *Ward B.* The Ideal World of Economics: Liberal, Radical and Conservative Economic World Views. N. Y., 1979.
215. *Post-Keynesian Thought in Perspective* / ed. by W. Adriansen, J. Linden. Amsterdam, 1991.
216. *Recent Developments in Post-Keynesian Economics* / ed. by Ph. Arestis, V. Chick. Aldershot, 1990.
217. *Reconfigurable Manufacturing Systems and Transformable Factories* / ed. A. Dashchenko. Berlin ; N. Y., 2006.
218. *Repke W.* A Human Economy // *The Social Framework of the Free Market.* Indianapolis, 1971. P. 34.
219. *Repke W.* International Order and Economic Integration. Dordrecht, 1959.

220. *Regional Autonomy and International Relations* / ed. A. Pacheco. P., 2011.

221. *Schiff M.* Regional integration and development. Washington, 2003.

222. *Supply-side Economics*. Washington, 1981.

Официальные сайты

223. *Правительство* Калининградской области : официальный сайт. URL: www.gov39.ru (дата обращения: 16.09.2013).

224. *Калининградская* областная дума : официальный сайт. URL: duma.kaliningrad.org (дата обращения: 27.09.2013).

225. *Информационный портал* Фонда поддержки малого и среднего предпринимательства : официальный сайт. URL: www.fpmr39.ru (дата обращения: 27.09.2013).

226. *Министерство* финансов Калининградской области : официальный сайт. URL: www.minfin39.ru (дата обращения: 18.08.2013).

227. *Министерство* образования Калининградской области : официальный сайт. URL: edu.baltinform.ru (дата обращения: 15.09.2013).

228. *Отдел* региональной молодежной политики : официальный сайт. URL: web.molod39.ru (дата обращения: 10.09.2013).

229. *Министерство* социальной политики и труда Калининградской области : официальный сайт. URL: social.kaliningrad.org (дата обращения: 08.08.2013).

230. *Министерство* экономики Калининградской области (отдел туризма) : официальный сайт. URL: www.tourismkaliningrad.ru (дата обращения: 12.09.2013).

231. *МО* «Город Калининград» : официальный сайт. URL: www.klgd.ru (дата обращения: 07.09.2013).

232. *Территориальный орган* Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области : официальный сайт. URL: www.kaliningrad.gks.ru (дата обращения: 11.09.2013).

== СОДЕРЖАНИЕ ==

Введение	3
Глава 1. Теоретические подходы к управлению стратегическим развитием регионов в условиях экономической интеграции	7
1.1. Развитие региональных исследований экономического пространства. Теории и концепции региональной интеграции	7
1.2. Современные аспекты управления развитием интегрированных территориальных образований. Проблемы идентификации стратегических направлений	27
1.3. Трансформация подходов к стратегическому региональному управлению. Системная парадигма в исследованиях	39
Глава 2. Функционально-объектный подход к управлению стратегическим развитием приморских регионов как центров экономической интеграции	48
2.1. Регион как объект стратегического управления. Особенности интегрированных региональных систем приморского расположения.....	48
2.2. Основные понятия и принципы функционально-объектного подхода к стратегическому развитию приморских региональных систем	65
2.3. Концептуальные основы формирования функционально-объектной модели идентификации стратегических направлений приморского регионального сотрудничества.....	77

Глава 3. Применение функционально-объектного моделирования в управлении приморским стратегическим развитием в современных экономических условиях	98
3.1. Основные проблемы формирования приморского регионального потенциала. Системные предпосылки пропорционального роста.....	98
3.2. Особенности реализации функционально-объектной модели развития приморских регионов в системе стратегического управления	112
3.3. Обеспечение пропорционального развития стратегических направлений приморской специализации. Рекомендации к внедрению	125
Заключение	143
Библиографический список.....	145

Научное издание

Шабалина Елена Ивановна

ПРИМОРСКИЕ РЕГИОНЫ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ОБЪЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
СТРАТЕГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ
В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ

Монография

Редактор *Л. Г. Ванцева*. Корректор *Е. В. Владимирова*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 25.03.2014 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,1
Тираж 500 экз. (1-й завод 55 экз.). Заказ 57

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14